

В. А. Никонов

ВВЕДЕНИЕ

В

ТОПОНИМИКУ

- **Значения названий**
- **Формы названий**

• **Судьба названия**

URSS

В. А. Никонов

ВВЕДЕНИЕ В ТОПОНИМИКУ

Издание второе

URSS
МОСКВА

Никонов Владимир Андреевич

Введение в топонимику. Изд. 2-е. — М.: Издательство ЛКИ, 2011. — 184 с.

Настоящая книга посвящена изложению основ топонимики — науки, изучающей географические названия, их происхождение, смысловое значение, развитие, современное состояние, написание и произношение. Данная работа не является руководством по топонимическим исследованиям и представляет собой, по выражению автора, «топонимику для нетопонимистов». В увлекательной форме, с использованием ярких примеров в ней рассказывается о том, зачем нужна топонимика, все ли географические объекты на свете названы, почему некоторые из них со временем меняют названия, какие закономерности управляют топонимикой и т. д. Большое внимание уделяется процессу словообразования топонимов, их специфичности в языке.

Книга адресована географам, историкам, лингвистам, этнографам, краеведам и всем интересующимся географическими названиями; она может быть полезна студентам и преподавателям.

Издательство ЛКИ, 117335, Москва, Нахимовский пр-т, 56.

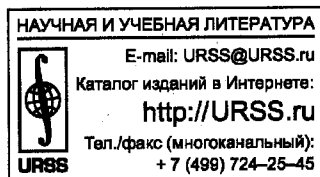
Формат 60×90/16. Печ. л. 11,5. Зак. № 4025.

Отпечатано в ООО «ЛЕНАНД».

117312, Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, 11А, стр. 11.

ISBN 978-5-382-01263-6

© Издательство ЛКИ, 2010

6131 ID 117846

Все права защищены. Никакая часть настоящей книги не может быть воспроизведена или передана в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, будь то электронные или механические, включая фотокопирование и запись на магнитный носитель, а также размещение в Интернете, если на то нет письменного разрешения владельца.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Топонимика (изучение топонимии, т. е. географических названий), получившая большой размах во многих странах, за последние годы все шире развивается и у нас: серьезно работают научные топонимические центры в Москве, Томске, Свердловске, Киеве, Вильнюсе, Риге, Таллине, Львове; в ряде университетов и педагогических институтов введен курс топонимики; состоялось восемь топонимических конференций и совещаний, проводятся топонимические экспедиции, стремительно увеличивается количество топонимических публикаций.

Но тревожно, что качественный рост пока не опережает количественного. Научный уровень этих работ не всегда отвечает требованиям современной науки. И с трибун конференций, и с печатных страниц порой выдают за топонимику любительские домыслы вроде утверждений, будто название Бендеры значило «я имею!», как воскликнул осаждавший город турецкий паша (действительная основа названия — заимствованное из иранских языков тюркское слово *бендер* «гавань»), а поволжское село Теплый Стан названо так за теплую встречу Ивана Грозного или теплую погоду при встрече (нарицательное *теплый стан* означало утепленные места стоянок для пограничных караулов и часто в топонимии Поволжья XVI—XVII вв.). Страшны не отдельные горькие ошибки, пусть даже обильные, а питающее их отсутствие элементарной топонимической грамотности. Если географ полагает, что оз. Баскунчак находится в Казахстане, — это ошибка (граница Казахской ССР проходит вблизи), но совсем иное, если он убежден, что это озеро наплакала девушка, выданная за нелюбимого, а соседнюю гору Богдо насыпал черт. В топонимике подобные антинаучные фантазии, немыслимые

сегодня ни в одной отрасли знания, вместо разоблачения всерьез распространяют. Это не ошибка, а непонимание основных закономерностей, по самой сущности своей враждебное науке. Даже из берущихся за топонимические исследования не все понимают, что топонимика — наука, и наука сложная. Это не вина их, а беда их — расплата за длительную запущенность у нас разработки основ топонимики. А заниматься без них изучением названий нельзя, как нельзя заниматься физикой, не зная ее основных законов.

Топонимическая неграмотность становится немалым злом и в практической деятельности. Грандиозно количество новых населенных пунктов и улиц, требующих названий; массов и поток переименований. А занимаются этой огромной работой нередко вслепую, не имея никаких топонимических знаний и даже не догадываясь о собственном незнании. В результате немало неудач, дорого обходящихся и государству, и населению.

Географические названия, естественно, привлекают массу краеведов-учителей, которые, не имея никакой необходимой подготовки и помощи, неизбежно попадают на ложный путь наивных этимологий, производя *Елец* от *ель*, объясняя *Воробьевку* и *Барановку* обилием воробьев и баранов.

К топонимии очень часто обращаются ученые — историки, лингвисты, географы, этнографы, то привлекая ее для иллюстрации своих положений, то пытаясь своими средствами объяснять ее. Незнание специфических закономерностей топонимики приводило их к совершенно ошибочным выводам. Только два примера. Один из крупнейших историков, покойный член-корр. Академии наук СССР А. И. Яковлев связал название г. *Хблуй* (в Ивановской обл.) со словом *холуй* «прислужник, лакей», хотя такое образование и неверно, и невозможно, так как в этом случае было бы «Холуи» или «Холуево», «Холуйское» и т. п. Ученый не знал, что топонимы *Хблуй* многочисленны по всей северной половине России и все они — не что иное, как распространенное в русских говорах нарицательное *холуй* «жоряга в реке, песчаный нанос». Печальный случай вызвал шумное обсуждение. Другой конфуз. Территорию древнего племени мещера очерчивали по названиям селений *Мещерское*, *Мещериново*, *Мещерка* — до Калуги и даже западней. Но документы показали, что эти

названия возникли в XVI—XVII вв. и обозначали помещичьи владения князей Мещерских (они тоже произошли не из мещеры, это казанские феодалы, которым Иван III в XV в. подарил Касимов в древней мещерской стороне). Подобные построения, рушась при первом прикосновении критики, погребали под своими обломками репутацию топонимики, снискав ей дурную славу ненадежного источника. А ненадежность эта и произошла именно оттого, что ученые, авторитетные в своей отрасли, взялись за топонимику без научной топонимической подготовки, чего в своей отрасли никогда бы не потерпели.

Предлагаемая книга и адресована широкой аудитории нетопонимистов, обращающихся к топонимике.

В основу ее легли лекции курса «Введение в топонимику», читанного автором на филологических факультетах Львовского государственного университета им. И. Франко в 1962/63 г. и Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова в 1963/64 и 1964/65 г.

Это не руководство по топонимическим исследованиям. Как раз наоборот: это — топонимика для нетопонимистов. Знать астрономию необходимо не только тем, кто собирается лететь на Марс. Книга адресована учителям и краеведам, ученым и студентам, географам и историкам, лингвистам и этнографам, всем интересующимся географическими названиями или всем могущим заинтересоваться ими.

Это многообразие адресатов обязывало к изложению, не требующему от читателя знаний сверх общего образования. Тем же обусловлено и построение: курс для специалистов строился бы в иной последовательности.

Поэтому топонимист не найдет для себя здесь важнейших глав, необходимых для занимающегося топонимикой (собирающие, классификация и мн. др.) специально. Они составляют другую работу автора «Методы топонимического исследования» — также курс, читанный автором в Львовском университете и на 1-м Всесоюзном топонимическом семинаре (Москва, август 1963).

Полное отсутствие сводных работ по основам топонимики вынуждает впервые связывать разрозненные наблюдения, решать многие кардинальные проблемы впервые, а некоторые только впервые ставить. Понятно, что многое остается нерешенным. Автор стремился не скрывать трудностей, противоречий и сомнений, а честно показать их

читателю, приглашая и его в поиск. При современном состоянии топонимической науки самое опасное — преподнести готовые ответы, выдавая домысел за окончательную истину.

Попытка представить топонимику на современном научном уровне придавала работе по необходимости полемический характер. Это может быть и минусом — разная бывает полемика. Но абсолютно несовместимы, взаимоисключающи требования, автоматически повторяемые отучившимися думать: вывести учебную литературу на передний край науки — и изгнать из нее все спорное. Бесспорно только повторенье избитых азов. Актуальность в науке — всегда борьба. Все зависит от цели, — идет ли принципиальный научный спор или сводятся мелкие счеты.

Невозможно перечислить всех отечественных и зарубежных ученых, на чьих трудах формировались топонимические взгляды автора. Из корифеев топонимики всего дороже имена Альбера Дюза (1877—1955) и Витольда Тапицкого (р. 1898), у нас — А. Х. Востокова (1781—1864) и А. И. Соболевского (1856—1929). Среди современных топонимистов, личному общению или переписке с которыми автор особенно многим обязан, — А. П. Дульзон, Э. М. Мурзаев, В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев, иностранные коллеги — П. Зволинский, Я. Отрембский, Э. Штибер, Ст. Роспонд, М. Карась, А. Заремба, П. Смочиньский (Польша), В. Шмилауэр, Я. Свобода, Я. Станислав, И. Лютерер (Чехословакия), В. Георгиев, И. Дуриданов, И. Заимов (Болгария), Р. Фишер, Э. Эйхлер, В. Шпербер, Т. Витковский (ГДР), Ф. Безлай, Р. Коларич (Югославия), Р. Шмитлейн, Р. Синду (Франция), Б. Г. Упбегаун (Англия). Может быть не меньше автор обязан тем, отношения с которыми были только многолетним топонимическим спором, — А. И. Попову, Б. А. Серебрянникову, занимающим иные позиции, впрочем, еще менее совместимые между собой; это заставляло многое передумать, исправлять ошибки, уточнять формулировки, но также и усилить аргументацию там, где автор убежден в неправоте оппонентов. Многого почерпнуто у ученых в смежных науках, не только таких близких, как историческая география (В. К. Яценский, М. В. Витов), а и дальних, как антропология, прежде всего в трудах Г. Ф. Дебеца, где я без успеха искал общность ареалов, зато нашел самое драго-

ценное — методологию. Консультацией по переименованиям помопали работники Президиума Верховного Совета РСФСР, особенно Л. К. Бухарова. Конечно, всех многочисленной в этом перечне лингвисты — Р. И. Аванесов, О. С. Ахманова, С. Г. Бархударов, С. Б. Бернштейн, Р. А. Будагов, И. К. Бунина, Б. В. Горнунг, Ф. Т. Жилко, В. А. Ицкович, П. С. Кузнецов, В. Г. Орлова, А. А. Реформатский, Н. И. Толстой. Некоторые из карт вычерчены М. И. Бубновой. В библиографии есть вклад Е. И. Кукушкиной, Н. И. Никитиной, А. Г. Симоновой. Но вряд ли что могло дать больше, чем тесная близость со всем молодым топонимическим движением в нашей стране. В этой книге найдется кое-что не только от топонимистов следующего поколения, как В. Д. Беленькая, Ю. А. Карпенко, А. К. Матвеев, М. Н. Морозова, Н. В. Подольская, Е. М. Поспелов, А. В. Суперанская, К. К. Целуйко, а и от их учеников, среди которых столько талантливой научной молодежи, и от сильных топонимических коллективов Томска, Свердловска, Львова, Риги, Вильнюса, Киева, и от одиночек-энтузиастов. Порой один вопрос краснеда или студента заставлял задуматься, по-новому повертывал изученное или поднимал совершенно не изученное. Никогда не была бы дописана эта книга без живого чувства локтя моих товарищей по Московской топонимической комиссии, топонимистов Киева и Москвы.

ЗАЧЕМ НУЖНА ТОПОНИМИКА?

Вообразим на мгновение, что с нашей планеты исчезли все географические названия — городов, сел, рек, морей, гор, стран, улиц. Тотчас остановилась вся работа почты. В напрасных поисках мечутся пожарные машины и скорая помощь — никаких адресов нет. Парализован транспорт: никто не знает, куда едет, где пересечь, а где сойти; грузы вместо Марселя едут в Гонолулу. Мировое хозяйство распалось, человечество отброшено к первобытному состоянию. И все из-за такой мелочи, как названия. Всего только слова! Как в чудесном стихотворении Маршака:

Не было гвоздя — подкова пропала.
Подкова пропала — лошадь захромала.
Лошадь захромала — командир убит.
Командир убит — армия бежит.
Враг вступает в город, пленных не щадя,
Оттого, что в кузнице не было гвоздя.

Этого не случится: «изъять» названия невозможно, они неотъемлемы от всей жизни современного общества. Их можно заменять, ставя на их место другие, но без названий не обойтись. Мы пользуемся ими на каждом шагу настолько привычно, что даже не замечаем их, пока не происходит какой-нибудь заминки. Зато сколько хлопот, если мы не можем связать названия с нужным объектом из-за ошибки, искажения или перемены, и тогда молодая специалистка при распределении получает назначение в Голодрановку или Свиныхохи — как они режут слух! Но уж если упрекать, то каждому себя: проверив, думал ли он о названиях, которыми пользуется, придется признать свою неблагодарную невнимательность к ним.

Мир шлоном названиями. Человечество позаботилось установить постоянные обозначения всех географических

объектов, с которыми имеет дело, иначе немислимо разобратся в их необозримой массе. Общее число названий на свете грандиозно и пока не поддается учету. В Швеции, стране не очень большой, их насчитано 12 млн.

Чем полней человечество овладевает природой, тем огромней количество названий и важней их роль.

Возникают новые объекты, требующие названия, возникает и потребность заменять старые названия.

Размах называний и переименований таков, что теперь уж нельзя предоставить их самотеку, по старинке, когда мирок ограничивался околицей села или хотя бы радиусом дневного переезда. Бездумное отношение к названиям вносит хаос. Нетрудно запутаться в бесчисленности стихийно возникающих названий. В Москве двенадцать улиц носят одинаковое название *Новая*¹. Представить только, во что обходится такая неразбериха почте, шоферам, приезжим, да и всем жителям и учреждениям! Назвать новые улицы оказалось трудней, чем их построить.

Французский генерал очень выразительно показал, чего может стоить нечеткость географических названий: «История войн изобилует примерами, когда казалось бы неважный инцидент решает участь сражения: ошибка при чтении приказа, смешение схожих названий двух пунктов... Во Франции существует очень большое число местечек с одинаковым наименованием; так, 125 с названием Сен-Жермен, 168 — Сен-Жак, 227 — Сен-Мартен. В одном только департаменте Нижней Сены, который мог быть театром действий одной армии, имеется 10 местечек с названием Сен-Мартен. Предположим, что во время сражения командующий примет решение направить в одно из этих местечек корпус или транспорт боеприпасов и в боевом приказе не укажет, о каком Сен-Мартене идет речь. Битва может быть проиграна из-за этого простого факта»². В записках о войне 1904 г. В. В. Вересаев привел потрясающий пример бездарности царского командования, стоившей жизни многим русским солдатам. На картах театра военных действий многие селения звались *Пугунда*; на месте же оказалось, что таких селений не существовало,

¹ «Улицы Москвы». М., 1964, стр. 226—228.

² Персэп. Очерки о войне. «Война и революция», 1926, № 10, стр. 123—125.

а *путунда* означало «не понимаю» — так отвечали местные жители чиновникам, составлявшим карты.

Иарядный разноречивый транскрипции (написания) названий, рождая путаницу и в картографии, и в печати. По-русски город *Пхеньян* (ныне столица Кореи) назывался *Пхенган*, *Пхион-ян*, *Пень-Ньян*, *Пхиенг-ян*. *Пхиэн'ян*, *Пхиенг-ян* и т. д.³ Такое нетрудное название, как *Кызылкуп*, писали у нас в 30 различных вариантах.

Но название — не только адрес. Внимательное отношение к нему вознаграждает, и очень щедро. В Московский областной музей привезли открытую кривандинскими школьниками железную руду. Местность между р. Полей и с. Муромским называлась почему-то *Железным лугом*. — «Вот и тайна, которую надо разгадать!» — сказал однажды старшеклассникам преподаватель географии С. П. Калинин. — «Значит, там есть железо» — решили школьники. Возник спор. После того они стали внимательно приглядываться к родной земле. На берегу речки нашли кусок руды. И это еще не служило доказательством. Организовали поход, и на глубине штыка лопаты натолкнулись на твердый слой, которого не брал топор, — так на восьми гектарах обнаружили руду с хорошим содержанием железа. Луг и впрямь оказался «железным»⁴.

В Зауралье есть с. *Рудное*. Заинтересовавшись его названием, обратились к архивам и неожиданно выяснили, что раньше тут действительно добывали руду, но разработку пришлось забросить как невыгодную при старинной технике. Современная техника позволяет использовать эти запасы. На наличие ценных месторождений указывают названия *Темир-тау* (из тюркск. «Железная гора»), гора *Магнитная*, *Равдозеро*, («рудное озеро», от финск. *rauta* «железо»), р. *Алдан* (из монг. «золото»).

Даже такое ценное практическое, прикладное применение — не главная польза.

Изучение географических названий служит самым разнообразным отраслям науки.

Скандинавский берег Балтийского моря медленно поднимается. Это незаметное для глаз вековое отступление

моря отразилось в названиях: в отдалении от моря названия, отмечавшие берег, залив, бухту, образовали линии, которые датируются по языковым признакам. Так и маленький ныне городок *Адрия* (в Италии), в глубокой древности важнейший порт, по которому некогда названо Адриатическое море, теперь лежит в 20 км от моря, названного его именем, но оттесненного мощными песчаными наносами реки По. В Сев. Вьетнаме крушной г. *Хайфон* «морская защита» — и действительно, он находился на морском берегу, а не за 17 км от него, как теперь, — столько ила выносит р. Красная.

Географические названия неоценимы для истории. В центре Москвы проходит улица *Кузнецкий мост*. Только в анекдоте хвастун уверял, будто он бывал в Москве и поплеывал в реку с Кузнецкого моста. На самом деле тут нет не только моста, а и реки. Откуда же название? Мост был! Здесь протекала река Неглинка, в XVIII в. заключенная в подземные трубы. Рядом располагались кузницы, по которым и звался мост. Название приоткрывает целый уголок старинной Москвы. Сколько названий — *Никитские ворота*, *Суцевский вал*, *Бутырская застава* — напоминают о давно не существующих оборонительных сооружениях вокруг расширившейся столицы. В Париже самый старый из мостов через Сену называется *Новый мост*, как *Новгород* «новый город» — один из древнейших русских городов.

Географические названия могут жить очень долго. *Афины*, *Дамаск*, *Нил* и многие, многие другие пережили не века, а тысячелетия. Археологические памятники воскрешают материальную культуру отдаленнейшего прошлого, но они немые: по ним точно установили, в какое время на какой территории господствовала ямная культура или культура андроновская, но не могут назвать народов — носителей этих культур. Названия — слова, — они красноречиво свидетельствуют о языке тех, кто их дал. А так как они прикреплены к месту, то по ним можно восстановить древний язык на определенной территории и очертить границы распространения его. Для большинства языков названия старше письменных свидетельств. Самые ранние памятники польской письменности, дошедшие до наших дней, принадлежат к XIV в., а несомненно польские географические названия старше на полтысячелетия и даже больше. Древнейшие из известных тюркских

³ В. Т. Зайчиков. Корея. М., 1951, стр. 81.

⁴ К. Николаев. Знать свой край. «Вокруг света», 1957, № 4, стр. 3.

текстов восходят к VII в., монгольских к XIII в., тунгусо-маньчжурских к XVI—XVII вв., финских к XVI в., а географические названия на этих языках несравнимо древней. Поэтому названия позволяют восстановить былое расселение народов, например, очерчивают территории исторического распространения славян в средние века далеко западней Эльбы, а на юге в Пелопоннесе. Географические названия как исторический источник оценил Ф. Энгельс, построив по ним схему размещения германских племен в I тысячелетии н. э.⁵

От некоторых исчезнувших языков вообще ничего не уцелело, кроме географических названий. Есть трогательная легенда: в тропических чащах над Ориноко долговечный попугай-ара кричит на языке, которого больше нет, — на языке индейского племени, истребленного колонизаторами. Так, о древних иллирийцах, обитавших между Дунаем и Адриатикой в последние века до нашей эры, напоминают теперь только названия, не стертые ни кельтами, ни римлянами, ни германцами. Не в безлюдной пустыне, а в самой середине Европы, где за два тысячелетия произошло множество кельтских названий и названий из еще неизвестных языков. Разрушены города, распались государства, исчезли языки и сами народы, а названия выжили! Хрупкое слово оказалось прочней гранита.

Уже одно установление языковой принадлежности названия дает очень много. Но содержательное повествование названий с этого только начинается.

Многие из них указывают на старые границы и даже передают исторические особенности их. В Мордовской АССР названия *Засечная*, *Засецкое* отмечают линии оборонительных укреплений Московского государства XVI—XVII вв., как и тульские *Воротня*, *Столбово*, курские *Рубежное*, *Призначное*, в Среднем Поволжье — *Маяки*, *Маячное* (возвышенные пункты, с которых сигнализировали о приближении неприятеля), там же *Караульный бугор*, д. *Караульная гора*.

Названия с. *Мыт* (Ивановская обл.), г. *Мытшица* (Московская обл.), *Мытная ул.* (в Москве), с многочисленными другими от той же основы, напоминают о таможенных

заставах феодальной эпохи, на которых взималась пошлина — *мыт*.

О древнем транспорте рассказывают названия *Волок*, *Переволоки* (места, где на древних водных путях перетаскивали сухопутьем лодки из одной речной системы в другую), *Броды*, в степях Нижнего Заволжья — *Дубовый Умет*, *Богатый Умет* и др. (*умет* — станция на старинном солевом тракте).

Географические названия говорят и о характере хозяйства в старину. В них отразились названия промыслов и занятий, давно забытых: *Перевесы*, *Перевесное*, *Перевесище* (*перевес* — большая сеть для ловли птиц); в Среднем Поволжье татарские и чувашские названия *Темирсяны* (от *темирчи* «кузнец»). На места старинных соляных разработок указывают *Усолье* (на Каме и в Жигулях), *Солигалич*, *Соликамск*, *Сольвычегодск*. По сотням названий *Починок*, *Гарь* (татарск. *Куюк*), более ранним *Жар*, *Дор* можно представить, как отвоевывали наши предки каждую пядь у леса.

Почти на любой территории можно встретить географические названия самых различных исторических эпох. На небольшой площади Среднего Поволжья между Казанью и Куйбышевом, например, столкнулись названия, можно сказать, всех времен. Среди них и самые новые (*Комсомольск на Волге*, *Жигулевск*, *Новоульяновск*), и тоже советские, но более ранние (*Ульяновск*, *Куйбышев*), дореволюционные, XVIII—XIX вв. (*Баратаевка*, *Анненково*), XVII в. (*Мостовая*, *Ключищи*), XVI в., современники Ивана Грозного (*Усолье*, *Собакино*), до них — татарские (*Карсун*, *Юрман*), мордовские (*Стемас*, *Елаур*), чувашские (*Темирсяны*, *Алгаши*) и множество еще древней, из неизвестных языков (*Волга*, *Кама*, *Свияга*).

Красноречивые свидетели прошлого, географические названия занимают почетное место среди самых драгоценных исторических памятников, как живое эхо отдаленных времен.

Они служат и неоценимым материалом для истории языка, донося до нас многие слова, формы и звуки, уже не существующие в живой речи. По ним можно восстановить былое состояние языка в его развитии. Только в названии *Голутвин* (Московская обл.) сохранилось слово *голутва* «просека» (в словаре Даля показано еще как известное во владимирских говорах); д. *Великая* из трех дворов или

⁵ Ф. Энгельс. Франкский диалект. Русск. перев. и нем. текст. М., 1936, стр. 22—23, 39, 53—75, 77.

ручей *Великий* длиной с километр доказывают, что *великий* в старину не означало «огромный, исключительный», как теперь, а было равнозначно напгему «большой». Во многих названьях отложились формы, ныне уже несвойственные языку, например, краткие притяжательные прилагательные (*Ярославль, Княж-погост*). В других сохранилось начальное *е* (*Езеро, Елень*), вне названий сменившееся на *о* (*озеро, олень*) уж много веков назад. В землях, ныне заселенных не-славянами, уцелели такие названья, как *Дымбовица* в Румынии из старославянского *дуб* еще с носовым гласным, — это доказывает, что при смене на этой территории славянского населения румынским носовые гласные еще существовали, т. е. помогает датировать исчезновение их.

Особенно важны местные названья для исторической диалектологии, которая почти не располагает никакими другими источниками, — письменность очень скудно отражала диалектные черты, а наблюденные современных говоров не раскрывает их прошлого. Названья — факты языка, прикрепленные территориально. Они переносят нас через века и тысячелетия, позволяют изучать языковые явления прошлого географически, определяя их пространственные границы. Ни одна самая богатая диалектографическая экспедиция не располагала таким транспортным средством, «машинной времени» Г. Уэллса.

И для изучения народного творчества, быта, верований географические названья — щедрый источник. Мифы об основании Киева и Рима, выводящие их названья из имен мифических основателей их, возникли из попыток осмыслить названия, ставшие непонятными. Таких легенд множество. От Смоленска до Саратова, от Курска до Котельнича десятки названий с основой *Кудеяр* связаны в преданьях с героем народных легенд разбойником Кудеяром, хотя десятка человеческих жизней не хватило бы, чтоб действовать во всех этих отдаленных пунктах. Сколько красочных штрихов в историю быта и культуры добавят рассказы самих жителей о том, как произошли названия вокруг них. Только нельзя принимать это за подлинное происхождение названий, как нельзя строить историю на легендах. На Волге в Костромской обл. есть города *Решма* и *Кинешма*. Об их названиях рассказывают, что плыл мимо Степан Разин с персидской княжной, та плакала — сначала: «Режь мя!» (т. е. «меня»), а после

«Кинешь мя!» Вымысел явен. Никогда струги Разина не поднимались даже до устья Оки; нелепо приписывать шамаханке древнерусскую речь; никакое чудо не могло превратить ее восклицаний в названия местностей; наконец, в северной половине Европейской части СССР много названий рек на *-ма*, дорусского происхождения, к ним принадлежат и эти (оба города названы по рекам, при впадении которых в Волгу они находятся). Прочесть историю по таким преданьям не легче, чем по былинам и историческим песням; в которых Владимир I Киевский воюет с татарами (в IX в.). Не в этом их ценность. Как произведения народного творчества, подобные предания сами — история, отражающая народные взгляды и представления.

Могуче воспитательное значение названий. Называя *Ленинград, Горький, Мичуринск, Чапаевск*, народ с любовью вспоминает своих вождей и героев. Дорогие имена борцов революции, ученых, путешественников, писателей увековечены в «Книге Земли», как назвал географические названья исследовавший их в середине XIX в. Н. И. Надеждин. Благородное дело — популяризация этих названий. К сожалению, ею мало занимаются, и не все в Ульяновске знают, почему так названы улица *Гимова*, спуск *Железной дивизии*, в Челябинске — улица *Цвиллинга*, даже и в Москве, например *Добрынинская* площадь или *Люсиновская* улица. Хотя время от времени о них можно прочесть в газетах, но статья попадается не каждому, а приезжим и вовсе негде узнать. Хорошо бы по примеру города Дрездена (Германская Демократическая Республика) установить на углах таблички, сжато объясняющие значение названья. Такие таблички появились и на улицах Москвы, но они совсем редки.

Опытные педагоги знают, какое чудесное средство оживить преподавание географии — раскрыть перед учениками красочную историю названья. Школьнику трудно не только запомнить, но и выговорить *Фирвальдштетское озеро*, если не понимать смысла его составных частей, но достаточно узнать, что это — «Озеро четырех лесных кантонов», скрепленных клятвой в борьбе за независимость, — и казавшееся мудреным станет близким, усвоится легко и прочно.

Много ценного и для науки, и для практики можно извлечь из географических названий, если относиться к ним бережно и осмысленно.

ЗНАЧЕНИЯ НАЗВАНИЙ

Все ли названо?

Все ли географические объекты названы? В значительной мере это определяется степенью познанности нашей планеты человечеством. Огромные территории тысячелетиями не были доступны или даже не были известны; понятно, что они не имели названий. Даже за последние десятилетия продолжаются открытия, а с ними и наименования объектов, ставших известными. На наших глазах карта Антарктиды, остававшаяся почти сплошным «белым пятном», заполнена сотнями названий, только перечень которых составил бы целый том. В Арктике экспедицией 1930 г. открыт и назван о-в Визе (в Карском море). К востоку от р. Лены, где на картах до 1926 г. простиралась равнина, экспедиция С. В. Обручева обнаружила совершенно не известный крупный горный хребет, он назван в память выдающегося исследователя Якутии — хребет *Черского*. В 1954 г. на границе Венесуэлы и Бразилии открыты две горные вершины. Многочисленные новостройки нашей страны, пробуждая к жизни прежние безлюдные пространства, покрывают названиями пустые листы карт.

Безымянные не только неведомые объекты, а и многие из окружающих нас, и не только в Заполярье, тайге, пустынях или на Памире, а и в давно обжитых областях: холм, лес или ручей безымянные, если у населения не возникла необходимость отметить их. Колонизаторы Сев. Америки, продвигаясь в прошлом столетии на запад, к Тихому океану, нашли много местностей, не имевших названий на языках коренного индейского населения, которое давало названия своим селениям, рекам и местам некоторых событий, но оставляло безымянными горы и обширные пространства. Из более чем 7 тысяч островов Филиппин имеют названия только 2440. Сколько же миллионов

неназванных островов во всех морях мира? Напротив, у маори Новой Зеландии и зулу Юго-Восточной Африки европейцев поразила обильная, детальная топонимия — путешественники с удивлением отмечали, что названа каждая пядь земли. У кочевых скотоводов в необъятной степи даже небольшой колодец имеет собственное имя, а в населенных пунктах России колодцы в большинстве безымянные. В одном и том же селении у рыбаков есть названия для каждой заводи на речке, а в ближайшем лесу для них все поляны анонимны, тогда как жены рыбаков, ходя по грибы и по ягоды, различают названиями каждую поляну. Дело не в величине объекта, а в его роли. Получало особое название даже отдельное дерево, если оно становилось ориентиром, по которому находили дорогу или между соседствующих владений, местом торга, суда или религиозного культа (многочисленные *Керемети* у народов Среднего Поволжья; в документах XVIII в. *Говейная сосна* близ Углича — пережиток языческих времен) ¹.

Это соответствует различию словаря двух народов с разными условиями жизни и хозяйства. Так, в языке манси одному русскому слову *болото* соответствуют многие разные слова — для болота чистого, для поросшего травой, для торфяного, для топкого, для сухого торфяного, для поросшего мелкой сосной и ятелем, для покрытого высокими кочками. И наоборот: в языке манси многие цветы не имеют названий, а зовутся общим именем *лопта* «листья».

Кажущаяся «всепазанность» тем и объясняется, что названо необходимое на современном уровне развития. А в тех случаях, когда изменяются условия, оказывается, что многое анонимно и возникает потребность называть неназванное. Так, во фронтовой обстановке появляются *Высота 245* или *Роща Огурец*, до той поры не удостоенные собственных имен.

В городах средневековой Германии и связанных с ней стран существовал обычай давать имена собственные отдельным домам — по гербу, назначению, внешнему виду или иным признакам. Интересны книги, в которых собран такой материал по тому или иному городу, прослеженный

¹ Н. Д. Русинов. Из записок об угличской топонимике. «Исследования и материалы по истории Угличского Верхневолжья». Углич, 1957, стр. 10.

улица за улицей². В центре многих русских городов есть или были приметные здания с собственными именами: *Утюжок* в Воронеже, *Кривой дом* в Ульяновске.

Нередко язык «отстает от жизни» — не сразу расстается с названием уже исчезнувшего объекта и продолжает называть *Мельницей* «призрак» ее, то место, где лет 30 назад стояла мельница, или обратно — при невиданном размахе нашего строительства не успевает находить имена заливам и мысам на новых внутренних морях, новым улицам городов.

Первоначально никто не устанавливал официальных названий — они возникали стихийно. Иногда название рождалось сразу, но чаще процесс становления названия протекал длительно. Еще и сейчас часто можно видеть следы этого или даже наблюдать незавершенный процесс.

Нередки названия деревни *Новая деревня* или даже село *Село*. Как появились эти тавтологии («водяная вода»)? Не было у деревни или даже села никакого названия — просто деревня и все тут. В отдаленную пору ее жители и не нуждались в особом названии, существуя почти замкнутым мирком, еле связанные с большим миром. Когда же в ряду других деревень название потребовалось, имя нарицательное, означавшее род объекта, приняло функции отсутствующего собственного. Даже и города так получали свои названия: в нашей стране несколько *Новгородов* — это то же самое превращение имени нарицательного «новый город» в собственное, позже они получали различительные определения, чтоб не спутать с тезками, — *Новгород-Северский*, *Нижний Новгород* (ныне *Горький*), *Новоград-Волынский* и мн. др. Аналогично и в других странах: *Неаполь*, *Нейбург*, *Ньюстэд*, *Невилль* и т. п. — все значили просто «новый город».

В других случаях обозначали объект не нарицательным именем, означавшим родовое понятие, а описательно, как при таких адресах: «за мостиком справа у трех сосен» или «от колодца второй дом с голубыми наличниками на окнах». В 1648 г. по царскому указу соорудили город на *Синбирских* горах; первое время он так и именовался, но в частом употреблении эта формулировка быстро «обка-

² E. Müller. Die Haussernamen von Alt-Leipzig. Leipzig, 1934; K. Schmidt. Die Hausnamen und Hauszeichen im mittelalterlichen Freiburg. «Giessener Beiträge zur deutschen Philologie», 1930, Bd 26.

талась», заменив прилагательным *Синбирский*, которое в краткой форме субстантивировалось в *Синбирск* и в форме *Симбирск* стало официальным названием. Так же образовалось и название города *Москва* из описательного «город (т. е. крепость) на Москва-реке», на это указывают и летописные свидетельства «приде на Московь» (а не «в»). Много описательных названий привел внимательный к топонимам В. К. Арсеньев в замечательной книге о дальневосточном Приморье³ — от *Тоу-да-гоу* «первая большая равнина» и т. п. до *Чжу-цзя-ма-гоу* «долина семьи Чжу, где растет конопля», *Синь-гуань-да-гоу* «пыльная, голая, большая долина» и даже *Тан-ню-гоу-цзы* «долина, где в топи завязла корова». И в наши дни, печатая перечень населенных пунктов Ульяновской обл. в связи с переписью населения 1959 г., крупное отделение совхоза с четырьмя сотнями жителей пришлось обозначить *Поселок за озером*. В штате Массачусетс (США) живописное озеро носит не менее живописное название, по замечанию журналиста «способное привести в отчаяние картографа и почтового работника»: *Чар-гог-га-гог-ман-ча-у-га-гог-ча-у-бу-на-гун-ма-у*; несмотря на свои 16 слов, оно скользит с языка местных жителей с такой же легкостью, как их кану скользит по волнам, и нет нужды сокращать длинное название, означающее «Ты рыбачь на своей стороне, я — на своей, и никто из нас не будет рыбачить на середине». В описательных обозначениях потенциально заложено зерно будущих названий («за озером», «три сосны» и др.), но они громоздки, от них невозможно образовать производные, в состав их входят переменные ориентиры (с одной стороны скажут «за озером», с другой — «не дойдя озера», с третьей укажут вообще иной ориентир). Поэтому они не живут долго и в бесчисленном множестве исчезают, если из них не успевает выкристаллизироваться собственно название, уже отвечающее требованиям, которые выработались в языке для этого разряда слов.

Эмбрионами названий можно назвать и окказиональные названия, т. е. возникающие только для данного случая. Караван в пути может вспомнить безымянный холм, как *Холм, где упал верблюд*; колхозники могут сказать *Сидоровское поле* — о поле, которое этой весной пахал

³ В. К. Арсеньев. В дебрях Уссурийского края. М., 1951, стр. 298—302.

тракторист Сидоров. Туристы в шутку дают свои названия попутным ручьям и лужайкам. Это — названия-молотышки, их век мгноволен, хотя ничем иным они не отличаются от настоящих.

Наконец, есть названия и ничем не отличимые от собственно названий в самом строгом смысле, и существующие очень долго, но употребляемые только немногими, например, только рыбаками или только охотниками и т. д. Они постоянны, долговечны, но не общепотребительны, а остаются достоянием лишь узкопрофессионального круга. Это специальные названия, подобные лексике профессиональных жаргонов.

Такова целая гамма переходов от зачаточных форм, которые еще едва ли стали даже «полуназваниями», до таких, которые уже переросли стадию «полуназваний».

С тех пор как географические названия составили в языке многочисленный и внушительный отряд слов, новые топонимы, даже когда они возникают стихийно, чаще минуя промежуточные стадии «полуназваний» (нарицательных, описательных, окказиональных, специальных), рождаются прямо как термины, принадлежащие особому лексическому разряду — географическим названиям.

Случайны ли названия?

Один из островов в Северном Ледовитом океане называется *Котельный*: остров нашел экспедиция Лихова (1773 г.), и ее участник забыл там медный котел. В Исландии тысячу лет назад уронили в реку топор — и речку до наших дней именуют по тому происшествию. В день Нового года Америго Веспуччи увидел залив и принял его за реку, назвав *Рио-де-Жанейро* «Река Января». Одному русскому помещику конца XVIII в. взбрела мысль приклеить голодной деревеньке, как пудренный парик, название *Монплеизир* (франц. «мое удовольствие»), а другому — *Парадиэ* (франц. «рай»). Если бы встретили залив днем раньше или позже, город в Бразилии теперь назывался бы иначе, котел могли потерять на другом острове или утопить вместо топора в исландской речке — названия были бы иными. Рождены ошибками *Вест-Индия*, *Аргентина*, плюд описки картографа — *Орегон*.

Открыв острова Центральной Америки, Колумб принял их за Индию, которую искал. Когда позже выяснили ошибку,

за новооткрытыми островами удержалось ошибочное название Индия, но в отличие от Индии настоящей добавили *West* «западная». Испанская экспедиция, впервые плывя на юг вдоль Атлантического берега Южной Америки, в устье большой реки увидела у индейцев серебро. Колонизаторы решили, что нашли места, богатые серебром, и назвали реку *Río de la Plata* «река Серебра». Серебра там нет — оно оказалось привозным из далекого Перу. А за рекой так и закрепилось это название. Сбросив в XIX в. испанское господство, молодое независимое государство избрало гидроним своим названием — *Аргентина* (лат. *argentina* «серебряная»). А Орегон! На старинной карте американского Дальнего Запада показана фантастическая река *Уориконсинк*. Название, не уместясь, перенесено, — *-синк* затерялось ниже среди других надписей и значков. А как раз в ту пору лихорадочно искали путей из глубины материка к Тихому океану. Желанным выходом и оказалась р. Орегон (*Уорикон*). Надежд она не оправдала, но популярность ее успела настолько укрепиться, что ее название, рожденное небрежностью и невежеством картографа, затем стало наименованием штата. И десятки ученых публиковали изыскания, объясняя *Орегон* по словарям разных языков, даже из «ураган» и «кусочек сушеного яблока».

Сколько случайностей!

Если так, то науке здесь нечего делать: она изучает только закономерности. В сплошном произволе случайностей и капризов бессмысленно искать причины и делать выводы. Бесполезно задумываться, почему в реку уронили не котел, а топор. Легкомысленно заключать, что терять топоры было главным занятием средневековых исландцев.

Так ли?

Бросьте сегодня в Волгу хотя тысячу топоров — река не изменит своего названия. Названия по потерям и находкам возникали в необжитых местностях, где сами эти случаи были не мелочами, а значительными событиями. Нам издалека кажется ничтожным поводом для названия гибель котла, но ведь название дали не мы и не сегодня. Для полярной экспедиции XVIII в. лишиться котла — не пустяк. А оледенелый остров и не отличался никаким другим признаком от других голых островов.

Другие названия, рожденные чьей-то прихотью, только кажутся случайными. Исторически обусловлено появление

«названий по капризу»: они возникают лишь при неограниченной личной власти. Восточный деспот называет город именем своего любимого коня: в азиатском походе Александр Македонский выиграл сражение, в котором под ним был убит конь Буцефал, и построил на этом месте крепость, назвав ее *Буцефалия*. Это не случайность, а прямое порождение авторитарного строя. Не случаен сам выбор: помещики не выдумывали Монплезир или Парадиз, а убого копировали их — это одно из карикатурных выражений господствовавшего в конце XVIII — начале XIX в. подражания русских аристократов французскому придворному блеску, а эту моду сформировали серьезные исторические причины. Испанские мореплаватели XVI в. дали бы острову или реке имя не того святого, если бы открытие произошло в другой день, но все-таки дали бы имя из тех же католических святцев. Так, по выражению Ф. Энгельса, необходимое «прокладывает себе дорогу сквозь бесконечное множество случайностей»⁴ или, иными словами, случайность — форма проявления необходимости.

Видимая беспорядочная случайность в действительности подчинена строгой исторической закономерности. Она только кажется нам случайностью, пока мы не умеем вскрыть всех ее сложных и противоречивых причин. Как показал Ф. Энгельс, «где на поверхности происходит игра случая, там сама эта случайность всегда оказывается подчиненной внутренним, скрытым законам. Все дело лишь в том, чтобы открыть эти законы»⁵.

Следовательно, нельзя просто отбросить «игру случайности». Ее можно и нужно изучать, т. е. искать подлинные, глубокие причины, которые родили название, кажущееся нам случайным.

Нельзя смешивать закономерность и сознательность. Названия чаще возникали стихийно. Но стихийность — власть неосознанных закономерностей.

В прошлом на протяжении тысячелетий топонимы возникали преимущественно стихийно. Значит, любое слово или даже бессмысленный набор звуков могли стать названием? Как раз наоборот! — в действительности выбор на-

званий оказывался жестким и по содержанию и по форме. В определенное время на всей территории с определенной общностью населения только ничтожно малая и строго ограниченная часть словарного запаса может стать источником, из которого черпаются топонимы, в большинстве многократно повторяясь; так же из всего богатства форм лишь очень немногие поступают на вооружение в топонимию. До наших дней сохранились по всей России тысячи топонимов от личного имени Иван или фамилии Иванов; в одной Ивановской обл. их 58, в Горьковской — 40, во Владимирской — 31. При этом и в Ивановской обл. 14 раз повторяются *Иваньково*, *Иванково*, 8 раз — *Иваниха*, 7 — *Иваново*, трижды — *Ивановское*, а в Горьковской обл. 18 раз — *Ивановское*, 10 — *Ивановка*, трижды — *Иваново* и ни разу *Иваниха*. Случайность исключена. И выбор основы, и выбор формы как бы заданы, обусловлены немумолимой закономерностью. Совершенно немислимы названия, например, «Суп», «Очки», «Она», «Совесть», «Луна», хотя слова эти в речи нередки; так невозможны в русской топонимии формы «Ивану» (дательный падеж) или «Строили» (3-е лицо прошедшего времени); вообще подавляющее большинство грамматических форм остается вне топонимии — обычные ограничения в языке, точнее сказать — обычная избирательность.

При стихийном назывании закономерность действовала как слепая сила. Наименование планомерное, становящееся все более делом государственным, может в известной мере направлять эту силу, но только понимая ее. Никаким процессом нельзя управлять, не зная его законов. Исправляя ошибки периода культа личности, Партия решительно пресекла волюнтаризм, веру во всемогущество «волевых решений», не опирающихся на объективные закономерности. И в топонимике не привется, не станет народным название, чуждое по содержанию или нелепое по форме.

Основной закон топонимики

Какие закономерности управляют топонимикой?

Позитивизм провозгласил власть законов природы вместо власти чьего-то каприза, божьего или человеческого. Соответственно стали объяснять названия географическими условиями. Это было прогрессивно, как признание тор-

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собрание сочинений, т. 28. М., 1940, стр. 245.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21. Изд. 2. М., 1961, стр. 306

жества науки над верой в произвол некоего духа. И все же это ложный материализм, который бесконечно далек от правильного понимания действительности, материализм не исторический, не диалектический. Он проявился во всех науках, механически перенося на общество законы природы. Он объявлял географическую среду причиной всех исторических процессов.

Географическое название — явление общественное. Оно не часть называемого объекта. Названия *Ра* — *Итиль* — *Волга* не принадлежат реке, никак не входят в ее состав. Связь названия с объектом совсем не такова, как это кажется наивному «географическому натуралисту».

Житель *Замостья* так называет свой город, хотя для него замостью должна быть противоположная сторона. Сама по себе ни та, ни другая сторона реки не замостью: замостью она становится только по отношению к противоположной. Ход истории продиктовал, которой из сторон называться *Замостью* — по отношению к центру развития. Аналогичны — *Заволжье*, *Зауралье*, *Трансвааль* (лат. *trans* «через», т. е. «за р. Вааль») и т. п. Это лучший пример, как обманчива видимая обусловленность топонима географией. Кажется, будто название *Заволжье* продиктовано чуть ли не самой природой. Но если бы исторически за последнее тысячелетие магистраль развития шла не с запада на восток, а во встречном направлении, то *Заволжьем* было бы не левобережье, как теперь принято, а правобережье. Мнимо географическая причина оказывается в действительности чисто исторической.

Таковы и все названия. Ни одно не заложено в объекте самом по себе. Из каких свойств самих объектов родились названия *Атлантический океан*, озеро *Виктория*? Таких названий множество.

Но, может быть, есть названия, продиктованные непосредственно географической средой? Например, город *Зелена Гора* (польск. «Зеленая гора»), река *Быстрица*. Нет! И ошибка не столько в том, что подобное объяснение очень часто оказывается лишь плодом упрощения или переосмысливания. Например, село *Волково* названо не за обилие волков, а за принадлежность помещику Волкову, город *Пушкин* назван не за производство пушек и даже не за то, что тут шел пушечный бой, а по фамилии великого поэта, юность которого прошла в нем. Примеров пере-

осмысления не меньше: *Охотское море* — искажение из до-русского названия реки *Оката*, которая в него впадает и которое русские приняли за «охота», древняя *Тмугаракань*, конечно, не «название по насекомым»; *таракан* — лишь переосмысление непонятого слова из иного языка. Упрощений и переосмыслений гораздо больше, чем предполагают.

Но главное не в них, а в том, что даже и те названия, основы которых действительно выражают свойства называемого объекта, продиктованы все-таки не этими свойствами, а историческими причинами. Так, средние века оставили немало названий городов и сел с основой «мост»: *Замостье*, *Мосты*, *Брюгге*, *Оснабрюк*, *Понтуаз*, *Кембридж*, *Кёпрюкой*, *Алькантар* и мн. др.⁶ Почему же теперь не возникают названия от той же основы? Разве меньше стало мостов? Конечно, больше! Единственный мост, у которого возник город, входил в название города, но сто мостов одного города не отразится в его названии. Вся суть не в наличии признака, а в оценке его. Теперь не пород при мосте, а мост при городе. В России несколько тысяч населенных пунктов носят названия с нарицательным «водный источник»: *ручей*, *ключ*, *родник* и т. п., но среди новых названий, возникающих сегодня, таких нет почти ни одного, хотя водных источников, конечно, не убавилось.

Об одной и той же реке можно сказать, что она быстрая, белая, горная, прямая, каменистая, холодная, принадлежавшая соседям, разрушительная, полезная и т. д. — грани каждого явления бесчисленны. Это замечательно показал В. И. Ленин на примере обыкновенного стакана: «Стакан есть, бесспорно, и стеклянный цилиндр, и инструмент для питья. Но стакан имеет не только эти два свойства или качества или стороны, а бесконечное количество других свойств, качеств, сторон, взаимоотношений и «опосредствований» со всем остальным миром. Стакан есть тяжелый предмет, который может быть инструментом для бросания. Стакан может служить как пресс-папье, как помещение для пойманной бабочки, стакан может иметь ценность, как предмет с художественной резьбой или рисунком, совершенно независимо от того, годен ли он для

⁶ Нем. *Brücke*, англ. *bridge*, голл. *brug*, франц. *pont*, тур. *köprü*, арабск. *кантар* означают «мост».

питья, сделан ли он из стекла, является ли форма его цилиндрической или не совсем, и так далее и тому подобное»⁷.

Даже если объект назван и по своему признаку, то все дело в том, какой из бесчисленных признаков избран и почему. Главный? Но главное для одних ничтожно для других. Местность, которая вчера называлась *Верблюжья колючка* или *Одинокая могила*, завтра станет *Долина нефти*. Выбор признака зависит не от географической среды, а всегда только от причин, лежащих в развитии общества.

В топонимике нет заблуждения опасней, чем распространенное представление, будто название «вытекает» из свойств самого объекта. Самой реке безразлично, что она быстрая, белая и т. д. Даже если название указывает на признак объекта, то отбор этого признака продиктован только интересами общества. Название не присуще объекту, но существует только в обществе и, как каждое социальное явление, всегда подчиняется исторической закономерности.

Само обращение к природным признакам объекта продиктовано процессом общественного развития. На одном этапе существенней корм для верблюда, а на другом нефть, хотя разные признаки могли существовать одновременно.

Доля названий, означающих природные свойства объекта, преобладает на ранних ступенях развития и убывает с усилением власти человеческого общества над природой. Таких названий почти совсем нет среди всех многочисленных названий в Антарктике, карта которой только в самые последние десятилетия перестала быть немой.

Каждое географическое название — *Виктория* или *Буковина* — история, выраженная средствами языка.

Поэтому ошибочны и вредны многочисленные попытки сортировать названия «от растений», «от животных», «от почвы», «от истории». Подобная сортировка не вскрывает главного, а наоборот, заключает его производным, третьестепенным. Историзм — не одна из группочек названий, а основа всех названий. Только история побуждает обращаться к географическим признакам или, например, к личным именам, которые в доклассовом обществе не становились основами местных названий (кроме патронимич-

ных, возникавших как обозначения жителей, а не мест), зато захватывают абсолютное большинство с установленным частной собственности на землю. Самые невинные названия вроде *Долина роз* или *Лебяжье озеро* продиктованы не свойствами природы, а уровнем общественного развития.

Как наивно и невежественно помещать название острова *Котельный* в группу «от посуды» вместо группы «по находкам и потерям», так неверно ставить на одну полочку «от растений» *Долина роз*, *Репище*, *Березняк*, хотя этимологическая основа каждого из них означает растение. Куда отнести название *Долина роз*? В Южной Германии и восточной Швейцарии многочисленны названия *Rosenthal* «Долина роз», *Friedenthal* «Мирная долина», *Liebenthal* «Милая долина», далеко занесенные отсюда колонистами. Такое сообщество не оставляет сомнений, что *Долина роз* принадлежит к сентиментальной разновидности обширного рода названий идеологических, в которую входят и *Монплешир*, и *Мыс Доброй Надежды*, и одиннадцать античных *Ольвий* — все они заклинания счастья. (Поучительно, что Диас, впервые достигнув южной оконечности Африки, где штормы Атлантики сталкиваются со штормами Индийского океана, назвал ее сурово — *Мыс Бурь*, но этот незаманчивый признак политически не годился правительству в Лиссабоне, не несшему с матросами лишений и тревог). К совсем иному разряду принадлежит *Репище* «место, где ранее сажали репу»: оно относится к названиям хозяйственного происхождения, вместе с такими, как *Гута* или *Млын*, образуя среди них группу названий земледельческого происхождения. И только *Березняк* топографично — в одном ряду с *Гора*, *Болото* и т. п., которые тоже рождены не природными условиями, а определенным уровнем исторического развития; в ином социально-экономическом строе обилие берез не стало бы источником названия. Объединять названия *Долина роз*, *Репище* и *Березняк* «ботанической» связью, — значит, сваливать в кучу совершенно разнородные явления, отрывая их от исторической почвы, из которой они возникли. Подлинную закономерность тут подменяет хаотическая мешанина, грубо извращающая историческую действительность.

Этимология — ничто, если она игнорирует причины, родившие названия. А эти причины — всегда и только исторические.

⁷ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 42, стр. 289.

В таком и единственно в таком понимании найдут свое место в топонимической системе и природно-географические признаки, но не как первичные, а как производные от исторических факторов. Соответственно при классификации они составят деления не первого порядка, а подразделения.

К сожалению, не так легко (в частности, географам) отказаться от заманчивого «объяснения» названий непосредственно из географических свойств самих объектов. Что ж, человечество еще трудней расставалось с наивной верой во вращение Солнца вокруг Земли. Ведь система Птолемея отлично дружила с примитивным опытом «наглядности». Но хотя каждый может ежедневно наблюдать видимое «движение» Солнца по небу, все-таки прав не Птолемей.

Исторически пласты

Никто не знает и никогда не узнает «самого первого» топонима. Это не слабость науки. Его не было! Не потому, что сразу начали со второго, а потому, что только мифы изображали формирование топонимии мгновенным актом чьего-то произвола, в действительности же это был процесс, длившийся тысячелетия. Первоначально не разделили имен собственных и нарицательных. Дети тоже не сразу научаются различать их — девочка, едва вскарабкавшись на лапин стол, звонит в учрежденье: «Позовите маму». «Чью маму? Мы все мамы». И обеим сторонам трудно дается достичь взаимопонимания: для девочки *Мама* единственная. На восклицание гостя «Какая большая собака!» карапуз наставительно разъясняет: «Это не собака, это Полкан». Некогда каждое имя не было ни собственным, ни нарицательным, или, если мерить современной меркой, было и тем и другим. Различение их очень позднее. Но все же оно произошло еще в глубокой древности, не доступной топонимическому исследованию. Все известные факты неразличения принадлежат не древнейшему состоянию языка, а повторяют тот же процесс. Конечно, греки последнего тысячелетия до н. э. несравнимо ближе к нам, чем к тем временам, когда этого различения не было; античный *Океан* — имя единичного явления, нарицательным оно стало при последующем расширении знаний о Земле.

Единство собственного и нарицательного в топонимии нередко и поныне. Обско-угорские народы называют р. Обь — *Ас* «река»; то же значение имело название р. Дон в иранских языках (в современном осетинском *дон* «река»). И названия многих других крупных рек значили «река». Однако нельзя относить их все глубоко в древность. И сегодня вокруг каждого города говорят «еду в город», подразумевая вот этот город, т. е. *Город*. Это вовсе не означает неразличения — всем отлично известно и собственное имя этого города, но в речи оказывается важнее отличать его не от других городов, а от своего селения.

Первыми топонимами становились видовые нарицательные, которые означали географический объект — *река* (или даже *вода*), *гора*, *пустыня*; наряду с ними источником названия служили и признаки объекта (*Щучье озеро*) или развернутые описания (*Где верблюд утонул*). Как показано в главе «Все ли названо?», и сегодня трудно (а порой невозможно) провести абсолютную границу — нарицательное ли это или собственное название. Если так обстоит дело теперь, когда для нас имена собственные существуют как отчетливый разряд слов, то граница между ними и нарицательными была совсем зыбкой, когда этот разряд еще только складывался.

Окруженный могущественными, грозными и непонятными явлениями природы, еще полностью зависимый от них человек видел в них живые сверхъестественные существа. Он одухотворял реку или гору. Это первобытный анимизм. Следы его ощутимы в топонимии, хотя не дают возможности установить — отождествляли ли называвшие географический объект со сверхъестественным существом, или видели в объекте место жительства этого духа — граница, конечно, существенная. Обожествления рек или гор еще известны и теперь. В современной монгольской топонимии есть священные названия гор, нередко табу (запрещение произносить их, полное или частичное, например разрешающее произносить священный топоним вне видимости горы или хотя бы и вблизи, но только специально посвященному). Однако преувеличивают роль анимизма объясняющие им происхождение названий большинства крупных рек Европы (И. Хубшмид). Анимизм тоже сложился исторически, он и не исконен, и не исчерпывал всех представлений человечества об окружающем мире. Необходимо помнить также, что подобные названия могли

позже возникать и не из чисто анимистического представления, а как посвящения объекта божеству, когда называющий уже не отождествлял божество с объектом и даже не прописывал божество на жительство в этом объекте. От примитивного анимизма до развитой религии путь долог. Наконец, во многих случаях налицо типичный «топонимический миф»: не из имени божества образовано название объекта, а как раз обратным путем из топонима сознание породило божество, подобно тому как *Roma* (в русской передаче — Рим) родило легенду о Ромуле и Реме. В *Алфей* (главная река Пелопоннеса) впадает *Арегуза*; по древнегреческому мифу Алфей преследовал нимфу Арегузу, она, наступившая, взмолилась богине девиц Диане и та обратила ее в источник, но тогда и Алфей обратился в реку, — их воды долго текут рядом, не смешиваясь. Миф родился из названий, ставших непонятными.

Новый характер придал топонимам развитой родовой строй. При нем впервые появились названия, означавшие общность населения. Сначала они обозначали не место, а самих жителей, затем могли становиться обозначением занимаемого места. По жителям стали называть и природные объекты (противоположно, вероятно, более раннему называнию жителей по природным объектам). В недрах позднего родового строя возникли названия из личных имен. Они знаменовали уже далеко зашедшее неравенство в родовой общности, из которой выделилась главенствующая верхушка. Сначала из личных имен образовывались только наименования принадлежащих к одной родовой общине, так называемые патронимичные, — обозначения потомков по предку. С распадом родового строя такие названия утрачивали прежнее значение кровного родства.

Формирование феодализма, сделавшего землю собственностью, породило огромную массу названий принадлежности. Основа такого названия означала владельца земли и укрепления, возведенного для охраны владения. Когда каждый клочок земли стал чьей-нибудь собственностью, естественно, что имя владельца оказывалось самым главным различительным признаком. В топонимию мощно хлынули и восторжествовали названия, отвечавшие уже не на вопросы «что» или «какое», а на вопрос «чье». В древней Руси, как и в других странах, прошедших период феодализма, таких названий множество. По имени

князя называли сооруженный им город (т. е. укрепление): *Ярославль* (основал Ярослав Мудрый, до 1024 г.), *Юрьев* — во Владимирской обл. (основал Юрий Долгорукий, 1152 г.).

Поздний феодализм, в рамках которого развились торговля и ремесла, шаряду с обилием топонимов, напоминающих о непрерывных феодальных войнах, оставил и много хозяйственных. В славяноязычной топонимии места торговли отмечены названиями *Торжок*, *Нови Торг*, *Триест* (из Торжипште), *Турку* в Финляндии и мн. др., о следах торговых путей (*Волоколамск*, *Мытищи* и др.) уже сказано во вступительной главе. Очень характерны для этого периода (в России XIV—XVII вв.) названия населенных мест, возникшие как обозначения не самих мест, а жителей по их занятиям. Стремясь привлечь ремесленников или охранителей границ, феодал давал им льготы, освобождая от тех или иных феодальных повинностей. Такое поселение на Руси называли *слобода* (т. е. *свобода*). А ремесленники в те времена селились по занятиям — в одном месте все каменщики, в другом — все кузнецы. В названных местностях современной Москвы сохранились следы бывших ремесленных слобод, обслуживавших великокняжеский двор: *Столешников* пер. (столешники ткали скатерти), *Гнезниковские переулки* (гнезники изготавливали «гнезда» — дверные петли, а также скобы, гвозди и другие мелкие металлические изделия), *Сокольники* (обслуга соколиной охоты), *Хамовники* (ткачи, от *хаман* «полотно»). Многократно повторяется в русской топонимии само нарицательное *слобода*: г. *Слободской*, с. *Слободка*, г. *Краснослободск* и т. д. Западней с тем же самым значением многочисленны *Воля* (Польша, западные области Украины) и *Льгота* (Чехословакия, Польша).

Испанские и португальские мореплаватели XV—XVI вв. в поисках морского пути к сказочным богатствам Индии покрыли карту мира бесчисленными названиями по католическим праздникам. Централизованные монархические государства нуждались в церкви как главной идеологической опоре, и католицизм приобрел там неограниченную, чудовищную власть, регламентируя всю жизнь. И мореплаватели, открыв остров или реку, заложив крепость, почти обязательно называли их по тому празднику или тому святому, которого в этот день чествует католическая церковь: о-в *Тринидад* («Троица»), *Сальвадор*

(«Спаситель» — основан в день так называемого «Преображения господня») и бесчисленная фаланга «святых» — р. *Св. Лаврентия*, города *Сант-Яго* («Святой Яков»), *Сан-Хозе* («Святой Иосиф») и т. д. и т. п.

Среди названий, данных испанцами и португальцами эпохи великих открытий, немного имен коронованных особ: *Филиппины*, о-в *Изабелла* и несколько других. Зато в следующий период, когда мировое господство перешло к Франции, Голландии и Англии, «почетные» названия становятся господствующими. Как в XV—XVI вв. заполнили карту мира католические «святые», так в XVII—XIX вв. — короли и королевы, министры и прочая знать: *Луизиана*, *Каролина*, озера *Виктория*, *Альберт*, *Эдуард*, водопад *Виктория*, *Сейшельские о-ва* (в честь французского министра финансов), города *Сидней*, *Мельбурн*, *Аделаида*, *Веллингтон*, республика *Оранжевая* (по правившему в Голландии роду Оранских) и мн. др. В этом потоке «величеств», «высочеств» и «превосходительств», никуда не выдавших тех мест, которые названы их именами, и не всегда способных показать их на карте, тонут немногие имена путешественников, сделавших открытия (о-ва *Кука*, р. *Гудзон* и *Гудзонов залив*, *Баренцево море*). Только в XIX в. они начинают чаще проникать на карту, преимущественно задним числом (*Браззавиль*, *Стэнливилль*, море *Беллинсгаузена*). Сами путешественники дают новооткрытым объектам имена жен и дочерей (в Антарктике — *Земля Адели*, *Земля Мэри Бэрд*, в Арктике — остров *Генриетты*, о-в *Ева-Лив*).

Кроме таких крупных исторических пластов, из которых здесь приведены лишь немногие, возникали и меньшие по силе, кратковременные и ограниченные одной страной. В топонимии России XVIII—XIX вв. яркие три таких волны. Б. Г. Унбегаун, собрав почти исчерпывающий материал, назвал их «модами»⁸. Кому это слово покажется приняжающим, может назвать их стилями, если угодно. Они тесно связаны с основными политическими тенденциями своего времени. Властно выводя Россию на уровень передовых европейских государств, Петр I и в топонимию, как и в другие стороны жизни, внес западноевропейские черты. Новые города получали иноязычные названия, на-

⁸ В. Унбегаун. Les noms des villes russes. «Revue des études slaves», Paris, 1936, v. VI, № 1—2 (La mode slavonne), № 3—4 (La mode grecque).

пример, с *Burg* «город» (нем.): *Санкт-Петербург* (1703 г.), *Раненбург* (ныне Чаплыгин); в 1702 г. Петр I подарил Меньшикову с. Слободское, на месте которого возвели укрепление *Ораниенбург* (народное употребление превратило его в *Ранбов*) и др., и после Петра — крепость *Оренбург* (1735 г.; первоначально на устье р. Орь), *Екатеринбург* (1723 г., ныне Свердловск); кроме *-бург* фигурировали и другие элементы — Петергоф (1711 г.), Ораниенбаум (1714 г. — нем. Oranienbaum «апельсиновое дерево» — по оранжерее; с 1948 г. — г. Ломоносов). Войны с Турецкой империей, захватившей Кавказ, Крым, Украину, Балканский полуостров, развили два идеологических направления, отразившихся и в топонимии. Идея славянского единства в борьбе за освобождение балканских славян от турецкого гнета выражалась и в литературе напечатанием славянизмов в торжественном «высоком стиле», нашла она широкое поле и в топонимии — южнославянское *град* «город» дало *Елизаветград*, *Константиноград*, *Павлоград*, *Екатериноград*, *Болград* и др., *-слав* (*Екатеринослав* — ныне Днепропетровск; сначала предполагали Ставрополь назвать *Павлослав*). Еще шире представлены подражания античности. Поддержка справедливой борьбы преческого народа за независимость в официальной правительственной идеологии переплеталась с идеей «третьего Рима», т. е. претензией объявить царя наследником византийских императоров. По всему Северному Черноморью, освобожденному из-под турецкого владычества, с 70-х годов XVIII в. густо поплы названия на *-поль* по модели *Константинополь* (др.-греч. *полис* «город»): *Симферополь*, *Севастополь*, *Мелитополь*, *Мариуполь*, *Овидиополь*, *Никополь*, на Северном Кавказе — *Ставрополь* и проч., того же происхождения название *Одесса* — в память об античном городе Одессос, находившемся на этом побережье, и *Херсон* на Днепровском лимане — в память об античном городе Херсонес в Крыму.

Закон ряда

Каждое название одновременно и отличает называемый объект от других, и объединяет его с однородными. Русский, даже никогда не слышавший названий *Иркутск*, *Пронск* (а поляк — *Плоньск*, *Бельск*), без объяснений

поймет, что речь идет о городе. Топонимические исследования же в большинстве страдают односторонностью: из этих двух функций, неотделимых одна от другой, они обычно видят только одну, чаще — разделительную. Но разрывать их нельзя. Название *Иркутск* не только выделяет определенный город среди других городов, а и вводит его в их ряд.

Названия никогда не существуют в одиночку, они всегда соотношены друг с другом. Чтобы выяснить происхождение названия, необходимо прежде всего понять, что оно возникло не изолированно, а лишь в определенном ряду других названий.

Среди многих признаков географических названий выступает одна общая для всех них главная черта — их сравнительность.

Всего отчетливей она в типичной паре противопоставления: *Большой — Малый* (*Большая — Малая, Большое — Малое*), *Мокрый — Сухой, Лесной — Степной* и т. п. На просторанстве центрально-черноземной полосы СССР насчитывалось 165 пар *Верхний — Нижний: Верхняя Хава — Нижняя Хава, Верхний Бык — Нижний Бык, Верхние Пески — Нижние Пески* и т. д.⁹

Присмотревшись к другим названиям, обнаружим и в них ту же черту: *Пекин — Нанкин* («Северная столица» — «Южная столица»). Ту же альтернативу повторяют *Тавр и Ангиавр, Ливан и Ангиливан*. Ее перенесли даже за земную орбиту ... на *Ангарес* («противо-Марс»: Арес — греч. имя Марса, бога войны).

Характерно, что выбор таких пар часто регионален. Если *Стар — Нов* охватывают весь славянский мир и даже *Мокр — Сух* можно встретить почти на всех славянских землях, то некоторые топонимические пары распространены районно, хотя бы составляющие их слова и были общеславянскими. Так, *Левое — Правое* непривычны или очень поздны в топонимии старых русских областей, но густо идут полосой восточней Воронежа, другой полосой — в левобережье Среднего Поволжья и т. д. Не повсеместна пара *Ближнее — Дальнее*, также и *Быстрая — Тихая, Редкие — Частые*.

Петар Скок в докладе «Законы топонимики и законы

лингвистики» на IV Международном конгрессе по ономастике (Упсала, 1952) продемонстрировал галерею диминутивных пар, в которых название притока уменьшительно от названия главной реки, — *Моза* и *Мозелла, Неретва* и *Неретвица*; его перечень легко продолжить — в СССР *Дон* и *Донец, Нева* и *Невка* и мн. др.¹⁰ Однако выдающийся югославский топонимист не сделал теоретического вывода из такого наблюдения. Диминутивная пара — одна из разновидностей топонимического ряда.

Пара не обязательно выражена внешне полностью в обоих членах. Бесплезно искать на карте названия *Старый Орлеан, Старая Зеландия*. Однако *Орлеан* и *Новый Орлеан, Зеландия* и *Новая Зеландия* образуют такие же пары.

Пара — только частный случай топонимических групп, нередко многочленных, а они, в свою очередь, — одно из проявлений общего топонимического закона: каждое название — звено ряда.

В таких рядах может появляться и третий член, четвертый, *n*-ный. Рядом с *Большое — Малое* или *Верхне — Нижнее* появляется Среднее и т. д. В Среднем Поволжье со смешанным населением часты такие названия сел и деревень: *Русские Липяги, Мордовские Липяги, Чувашские Липяги*.

Богата палитра «цветовых» определений (каков бы ни был их смысл, часто не связанный с реальной окраской): моря *Черное, Белое, Красное, Желтое*, как и реки или озера. Еще обширней ряды порядковых числительных: близ Владивостока населенные места *Первая Речка, Третья Речка, Девятая Речка*, на Одессщине села *Восьмая Рота, Десятая Рота, Четырнадцатая рота* (следы военных поселений).

Академик В. Ф. Шишмарев мимоходом отметил топонимический ряд горных названий в Хорватии, подчеркнутый грамматическим единством: горные вершины *Дурмитор, Ципитор, Визатор* — из лат. «Спящий» «Дремлющий», «Видящий сны»¹¹, — все с идеей сна (акад. Шиш-

¹⁰ До П. Скока о диминутивных географических названиях писали: F. Černý, P. Vaša. Moravské jména místní. Brno, 1907, стр. 23—24; F. Černý. Zdrobnělá jména místní. «Naše řeč», Praha, 1918, II, стр. 65—67; W. Taszycki. Słowiańskie nazwy miejscowe. Kraków, 1946, стр. 26—27.

¹¹ В. Ф. Шишмарев. Национальный язык Молдавской ССР. «Вопросы языкознания», 1952, № 1, стр. 85.

⁹ «Населенные пункты ЦЧО». Воронеж, 1932, стр. 238—239, 296—297.

марев добавляет «отдыха для стад» — последнее не бесспорно). Даже такие оригинальные названия, как перечисленные В. Ташицким¹² *Лукоеды, Мухоеды, Жабоеды* и т. д., образуют длинную шеренгу. В иных случаях сопоставления идут по другим линиям, например села *Березовый Гай, Вязовый Гай, Липовый Гай* (около Хвалынска) или деревни *Волчиха, Лысиха, Бобриха, Козлиха, Кобелиха* (в Ивановском Поволжье).

Сравнительны радиальные названия (*Северо-Казахстанская область, Восточно-Казахстанская область* и т. п.) и вообще все названия по направлениям (например, дорог и городских улиц — по месту, куда они ведут). *Замоскворечье* — местность, лежащая на другой стороне реки по отношению к центру города.

Название *Дальний Восток* предполагает и точку отсчета расстояния, и еще промежуточное звено — *Ближний Восток*.

Но в сущности сравнительны и все possessивные названия («владельческие», — основанные на признаке принадлежности) и названия, характеризующие собственную особенность объекта, хотя в них сравнительность выступает не столь наглядно. Названия самые индивидуальные обладают тем же свойством: древние города Ростово-Суздальской Руси *Владимир* (собственно — *Владимирь*), *Ярославль, Юрьев* — каждый в отличие от другого несет имя того князя, который его возвел, но тем самым они объединены в одном ряду феодальных укреплений XI—XII вв., названных по именам князей.

Сравнительность — не одна из возможных черт названия, а его доминанта.

Географическими названиями прежде занимались как фольклором, а их скорее следовало рассматривать как терминологию. Сюда приложимо глубокое замечание Ф. Энгельса о научной номенклатуре: «В органической химии значение какого-нибудь тела, а следовательно, также и название его, не зависит уже просто от его состава, а обусловлено скорее его положением в том ряду, к которому оно принадлежит» («Диалектика природы»).

Б. А. Серебрянников удачно назвал это свойство названий их *формульностью*.

Название многопланово. Своими разными гранями

оно включено в различные ряды. Название *Верхоянск* основной *Яна* принадлежит ряду *Янский, Усть-Янск*; все это населенные пункты, расположенные на той же реке (а вместе с ними название входит в грандиозный ряд населенных мест, названных по рекам); компонентом *верх* то же название входит в ряд *Верхнеудинск, Верхотурье* — поселения в верховьях других рек¹³; наконец, суффиксом *ск* оно связано с очень широким рядом, но все же ограниченным территориально и хронологически.

Город *Мытищи* во времена раздробленных княжеских уделов был заставой, где взимали проездную пошлину — *мыт*. В одном ряду с ним с. *Мыт* в Ивановской обл., *Мытная* улица в Москве, деревни *Мытно* и *Мытница* на северо-западе РСФСР. А суффикс *-ищ-* (с топонимическим значением «место чего-либо») включает его в ряд *Городище, Избищи, Ржище, Столбищи, Ключищи* и т. д.

То же самое относится к каждому названию. Оно всегда возникает на пересечении рядов. Найти их — значит определить топонимические «координаты» названия, а тем самым ввести его в конкретно-исторические рамки.

Выяснить происхождение и развитие названия — значит конкретно-исторически приурочить его. Закон пересечения рядов обязывает в каждом случае искать все те связи, которые обусловили название, т. е. проследить ряд (семантический, словообразовательный и т. д.), или, если исследование посвящено отдельному названию, то установить точку пересечения рядов. Вопрос в том, верно ли отнесено название в тот или иной ряд.

Топонимический ряд помогает найти исходное значение и контролирует его, регулируя «свободный полет» фантазии, удерживая от опасных ошибок.

Известно, как ненадежны этнонимные основы, извлекаемые из топонимов. Слишком часто они оказываются мнимыми. Так, *Китай-город* (в Москве и в Винницкой обл. УССР) не связан с Китаем; *Париж* в США не означает, что паризии (галльское племя на рубеже н. э., чьим именем назван город на Сене) обитали за океаном. Чтобы по названию с. *Печоноги* (в Краковском воеводстве Польши) усматривать там поселение печенегов, нужна большая осторожность: ведь с. *Печенеги* есть и в Северном По-

¹³ Не смешивать с частым на территориях бывшего расселения мордвы *верх* «овраг» (*Ягодный верх, Отвершек* и др.).

¹² W. Taszycki. Указ. соч.

волжье, куда печенеги не проникали. В Ульяновской обл. название дер. *Ляховка* не указывает на ляхов: она названа по фамилии помещиков Ляховых, как и многочисленные *Мещерское*, *Мещерка*, *Мещериново* обязаны не этнониму *мещера*, а фамилиям владельцев.

Но несравнимо достоверней пара названий; несомненно этнонимичен ряд *Русские Липяги*, *Мордовские Липяги*, *Чувашские Липяги*. В Орловской, Курской, Воронежской и соседних областях часты названия, содержащие *Русский* (-ая, -ое). Проследив, с кем в паре они идут, можно составить представление о ходе нового массового заселения XVI—XVII вв., о том, кто сопутствовал русским, и о том, кого они там застали. Пары: *Русский Брод* — *Татарский Брод*, *Русская Гвоздевка* — *Панская Гвоздевка*, *Русская Конопелька* — *Черкасская Конопелька*, *Русское Поречное* — *Черкаское Поречное*, *Русская Казанка* — *Войсковая Казанка* и многие другие напоминают то о татарах, то о переселенцах из Польши или Белоруссии, то о казаках. К сожалению, некоторые пары не сохранились: есть *Русская Халань*, — значит, была и какая-то иная, но стерлась. Местные исследователи могли бы в таких случаях сделать драгоценные находки и в старинных документах, и в живых названиях урочищ.

В современном русском языке *доброму* противоположно *злой*; но пара *Добрая Вода* — *Гнилая Вода* (Орловская обл.) напоминает об архаичном значении *добрый* «хороший», антоним «плохой» (это значение еще сохранилось пережиточно в выражениях «добрый день», «добрый конь»). Название г. *Великие Луки* и нескольких сел с тем же названием (например, с. *Великая Лука* в Тернопольской обл. СССР) объяснимо только в паре с *Острая Лука*, т. е. как широкий или крутой изгиб реки, образующий или тупой («великий») или острый угол.

Относительная негативность названий

Из сравнительности названий следует их относительная негативность. Топоним различителен; вводя объект в определенный ряд, он одновременно и выделяет его, отличает его от других.

На берегу одного из рукавов Невы при Петре I посадили липовый сад и в нем соорудили фонтан, приводимый в действие машиной, — редкое по тем временам зрелище.

По такой выдающейся примете рукав Невы стали звать *Фонтанкой*. Представим исследователя, который, основываясь на названии речки, утверждал бы, что ее берега изобиловали фонтанами! Название оттого и возникло, что фонтан был единственным.

Внимательный к топонимии знаток Уссурийской тайги В. К. Арсеньев приводил немало подобных случаев:

«Долину, по которой протекает р. Цимухе, здешние переселенцы называют Стеклою падью. Такое название она получила от китайской фанзы, в окне которой был вставлен небольшой кусочек стекла. Тогда в Уссурийском крае не было ни одного стекольного завода и в глухих местах стекло ценилось особенно высоко. В глубине тор и лесов оно было своего рода меновой единицей. Немудрено, что кусочек стекла в окне был роскошью. Это обратило внимание первых переселенцев и они назвали *Стеклою* не только фанзу и речку, но и всю прилегающую местность»¹⁴.

На очень интересные факты из древней исландской топонимии в качестве параллелей к мекленбургским названиям ссылается историк Д. Н. Егоров. Прямолинейное этимологическое толкование таких названий, как *Грэнвик* («Сосновая бухта»), вело бы к мысли, что некогда Исландия была лесистой, но источники открывают «столь же простое, сколь и неожиданное объяснение: мыс Grenitresnes назван по сосновому бревну, прибитому морем, — факт, с достаточной яркостью определяющий не многолесье Исландии, а наоборот, ее безлесье, осязаемую нужду в более крупном строевом материале»¹⁵. Приведя целую вереницу сходных примеров, он не делает из них правильного вывода, а видит во всем власть случайности. Все эти случаи могут показаться анекдотичными, но их парадоксальность лишь остро вскрывает существенное свойство названий — их относительную негативность.

Прованс только потому и получил свое название (начала — *Нарбоннская провинция*), что тогда еще не вся Галлия превратилась в провинцию Рима и лишь за рано романизованным юго-востоком Галлии закрепилось название «провинция», как самое резкое отличие от других частей, еще не ставших владениями Рима.

¹⁴ В. К. Арсеньев. В дбрях Уссурийского края, стр. 14.

¹⁵ Д. Н. Егоров. Колонизация Мекленбурга в XIII в., т. I. М., 1915, стр. 461.

В засушливом восточном Крыму село называлось *Семь колодезей* (теперь Ленино); в песках Хорезма есть кишлак *Кырк-яб* — «Сорок арыков»; самый южный аймак Монголии, уже на краю пустыни Гоби, — *Далан-Цадагад* «Семьдесят источников»; в Казахстане и Средней Азии много названий с нарицательным «колодец» на различных языках. Но такие названия тем реже, чем чаще сами колодцы.

Волга разделяла бывшую Казанскую губернию на высокую «горную» сторону и низменную «луговую», — в горном правобережье только два населенных пункта имели в своих названиях нарицательное *гора*, а в низменном левобережье — 18¹⁶. Получается как бы негативный снимок рельефа: где горы на местности, там в топонимии их почти нет, и, напротив, в топонимии их больше там, где меньше на местности. Однако когда сравнение идет не внутри одной стороны, а между ней и противоположным берегом, то и в топонимии *гора* помещается на горной стороне: правобережная деревня зовется *Горная Купланга*, левобережная — *Луговая Купланга*.

Название не основано непременно на самом распространенном признаке местности, а часто даже как раз наоборот, — на редком, выделяющем данный объект из окружающей среды. Ведь иначе не имело бы и смысла называть: в городе, где стекла во всех окнах, каждая улица звалась бы *Стеклопанной*.

Отсюда — очень существенное указание для этноисторической географии. По отражению племенного имени в названиях восстанавливают бывшее расселение племени, но племенное имя чаще всего повторяется как раз не в центре обитания племени, а на окраине. Это нетрудно понять: где все население сплошь русское, там бессмысленно именовать деревню *Русская* — таковы ведь и все соседние; иное дело, где перемежается русское, чувашское, татарское население. В такой насквозь русской области, как Владимирская, нет ни одного названия *Русск-*, а в автономных республиках Среднего Поволжья, где русские составляли меньшинство, многочисленны *Русские Тимяши, Русское Маматкозино, Русская Темирсянь, Русские Алгаши*, потому что рядом *Чувашские Тимяши*,

Татарские Тимяши, Татарское Маматкозино, Мордовская Темирсянь, Чувашские Алгаши. Такое же явление заметил Б. А. Рыбаков¹⁷, однако не обобщив.

В Поволжье с конца минувшего тысячелетия и по XVII в. известен многочисленный народ буртасы. Письменные источники и археологические раскопки показывают, что буртасы занимали огромную территорию, во всяком случае от Камы до современного Волгограда. Пытались очертить эту территорию по названиям, содержащим их этноним (р. *Буртас*, с. *Буртас*, *Буртаская* дорога и мн. др.). Но все они, наперекор историческим и археологическим данным, расположены по неширокой дуге от Мокши к устью Камы. Такое размещение удивило исследователей, назвавших эту полосу «буртасским гнездом». Напрасно. Эта полоса — кайма буртасской территории, не центр буртасского населения, а пограничная зона: названия из этнонимов указывают не на сосредоточение народности, а наоборот, на этническую смешанность.

Но все дело в масштабе сравнения. Иноземцы сравнивают местность не с ближайшими окрестностями ее, а со своей далекой родиной. Названия островов *Галапагос*

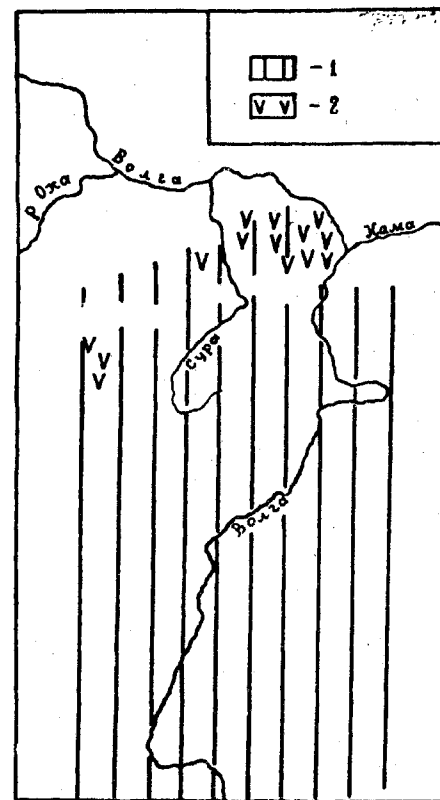

Рис. 1. Негативность топонимов, имеющих в основе этноним.

- 1 — территория, заселенная буртасами;
2 — топонимы с основой *буртас*

¹⁶ «Список населенных мест», т. XIV (Казанская губерния). СПб., 1866.

¹⁷ Б. А. Рыбаков. Древние русы. «Советская археология», 1953, XVII, стр. 24.

(исп. galapago «черепаха»), р. *Камерун* (португ. сагагão «рак, креветка») отражают позитивный признак, но так назвать их не могли бы местные жители: сравнение пло в ином масштабе — обилие необычайно крупных черепах или креветок поразило европейцев, для которых эти непривычные черты служили характерным различительным признаком по сравнению со знакомыми им странами.

Эту позиционность названий удачно схватил Г. Улашин¹⁸. Метко его наблюденье: если из Жолибожа (район Варшавы) едем в театр или университет, говорим «едем в город», не называя по имени; но, если из того же Жолибожа едем в Краков или Познань, то сказать «едем в город» невозможно — надо назвать город.

Именно так, всегда в определенной ситуации, возникает топонимический ряд. В сплошной болотистой местности не возникает названья *Болото*, если сравнение идет только в малом масштабе, внутрирайонном, но оно непременно возникнет в этой местности, как только сравнение перешагнет ее границы. По берегам большой реки не встретить названий *Набережная*, *Рыбное* и т. п., если колонизация распространялась вдоль реки — тогда каждое поселенье было и набережным и рыбным. Но такие названья обязательно возникали там, где колонизационный поток выходил на реку или пересекал ее. Вот почему топонимическая негативность относительна.

Пониманье относительной негативности названий снимает ошибки и недоразуменья, не раз подрывавшие доверие к топонимическим данным.

Подразделения топонимии по видам объектов

Как топонимы в силу специфичности обозначаемых объектов составляют своеобразный отряд слов, так и внутри топонимии различимы подотряды в зависимости от видов обозначаемых объектов.

Ощутимы различия между названиями населенных пунктов и названиями природных объектов (рек, гор и т. д.). Названия природных объектов в своей массе устойчивей, чем названия населенных мест.

¹⁸ H. Ułaszyn. Znaczenie nazw Wielkopolska i Małopolska. Łódź, 1950, стр. 30.

Альбер Доза подчеркнул, что «названия больших рек Франции, так же как и названия гор, в большинстве догалльские»¹⁹, тогда как среди названий населенных пунктов этой страны догалльские составляют небольшую часть. «По общепризнанному мнению, названия водных потоков относительно старше названий населенных мест»²⁰. У нас на это указывал еще Н. И. Надеждин²¹, различая хорографию (названия объектов естественных объектов) и топографию (названия объектов, созданных человеком); предложенные им термины не прижились. Французский лингвист Ж. Вандриес на страницах сборника в честь А. Доза писал: «Верно, что названия рек, как и названия гор, относительно устойчивей других. Им удастся избежать превратностей истории, которым так подвержены названия населенных пунктов»²². Понятно, что природные объекты незыблемей. По сравнению с ними молоды и древнейшие города. Но устойчивость названий различна не только поэтому. Названия населенных пунктов тесней втянуты в историческую борьбу, непосредственной зависят от нее и активней служат ей, тогда как названия природных объектов нейтральней и потому исторические изменения меньше затрагивали их. Различная степень устойчивости побуждает при исследовании топонимии отдаленных периодов предпочитать названия природных объектов. Однако этот закон нельзя считать абсолютным — так много из него исключений. Город *Дамаск* и *Басра* удерживают свои названия несколько тысячелетий, а даже такие большие реки, как *Волга*, *Днепр*, *Дунай*, за это время успели несколько раз сменить свои.

Для названий населенных пунктов нет особого термина. Это вызывает некоторые неудобства, впрочем, не настолько серьезные, чтобы стоило ломать голову над изобретением еще одного термина.

Огромен отряд названий водных источников (в первую очередь — рек). Это гидронимы. Гидронимия имеет свои существенные особенности и связанные с ними трудности. Серьезна проблема Hauptfluss und Nebenfluss «глав-

¹⁹ A. Dauzat. La toponymie française. 2e ed. Paris, 1946, стр. 10.

²⁰ F. Bezlaj. Slovenska vodna imena, I. Ljubljana, 1956, стр. 5.

²¹ Н. И. Надеждин. Опыт исторической географии русского мира. «Библиотека для чтения», т. 22. СПб., 1837.

²² «Mélanges de linguistique, offerts à A. Dauzat». Paris, 1951.

ная река и приток». В очень многих случаях нелегко решить, какая река главная, а какая — приток. Еще трудней было решать в старину. Известна сказка, как бежали вперегонки Волга и Вазуза — которая опередит; Волга спрямила путь и к месту встречи добежала раньше соперницы: так Вазуза стала ее притоком, а не наоборот; фольклор отразил древнее раздумье. Миссури впадает в Миссисипи или наоборот? Гидрология располагает несколькими способами решения: которая из «конкуренсток» длинней в своем отдельном течении, несет больше воды, заставляет другую изменить направление, придает дальнейшему течению свои оттенки цвета и т. д. Но даже эти объективные критерии и шротиворечивы, и изменчивы, а когда реки получали названия, ведь не было современной техники гидрологических измерений. Спор решался либо на глаз, либо по направлению расселения, основных торговых связей и т. п. Для тюркоязычных народов, можно предположить, «поединок» Волги и Камы решался в пользу Камы, которая под названием *Идель (Итиль)* считалась главной рекой, а Волга — ее притоком. Высказывали предположение, что *Борисфен* (древнегреческое имя Днепра) представляет собой название *Березина*; если так, то главной рекой считали Березину, а Днепр в его верхнем течении до слияния с Березиной полагали ее притоком²³ (аргумент в пользу этого — название острова *Березань* на Черном море близ устья Днепра). Впадая у Борисоглебска в Хопер, Ворона резко меняет его течение; справедливо заключить, что Хопер впадает в нее, а дебет той и другой реки мог измениться; и действительно, в описании плавания по Дону XV в. на месте впадения Хопра названа *Великая Ворона*. Понятно, какое значение это имеет для топонимии. Нельзя приписывать прошлому наших современных представлений. Века назад называвшие могли иначе, чем мы, соотнести сливающиеся реки. Возможно, что в ряде случаев неучетом этого вызвана запутанность для нас гидрографических сведений, сообщаемых древними письменными памятниками.

Некоторые реки на разных отрезках своего течения называются различно — по течению реки обитали разные народы и каждый на своем языке называл свою часть реки. Но и у одного народа одна река могла получить разные

²³ Е. Ф. Карский. Белорусы, I. Вильно, 1904, стр. 38.

названия — для своих частей, понимаемых не как отрезки одной реки, а как разные реки. Надо сказать, для этого тоже есть основания. Ведь, как заметил В. И. Ленин, «...нет полного соответствия между Волгой после впадения Камы и Волгой до ее впадения»²⁴, — это уж не совсем та же река. У многих народов две реки, сливаясь, образуют третью. Такое понимание многократно отразилось в гидронимии самых различных территорий. Так Либя и Кабонго образуют Замбези. Не с истока называется *Северная Двина*, а только от слияния Сухоны и Юга, *Кубань* — от слияния Учкулана и Уллакама, *Амур* — от слияния Аргуни и Шилки, которая в свою очередь начинается из слияния Ингоды и Онона. В Средней Азии это почти общее правило. *Аму-Дарью* образуют, сливаясь, Пяндж и Вахш; *Пяндж* называется только после слияния рек Вахан-Дарья и Памир; верхнее течение Вахан-Дарья называют *Вахджир*; *Вахи* образован слиянием рек Сурхоб и Оби-Хингоу; *Сурхоб* в верховьях составляют реки Кызылсу (как и тадж. Сурхоб, это кирг. «красная вода») и Муксу. *Сыр-Дарья* начинается от слияния рек Кара-Дарья и Нарын; *Кара-Дарья* образуют реки Тар и Кара-Кульджа; *Нарын* начинается от слияния рек Большой Нарын и Малый Нарын²⁵. Не от истока, а от мест слияния называются и реки *Или*, *Чу*, *Талас*. Так и на Урале: *Тавда* — это слившиеся реки Лозва и Сосьва; от слияния рек Айат и Сапа начинается р. *Реж*, а после слияния с р. Нейва — это р. *Ница*. В Мещере из небольшого озера вытекала речка *Варна*, вблизи на болотистой равнине она принимала название *Ялма*, далее, приняв приток Галку, называлась р. *Зелень*, затем становилась р. *Пошица* и, наконец, превращалась в р. *Пра*, левый приток Оки²⁶. Мы различаем *Чую* — *Катунь* — *Обь*, а для кетов они, по-видимому, были одной непрерывной рекой, как на основании гидронимии полагает А. П. Дульзон²⁷. Кажущееся нам естественным, простым и бесспорным, в действительности исторично,

²⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 26, стр. 153.

²⁵ «Очерки по гидрографии рек СССР». М., Изд-во АН СССР, 1953, стр. 266—271.

²⁶ «Материалы для географии и статистики России, Рязанская губерния». СПб., 1860, стр. 53.

²⁷ А. П. Дульзон. Былое расселение кетов, по топонимическим данным. — Сб. «Географические названия». М., 1962, стр. 72.

условно и противоречиво. С этим нельзя не считаться топонимисту²⁸.

Из других особенностей гидронимии важно указать, как редки личные имена среди ее лексических основ. Большие реки не имели владельца, поэтому за исключением ручьев и малых речек нет гидронимов, выражавших принадлежность. Личные имена стали проникать в гидронимию только за последние столетия как имена открывших их путешественников (р. *Гудзон* в США, р. *Марчисон* в Уганде) или высокопоставленных особ.

При использовании названий больших рек как исторического источника небезразлично, даны ли они в устье или у истока, между которыми простираются и тысячи километров. Выдвигали положение, что чаще гидронимы распространялись против течения: река важнее в низовьях, где она полноводней; принятое там название обычно побеждает. Однако факты не позволяют считать это обязательным законом. Гидроним *Волга*, безусловно, возник не в низовьях, а в верхнем течении, и только как принятый в России распространился на всю реку. Который из гидронимов восторжествует, зависит от хода исторического развития.

Названия орографические, т. е. объектов рельефа (гор, хребтов, холмов, ущелий и пр.), соответственно называются оронимы. Как и названия других природных объектов, они устойчивей, чем, например, названия населенных пунктов, но во многом сходны с гидронимами. Для оронимов гораздо чаще, чем для других видов топонимов, служит главным признаком внешний вид объекта (очертания горы или ее окраска). Нередко ороним передает форму объекта метафорически, переносно: например, гора *Пенгидактилон* греч. «пятипалая», так как пять ее вершин похожи на пять поднятых пальцев, или гора *Аю-Даг*, тюркск. «медведь-гора», напоминающая медведя, пьющего из моря.

Самый огромный и отличающийся значительными особенностями раздел топонимии — микропонимия, т. е. названия мелких объектов: ручьев, рощ, полей, лугов,

оврагов, дорог, мостов, колодцев, частей населенных пунктов и т. д., вплоть до отдельных деревьев, имеющих собственные имена. Впервые изучению микропонимии посвящено специальное совещание «Микропонимия» (Москва, апрель 1964 г.), организованное Филологическим факультетом Московского университета и Топонимической комиссией Московского филиала Географического общества²⁹. Идут споры о том, где провести границы микропонимии. Едва ли можно согласиться с топонимистами Болгарии, включающими в микропонимию все реки длиной до 50 км; с другой стороны, едва ли можно поддерживать мнение А. В. Суперанской, исключаящей из микропонимии названия улиц. Но попытки провести строгую и четкую черту, вероятно, схолостичны. Границы микропонимии условны. Нужней выявить ее особенности, весьма существенные. Различие дня и вечера неоспоримо и нет нужды тратить силы попусту, ища границу между ними с точностью до минуты.

Микропонимия ближе к именам нарицательным: обозначения малых объектов в большинстве менее формализованы. Часто они еще только на пути к превращению в имя собственное: «у трех сосен», «за мельницей» и т. п. — пока лишь зародыши названий. Для них процесс топонимической формализации еще весь впереди и только немногие из них пройдут этот путь до конца. Это позволяет «подсмотреть» сам процесс стихийного образования названия. Наименование населенных мест и других географических объектов, став прерогативой государства, теперь совершается как осознанный целенаправленный акт, закрепленный юридически. А микропонимия, в массе пока еще стихийная, представляет для исследователя как бы естественную топонимическую лабораторию. Для такой научной отрасли, в которой невозможен научный эксперимент, это счастливый дар. В русской микропонимии самый яркий пример близости к нарицательным — обилие предложных конструкций. Названий по модели «предлог + существительное в косвенном падеже» почти нет в славянских названиях рек и населенных мест, а в микропонимии они заурядны: луг *За озером*, поле *У млына* (т. е. «у мельницы»).

²⁹ «Микропонимия» (Тезисы совещания). М., 1964.

²⁸ И другим протяженным объектам свойственны различные названия их отрезков, тем самым понимаемых не как части, а как самостоятельные объекты. Идя в Москве улицей Б. Хмельницкого (бывш. Маросейка), никто не заметит, как, никуда не сворачивая, оказывается идущим по ул. Чернышевского (бывш. Покровка). Граница между ними чисто историческая (некогда стояла рогатка).

Исследования установили очень рельефные различия названий в зависимости от значительности называемого объекта. А. М. Селищев показал на примере микротопонима *Главага* в Македонии, как микротопонимы отличаются от собственно топонимов употреблением постпозитивного артикля: «Членные формы в болгарской топонимии не применяются по отношению к селам, к большим горам и вообще к значительным пунктам и местам. Но в названиях мелких, не особенно значительных пунктов, — в названиях, близких к именам нарицательным (appellativa), применяется и членная форма. Например: *Кърстот* — поле у Тиквешских сел Куманичево и Добротино, *Скокот* — гора у Тиквешского с. Клисурса, *Ножот* — горная местность с острыми вершинами в районе с. Никодим в Райце, *Главите* — местность у Тиквешского села и др.»³⁰

Различна и степень устойчивости названий. Названия мелких объектов в массе изменчивей. Поэтому на территории, где сменялись языки, языковые пласты названий различны для объектов разной величины. Ошибочно представлять, будто кто раньше пришел, тот назвал большие реки, а кто опоздал, тому досталось называть меньшие. Причина, очевидно, иная. Названия крупных рек известны многим народам и, если оно переменится у одного, этого могут не перенять другие, а название ручья целиком во власти местных жителей. По В. И. Георгиеву, в Болгарии различно происхождение названий у рек различной длины³¹. Соотношение в процентах таково:

Названия	Длинней 100 км	50—100 км
Болгарские	7	57
Турецкие	4	22
Фракийские	70	16
Прочие	19	4

Чем крупней объект, тем устойчивей его название. В массе этот тезис верен, однако он не абсолютен. Иногда мелкий объект, лежащий в стороне от большой дороги истории, сохраняет свое название дольше, чем крупные и видные объекты. Так, в Среднем Поволжье не только

³⁰ А. М. Селищев. Македонские кодичи XVI—XVIII вв. София, 1933, стр. 122.

³¹ Вл. Георгиев. Българска етимология и ономастика. София, 1960, стр. 71.

Кама, Сура, Самара, Свияга, а и некоторые мелкие речки удержали названия, по-видимому, не объяснимые ни из тюркских, ни из финно-угорских языков, следовательно, более ранние, тогда как сама Волга на глазах истории за два тысячелетия носит уже третье имя: *Ра — Итиль — Волга*. Мощные волны народов смывали чужое название великой реки, не задевая менее значительных. Такие случаи не позволяют абсолютизировать приведенный тезис, но не колеблют его статистической вероятности. Поэтому напрасно И. Д. Воронин вместо доказательств мордовского происхождения имени р. *Сура* приводит мордовские названия ее притоков, «ибо трудно допустить возможность такого контраста: названия притоков мордовские, а самой реки не мордовские»³². Как раз преобладает такой «контраст» — объекты разного порядка названы не одновременно. Т. Витковский (ГДР) привел очень ценные сравнительные данные о доле славянских и немецких названий отдельно в микротопонимии и в собственно топонимии³³ — процент тех и других таков (числитель — славянские, знаменатель — немецкие):

	Саксония	о-в Рюген
В собственно топонимии	60/40	70/30
В микротопонимии	7/93	6/94

Микротопонимы моложе и соответственно среди них преобладают более поздние — немецкие, тогда как более крупные объекты преимущественно удержали более ранние названия — славянские.

Существенно само количество микротопонимов. Практически они бесчисленны. Вокруг каждого селения сотни названий полевых участков, лугов, лесов, ручьев, оврагов, полей — на одно название населенного пункта. При деревне Мемники в Калининской обл. записано 180 названий только земельных участков³⁴. В одной Москве около пяти тысяч улиц. Материал микротопонимии поистине необъятен.

³² И. Д. Воронин. К вопросу о мордовской топонимике. «Записки науч.-исслед. ин-та при Совете Министров Мордовской АССР», № 13. Саранск, 1951, стр. 269.

³³ T. Witkowski. Der slawische Namenbestand in der DDR. «Forschungen und Fortschritte», Berlin, 1963, 37, № 5, стр. 152—154.

³⁴ А. Д. Баранцев. Топонимика полей. «Ученые записки Калининского пед. ин-та», 1945, т. X, вып. 3, стр. 163—180.

Особое место среди топонимов занимают названия территориально-исторические, пережиточно сохраняющие следы былых территориальных единств, не связанные ни о какими современными четкими границами: *Прованс, Каталония, Сибирь, Мещера, Бессарабия*. Они удерживаются долго, если опираются на какое-либо своеобразие — природное, экономическое, языковое или религиозное; в капиталистическом мире их искусственно поддерживают политические расчеты (Тироль).

Историко-территориальные названия меньшего масштаба охватывают группу селений. В дореволюционной России с сильными феодальными пережитками было немало таких названий, очерчивавших прежние феодальные владения или иные общности заселения. Со знаменитого откоса в Нижнем-Новгороде (ныне г. Горький) перед глазами расстилались в Заволжье «селенья так назыв. Красной Рамени, местности, когда-то покрытой непробудным лесом», описывая которую А. С. Гацисский отмечал: «Нижегородское Заволжье вообще довольно богато общими названиями известной группы селений, так сказать областными прозвищами целых околодков; укажу кроме *Красной Рамени* на следующие: *Чисть* (селения по почтовому тракту от с. Бора до с. Слободского), *Починки* (от с. Слободского до г. Семенова), *Кантауровье* (селения верст на 5 радиусах от с. Кантаурова), *Капустин угол* и *Гнилой угол* (села, лежащие между Кантауровым и Красной Раменью, смотря от Кантаурова, называются *Забологом*), *Хохлома* (селения по р. Хохломе), *Лыковщина* (селения около с. Лыкова на левом берегу р. Керженца), *Заузолье* (селения между р. Узолой и с. Кантауровым), околодок *Монастырщина* (селение около с. Шалдежа) и т. п.»³⁵

Еще сотню лет назад вокруг Москвы сохранялись такие названия, указывая на «замкнутую жизнь с особым отпечатком местного типа»³⁶: *Кругловщина, Гуслица, Гжели, Гвоздны, Сельны, Загорья, Шуваловщина* и др.,

³⁵ А. С. Гацисский. Красная Рамень. «Сборник в память I Русского статистического съезда», т. 2. Н.-Новгород, 1875, стр. 515—516.

³⁶ И. И. Ордынский. О народных названиях местностей Московской губернии. «Сборник материалов для изучения Москвы и Московской губернии», вып. I. М., 1864.

некоторые охватывали до 30—50 деревень; описание подчеркивало их отличия — природные, хозяйственные, религиозные (раскольничьи очаги). Топонимически интересно было бы проследить, как уходят из употребления в Москве названия местностей, некогда загородных: еще в начале нашего столетия говорили «в Суцёве», на глазах стираются *Хамовники*, но еще удерживают свои позиции *Фили, Марьино роца*.

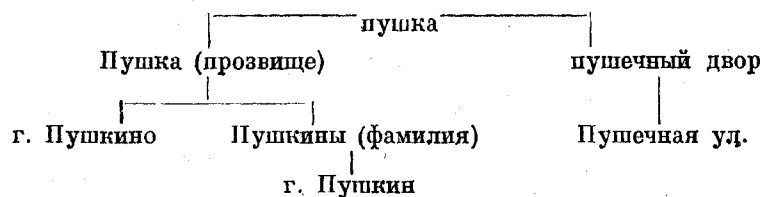
Неправомерно относить к топонимии этнонимию, т. е. наименования племен, народов, наций. Это тесно сопрягающийся с топонимией, но самостоятельный раздел собственных имен. Вместе с антропонимией (личные имена, прозвища, фамилии) и некоторыми другими (например, астрономия — названия космических объектов, зоонимия — клички животных) они составляют ономастику. Этот термин означает совокупность всех собственных имен, а также изучающий их раздел науки о языке, включая и топонимику³⁷.

Основа подлинная и мнимая

Близ Ленинграда есть город *Пушкин*, близ Москвы — город *Пушкино*, в Москве — улица *Пушечная*. В русском языке общеизвестно слово *пушка*. Этимология всех трех названий кажется простой и легкой? Горькое заблуждение! В действительности знание слова *пушка* мало помогает разобраться в их происхождении. Город *Пушкин* (бывш. Царское село) назван в память поэта А. С. Пушкина, выросшего и учившегося там; подмосковное Пушкино — до недавнего времени село, в XVI в. им владел боярин по прозвищу Пушка, предок поэта; на месте Пушечной ул. в XVII в. находился артиллерийский арсенал — «государев пушечный двор». Констатировать, что все названия произошли от основы *пушка*, — значит не только не объяснить их подлинного происхождения, но даже затемнить его. На самом деле, если все три названия

³⁷ К сожалению, у нас даже в печати ошибочно употребляют термин ономастика для обозначения имен личных (подменяя термин антропонимия), например, в выражении топонимика и ономастика, бессмысленном, как лингвисты и ученые — это часть и целое.

и связаны со словом *пушка*, то во всяком случае ни одному из них оно не служило непосредственной основой:

Правильно ли «объяснить» название г. Пушкин ссылкой на слово *пушка*, а не на фамилию поэта, в честь которого назван город? Откуда произошла сама фамилия — вопрос совершенно другой, который для объяснения топонима не только бесполезен, но и вреден, если подменяет прямую основу. Совсем в ином плане интересно и такое исследование, но оно — за пределами топонимики и посторонне для нее; в нем топоним играет роль того топора, из которого в русской сказке солдат сварил суп.

На Поволжье несколько сел носят название *Собакино* (в Горьковской и Ульяновской областях). Бесспорно, этимология приводит к слову *собака*. Но тщетно ломать голову — было ли тут много собак или чем знаменита та особенная собака, в честь которой назвали село? «Где же зарыта собака?» Богатый купец Собакин, породнившийся с Иваном IV Грозным, прибрал к рукам обширные владенья на тогдашней окраине Московского государства, — названия принадлежавших ему сел и произошли от его фамилии. Только эта основа и представляет интерес при этимологии топонима, а *собака* совершенно не при чем. Оно понадобилось бы при этимологии фамилии, для которой послужило основой. Ведь можно пойти и дальше, приводя индо-иранские параллели, указывающие, откуда в русский язык проникло слово *собака*. Нередко так и поступают при этимологизации географических названий. Но это не имеет никакого отношения к названию села, произведенному только из фамилии, этимология которой при названии села была безразлична. А так как случается, что непосредственной основы названия исследователь не приводит и, перепрыгивая через ближайшую ступень, отсылает к индо-иранской основе, такая ссылка, заменяющая подлинную основу, провоцирует фантазии, что названия занесены с Памира, хотя не только названия, а и фамилия

обязаны жизнью слову уж вполне русскому (независимо от его происхождения).

Поселок *Интернациональный* в Якутии назван русским прилагательным *интернациональный*, и называвшим не было никакого дела до того, что это прилагательное восходит к французскому по происхождению слову *Интернационал*, которое в свою очередь образовано из латинских слов *inter* «между» и *patio* «народность». Этимолог может интересоваться, из чего образовались эти латинские слова, топонимист не имеет на это ни сил, ни прав; часто случается, что промежуточные звенья выпадают при исследовании, так как торопящийся «объяснить» название перепрыгивает через них и неизбежно получает грубо ошибочный результат. Несомненно латинские корни слова *интернационал* не дают ни малейшего права привлекать древних римлян с их латынью к названию *Интернациональный* в Якутии — их разделяют тысячи лет и километров, несколько языков-посредников. Название это — русское, из русского слова интернационал (независимо от происхождения этого слова в русском языке).

«Перепрыгивание» через ступени подменяет подлинную основу названия, и этимология топонима получает совершенно ложное истолкование. Именно такая подмена происходит, когда связывают название *Барановка* с бараном, а *Петуховка* — с петухом, да еще видят в них доказательства, что тут занимались животноводством, а тут — птицеводством. В действительности оба названия произошли из фамилий или прозвищ, которые могли возникнуть совсем в иных краях и в иное время (и вовсе не обязательно связаны с занятиями животноводством или птицеводством, а может быть, даны за какие-то личные черты). Но это уже дело антропоники, а не топонимики. Иначе ведь и *Петровск*, *Петрозаводск*, *Петровку* пришлось бы связывать не с личным именем *Петр*, а с древнегреческим словом, означавшим «камень», которое стало этим именем. Но ведь оно тоже из чего-то произошло, и так дальше — до «самого первого слова». О топониме при этом придется полностью забыть.

Львы не водились в тульской деревне *Львово*. В Горьковской обл. деревни *Жеребец* и *Шмели* не имеют отношения ни к животным, ни к насекомым. Как названия *Жуковка* или *Морозовка* вовсе не говорят об обилии жуков или холодном климате, так и многочисленные *Мордвиново*,

Мещерское, Татариново, Ляхово, Чехово и т. п. не указывают на места бывшего обитания мордвы, мещеры, татар, поляков, чехов. Обычно основа такого топонима — фамилия или прозвище. Бухта *Нагаево* на Охотском море названа в память гидрографа и картографа XVIII в. А. И. Нагаева. Даже если его фамилия этимологически связана с этнонимом *нагаи*, то для этимологии названия это не только ничего не дает, а прямо запутывает, подсказывая фантастическую связь *Нагаево* — *нагаи*. Основа названия древнерусского г. *Козельск* (на Верхней Оке) — возможно, слово *козел*, но не в значении «животное», а «сооружение в поле для сушки снопов». Часто топоним обязан именно такому вторичному значению, найти которое и значит правильно установить этимологию названия.

Какими многоступенчатыми могут быть значения, показывают названия по дням недели. В феодальную эпоху возникали селения на местах еженедельных базаров. Базарный день, как главный признак, отражался в названии такого селения. Так возник кишлак *Душанбе* «понедельник» (ныне столица Таджикской ССР), в славянских землях — *Собота в Польше*, *Соботка в Чехии*, *Мурска Субота* в Югославии, и мн. др. Но есть и названия иного происхождения, хотя их основы — те же наименования дней недели, например, д. *Среда* (по дню, в который она основана), или такое название старого русского села, как *Параскева Пятница* (по церкви в честь св. Параскевы Пятницы).

Нередко, зная основу топонима, легко обмануться в его значении, так как в языке вне топонимии слово изменилось с того времени, когда возник топоним, и мы ошибочно приписываем названию современное значение слова. Древние названия болота *Добрый Мох*, с. *Добрый Сот*, р. *Добрая вода*. В современном русском языке слово *добрый* означает «отзывчивый, душевный» (противоположно *злому*). Но в таком значении эти топонимы бессмысленны. Они возникли, когда слово *добрый* означало «хороший» (противоположно *плохому*; это сохранилось в окаменевших сочетаниях *добрый конь*, *добрый день*). Как и в слове *великий*, сохранившаяся неизменной оболочка изменила значение, и топоним «повис в воздухе», истолковывать его из современных значений нельзя.

Во всех славянских языках очень часты и старинны названия с основой *город* (и в чистом виде, и в производ-

ных *Hradište*, *Hradec*, *Городище*, *Городец*, и в качестве второго компонента — *Белград*, *Райгород*). Это названия не городов в современном смысле, а укреплений — огороженных мест, иногда площадью меньше современного дома.

Прежнее, давно утраченное значение заключено и в названии московской речки *Пресня* (по которой названа улица и обширный район). Современное русское прилагательное *пресная* не объясняет этого названия. Но достаточно представить, как слово специализировалось в значении, противопоставленном процессам брожения, и сразу становится понятной исходная антиномия на основе «свежий». С этим связано и значение «прямой, точный». Славянские языки сохранили все эти значения: словацк. *presny* «чистый», переносно «сжатый, точный», болг. *пресен* «свежий». Можно предположить, что *Пресня* «свежая», река с чистой водой (но, может быть, «прямая»?). В славянской гидронимии московская *Пресня* не одинока. Ей откликается р. *Присна* под Алексиным в писцовой книге 1684 г. В старых славянских землях Германии два города носят название *Priesnitz* — в области Галле, округ Наумбург, и в области Лейпциг, округ Гельтхайн³⁸, в бассейне Заале — речкой *Priesnitzer Bach*³⁹.

Так и многочисленные в Болгарии, Югославии, Румынии гидронимы *Бистрица* не выражали быстроты: серб.-хорв. *бистар*, болг. *бистър* означают «прозрачный, ясный, чистый» (а «быстрый» по-сербско-хорватски *брз*, по-болгарски *бърз*).

Утраченное значение, отличающееся от современного, скрыто и в названиях нескольких речек *Слоновка* (*Ослоновка*), например в бывш. Тульской губ. — в бассейне левых притоков Упы по планам генерального межевания XVIII в.⁴⁰ и восточней, в Дедиловском уезде, по писцовой книге XVI в.⁴¹, с. *Слоновка* близ Нового Оскола (Белгородская обл.) и др. Разве на русской равнине при наших предках водились слоны? Да. Только слово это обозначало

³⁸ «Verzeichnis der Gemeinden und Ortsteile der DDR». Berlin, 1956, стр. 35, 54.

³⁹ E. Ulbricht. Das Flussgebiet der Thüringischen Saale. Halle, 1957, стр. 43.

⁴⁰ ЦПАДА, ф. 1356. Тульская губ., л. 88.

⁴¹ «Писцовые книги Московского государства», ч. 2. Под ред. Н. В. Калачева. М., 1877, стр. 1268.

других животных, упомянутых в древнерусской поэзии, — *слоны сохатные*, т. е. лоси.

Песчаный выступ волжского берега ниже Тетюш назывался *Богородицын рынок*, хотя Богородица там не торговала и вообще никогда не было никакого базара, а слово *рынок* обозначало «мыс» (ср. с. *Черный Рынок* у Кизляра в Прикаспии).

Еще один из многих примеров, как топонимия сохранила прежнее значение слова, забытое живой речью. На севере Чехии есть несколько селений *Окна*. В третьем томе своего фундаментального топонимического словаря покойный Антонин Профоус объяснил эти топонимы... высотой, откуда вся долина видна до края «как из окон»⁴². Наивная этимология бесосновательно приписывает названиям эстетическую и причудливую мотивировку, которая в средневековой топонимии не могла повторяться с настойчивостью, свойственной только нарицательным географическим терминам. В южной части Карпат еще 14 названий от той же основы приводит список населенных пунктов Румынии: *Окна, Окна Тергу, Окницы, Окна Муреш* и др.; на Украине в Хмельницкой, Одесской и смежных областях — селения *Окна, Окно, Окняны*. В румынском языке окно «рудник, соляная копь» (и серб.-хорв. *окнар* «шахтер»); в некоторых восточнославянских диалектах *окно* — «родник, бьющий из-под земли водный источник».

Много бед принесли топонимистам «цветовые» названия. Их принимали за названия по цвету объекта. В некоторых случаях это верно: р. *Белая* могла быть названа за светлый цвет воды. Но очень часто основа топонима, принятая за цветовую, обозначала не цвет, а совсем другой, производный признак. Уж не говоря о названиях д. *Черновка* — по фамилии помещика, или с. *Зеленец* и д. *Зеленовка* в Среднем Поволжье, обязанным не зеленой растительности, — ими в XVII в. завладел Федор Зеленый, — у русских прилагательных, обозначающих цвет, широко развились вторичные, производные значения — символические. Часто эти значения и делали их топонимами. Так, *красный* «красивый» (*красная* девица) — с. *Красновидово* на Волге; или «центральный, главный» (*красный* угол в избе) — *Красная* площадь в Москве; или символ

революции — *Краснодар*, хотя в названии *Красноярск* слово *красный* действительно выражало красноватый оттенок глинистого обрыва (таковы на Средней Волге села *Красный Яр* и *Белый Яр*). Прилагательное *черный* в русской топонимии тоже чаще означало не цвет, а или качество «плохой», или феодальную зависимость, в противоположность *белому*, свободному от тех или иных феодальных повинностей. Тюркские речные названия, содержащие *кара* «черный» или *ак* «белый», нередко противоположны цвету воды⁴³, так как *ак* обозначает речку, образуемую таянием снегов (вода в ней мутная), *кара* — речку, вытекающую из-под земли (вода в ней прозрачная). В некоторых языках Азии *черный* означает «север», *красный* — «юг» и т. п. С такими значениями тоже необходимо считаться в топонимии; например, топоним с такой основой может выражать не «голубой», а «восточный». Это явление распространено от Тихого океана до Средиземного моря. Многие мнимо цветковые названия морей, рек, гор связаны именно не с цветом объекта, а с обозначениями стран света.

Три плана значений, три функции значений

— Что значит название *Париж*?

Единственный прямой и точный ответ: столица Франции. Значение каждого географического названия — определенный географический объект на карте (реальный или пусть даже воображаемый, как может быть в художественной литературе).

Лингвистически это требует разъяснения. Значение топонима, как и каждого слова, — отношение не к самому обозначаемому объекту, а к образу его в нашем сознании. Это очень существенная разница. Связь между топонимом и объектом нельзя упрощенчески представлять как непосредственную, она сложна, опосредствована. Но это проблема общелингвистическая, а не топонимическая, и здесь не место ее излагать. Достаточно напомнить, что к выражению «топоним обозначает объект» надо относиться как

⁴³ Э. М. Мурзаев. К географической терминологии в номенклатуре киргизов Тянь-Шаня. «Известия Всесоюзного географического об-ва». Л., 1940, № 3; А. Н. Кононов. О семантике слов *кара* и *ак* в тюркской географической номенклатуре. «Известия Отделения общественных наук АН Таджикской ССР», 1954, № 5.

⁴² A. Profous. Místní jména v Cechach, d. III. Praha, 1951, стр. 257.

к выражению «заход солнца». Излишне каждый раз предостерегать, чтобы не приняли это за утверждение вращения солнца вокруг земли.

Но спрашивающие «что значит название?» часто имеют в виду не это, а совсем иное. Им хорошо известно, что Париж — столица Франции, а хотят они знать происхождение названия, его этимологию.

Прямое географическое значение топонима, указывающее на определенный объект, — главное и обязательное. Только оно и обязательно. Без него нет и топонима. А этимологическое значение может и не сохраниться, например, у названия *Москва-река*.

Слово, став топонимом, т. е. приобретя топонимическое значение («вот этот объект»), даже если оно внешне никак не изменилось, отбрасывается от своего прежнего значения, хотя бы этимология оставалась прозрачной. Кому (кроме слышавших впервые) при названии *Черное море* предстает черным? В 20-х годах печать привела фразу, записанную из одного выступления: «наше красное синее Черное море», где все три цветочных прилагательных выступают не в своих прямых цветочных значениях, а во вторичных.

Именно в силу этого и возможны такие катахрезы (сочетания несовместимых значений), как *Stara Nowa Wies* в Польше, *Altneudorf* в Германии. Нельзя перевести это «старая новая деревня», хотя буквально значения всех составных элементов были таковы, но *Новая деревня* уже только топоним, «вот та деревня», как номер ее, признак новизны испарился. Из двух несовместимых значений по крайней мере одно стерлось, а может быть и оба. Поэтому никого не удивляет, что древнейший русский город называется *Новгород* «новый город», как и самый старый мост Парижа называется *Новый мост*. Давно уж г. *Малая Вишера* больше, чем *Большая Вишера*.

В Ивановской обл. можно услышать запросто произнесенное *Архангел, Комсомольского района*. Только у постороннего это вызывает улыбку, а для самих говорящих и слушающих *Архангел* — только селенье и никаких религиозных ассоциаций не вызывает. Катахреза возникает только для тех, кто ощущает этимологические значения обоих членов топонимического целого: тогда они вступают в конфликт. При этом могут возникать печальные курьезы, как с. *Крещеный Баран* в левобережье Среднего По-

волжья. Разве баранов крестили? Нет, баран тут не причем. Село находится на р. Баран, по которой и названо, а гидроним принадлежит одной из дорусских языковых волн, оставившей в Заволжье много названий на *-ан*. На Баране несколько селений и нужны различители. В XIX в. казанский архиерей распространял православие ускоренно: объезжал епархию, к его приезду жителей загоняли в реку и он разом крестил целое село. Так это село, в отличие от оставшегося некрещеным, получило различительное добавление *Крещеный*. Штат *Западная Виргиния* образован в гражданскую войну 1861 г. с распадом штата Виргиния на два враждебных лагеря; *Виргиния* этимологически означало «девственница» (относилось к английской королеве), но *Западная Виргиния*, конечно, не означает «западная девственница», *Виргиния* — уж только название, т. е. имеет значение топонимическое (данный штат), без этимологического.

Все подобные столкновения показывают неполную утрату этимологического значения. Если бы прежнее этимологическое значение сохранялось в полной силе, без примеси топонимического, то не было бы топонима, было бы просто нарицательное словосочетание *река белая*, а не вот эта р. Белая, левый приток Камы. Но если бы этимологическое значение стерлось полностью, то мы безразлично восприняли бы выражение «голубая р. Белая» точно так же, как воспринимаем «желтая р. Цагангол», не зная, что по-монгольски *Цагангол* «белая речка».

Некоторые топонимы давно утратили свое до-топонимическое (т. е. этимологическое) значение полностью, например *Москва*. Другие, наоборот, полностью сохранили его, и оно не слабей главного, адресного, например г. *Ленинск*. Между этими крайними степенями вся необъятная масса топонимов. В одних этимологическое значение бледней, в других ярче. Утрата его проходит разные ступени. В одних топонимах оно испаряется быстро, в других продолжает жить веками не стираясь.

Могут сохраняться даже и этимологии этимологий, еще более отдаленные значения. Например, как показано, г. *Пушкин* под Ленинградом, наряду с топонимическим значением, полностью удерживает до-топонимическое значение — фамилия поэта, но еще не погашены и значения предшествующих ступеней: этимология фамилии — прозвище предка, даже глубже: этимология прозвища — нари-

пательное *пушка*. Но эти значения не имеют непосредственного отношения к топонимии.

Сохранение до-топонимического значения зависит прежде всего, конечно, от того, насколько общеупотребительно и ясно в речи значение тех слов, которые стали основами названия. Совершенно отчетливо этимологическое значение первого компонента в названии *Ленинград*, но слабей этимологическое значение второго компонента. Оно еще бледней в названии *Краснодар*, а в названиях *Иркутск* или *Смоленск* для большинства стерлось почти совсем, как *Африка* или *Париж* ни у кого не вызывают воспоминаний об афригиях или паризиях; даже для специально занимающихся этими этимологиями до-топонимические значения едва ли возникают при каждом упоминании этих топонимов в повседневной речи помимо специальных этимологических занятий, это мерцающие значения, вспыхивающие на время и выключаемые снова, а для всего человечества *Африка* и *Париж* не несут никаких до-топонимических значений.

В топониме только топонимическое значение его единственно обязательное; значение до-топонимическое (этимологическое) — премия, которой может и не быть, а иногда и тяжкое наследство, если по этимологическому значению топонима примут *Новгород* за новый город и доверятся названиям обеих *Вишер*, *Большой* и *Малой*, для определения их современных размеров.

До-топонимическое и топонимическое значения топонима не исчерпывают его значений. Есть еще один план. Топоним развивает новые значения, обязанные уже его топонимическому значению, то есть его связи с объектом. Название принимает на себя развивающиеся признаки обозначаемого объекта. Нередко название местности становилось наименованием изготавливаемых в нем товаров, например ткани — кашемир (*Кашмир*), шевият (*Чевият*) или марки вин. От-топонимические производные бывают даже известней топонима. Московский купец, побывав «в европах», удивлялся: «Там города названы по винам — вино бордо и город Бордо, вино малага и город Малага». Созданный Т. Мором топоним *Утопия* стал нарицательным. Становилось нарицательным в смысле отсталого захолустья *Пошехонье* под сатирическим пером Салтыкова-Щедрина. Много таких примеров из английской литературы собрала В. Д. Беленькая. Такое значение может «на-

капливаться» постепенно (*Ташкент* в значении «жара») или возникать мгновенно (*Хиросима* в значении атомного уничтожения). Славил храбрость Наполеона, не утратившегося чумных бараков Яффы и пулю на Аркольском мосту, — топонимы *Аркольский мост* и *Яффа* стали означать мужество в опасности; так, у В. Маяковского («Я и Наполеон», 1915):

Он раз чумо приблизился треном,
Смелостью смерть поправ,—
Я каждый день иду к зачумленным
По тысячам русских Яфф!
Он раз, не дрогнув, стал под пули
И славится столетий сто,—
А я прошел в одном лишь июле
Тысячу Аркольских мостов!

Название улицы *Уолл-стрит* («улица стены»), на которой расположены крупнейшие банки Нью-Йорка, стало символом монополистического капитала, вершащего империалистическую политику. Слово *Москва*, обозначая центр Страны Советов, стало символом нового мира, привлекая лучшие надежды человечества и ненависть врагов. К топонимическому (не говоря уж о до-топонимическом) значению не сводима *Москва* не только в сочетании «рука Москвы», но и в повседневной радиоформуле «говорит Москва». В превосходном стихотворении «Москва в Норвегии» Вера Инбер рассказала о встрече с норвежским парнем; она не знала ни слова по-норвежски, как он по-русски, но узнав в ней советского человека, он чертит *Moskva* с расходящимися по всем радиусам лучами.

Человек с удивительным словом *Москва*
Не бывает нигде одинок.

Отношение от-топонимического значения к топонимическому таково же, как топонимического к до-топонимическому.

Как топоним может уже утратить до-топонимическое значение, так от-топонимическое значение его может еще не развиться. Одни топонимы сохранили отчетливое этимологическое значение (*Ленинск*), у других оно бледно (*Краснодар*), у третьих погашено полностью (*Москва*). Одни топонимы приобрели богатые от-топонимические

значения (*Москва*), другие развили их слабо (*Урал*), у третьих они для большинства неощутимы (*Петровка*).

До-топонимическое значение может быть только одно. Если их много, значит, они неверны. А от-топонимические значения неограниченны, как родители — только одни, а детей может быть много.

Различать до-топонимический, топонимический и от-топонимический планы значений топонима обязательно. Когда при анализе смешивают их, ничего не получается, кроме путаницы.

От трех планов значения необходимо отличать три функции значения. Прямая обязанность топонима, ради которой его только и дают, — служить адресом. Но это не единственная функция его. Одновременно он может выполнять и дополнительные функции. Названья оз. *Щучье*, с. *Большое*, гора *Магнитная* не только указывают на данный объект, а и описывают его. Прямая, адресная, номинативная функция топонима обязательна. Функция дескриптивная (описательная) необязательна. Да и осуществима она только до тех пор, пока до-топонимическое (этимологическое) значение топонима живо и пока с ним не вступили в конфликт изменяющиеся признаки обозначаемого объекта (т. е. пока *Новгород* не стал *старым* городом, а *Малая Вишера* не стала больше *Большой Вишерой*).

Кроме номинативной и дескриптивной функций, есть у топонима еще одна — идеологическая (в широком смысле) — названья оз. *Виктория*, г. *Аделаида*, р. *Св. Лаврентия*, г. *Советск*, пос. *Октябрьский* не описывают объекта. Это посвящения. Идейное содержание их различно, даже противоположно, как противоположны идеологии их создателей. Эти названия сами «окрашивают» объект. Сюда надо отнести и тульскую деревеньку *Кинь грусть*, и другие помещичьи деревушки — *Отрада*, *Услава*, *Уют* и пр. Функция их такая же, как 11 античных Ольвий, разбросанных по всему Средиземноморью от Пиренейского полуострова до Крыма. Это названия древнегреческих городов; все они только вне самой Греции; др.-греч. *Ольвия* «счастливая». Почему они в колониях? Неужели колонисты жили там счастливее, чем в родной Элладе? Конечно, нет. Тяжкий труд в непривычном климате, далеко от родины, на узкой полоске чужого берега, в непрерывном страхе перед возмездием коренного населения колонизованной стра-

ны. Название — не констатация счастья, а мольба о нем⁴⁴. Таких заклинающих названий действительно немало. Вероятно, подобного происхождения и *Гренландия* «зеленая страна», как страна *Муравия* русских народных легенд.

Идеологическая функция названия опирается на до-топонимическое значение топонима. Но, отличаясь от дескриптивной, она может опираться и не на этимологическое, а, наоборот, на новое, от-топонимическое значение.

Вся эта сложность значений топонима, конечно, затрудняет его анализ. Но только понимание ее и может внести ясность в вопрос «что же значит это название».

⁴⁴ Акад. С. А. Жебелев высказал мысль, что все 11 Ольвий — переосмысление из *Ольба* «поселение» (С. А. Жебелев. Счастливые города.— В сб. «Из истории докапиталистических формаций». М.— Л., 1933, стр. 353—363).

ФОРМА НАЗВАНИЙ

Словообразование

Не одно и то же — *венок*, *венец* или *веник*. Совсем различны по смыслу *дом*, *домовый*, *домовой*, *надомник*, *домушник* и т. д. А интересуясь топонимикой, очень часто пренебрегают такими решающими различиями. Слышится *дом* — и достаточно. Это все равно, что принять *домашнего* за *домового* или смешать *домушника* с *надомником*. При такой глухоте интерес к топонимике приносит не пользу, а вред.

Есть решающая разница между названиями *Баран*, *Барановка* или *Барановичи*, гораздо больше, чем между словами *молочная* (магазин), *молочница* (разносчица молока), *молочник* (посуда) — те так или иначе, хотя бы косвенно, связаны со словом *молоко*, тогда как топоним *Баран* своей формой выдает невозможность связать его со словом *баран*. В русском языке производность выражается аффиксацией, косвенным падежом, прилагательным или другими средствами, например *баранье мясо*, *мясо барана*, *баранина*, но не «баран-мясо», «мясо-баран». Тюркоязычное название *Темир-тау*, букв. «железо-гора», соответствует строю тюркских языков, по-русски тот же смысл требует иной формы — *железная гора* (ср. гора *Магнитная*), а *железо-гора* означает тождество: «железо = гора». Отсюда очень серьезный вывод в отношении таких названий, как, например, гидронимы *Сосна*, *Ворона* и им подобные. Навивно связывать их с сосной, вороной и пр.

Словообразование вообще долгое время оставалось в тени и даже не существовало такого раздела языкознания — его причисляли то к лексикологии, то к грамматике, то делили между ними. Только за последние десятиле-

тия словообразование признано самостоятельным разделом лингвистики (у нас — особенно трудами акад. В. В. Виноградова) и получило широкое развитие.

Ведь если бы название выражало какое-нибудь отношение реки к сосне, то по-русски можно было бы сказать только *река сосновая*, *река сосен*, сложившаяся в особый ряд слов топонимия позволяла уже употребить форму *Сосенка*. Но название *Сосна* могло бы значить только: «эта река — сосна». Даже анимистическая теория, допуская, будто наши предки могли представлять, что эта река — ворона, не рискнет утверждать, будто возможно отождествление реки с сосной. По утверждению М. Фасмера, р. *Коза* — паименование животного «коза». Но что это могло означать? Обилие коз? Тогда могла бы быть *козья*, но не *коза*.

К тому же наблюдению разными путями пришли славянские топонимисты Фр. Безлай и Ст. Роспонд: «в славянских языках наименования животных и растений редко становятся географическими названиями без помощи аффиксов»¹, «о деревне *Горка* можно сказать: „это — горка“, но о деревне *Волк* нельзя сказать: „это — волк“»². Предположить, что гидроним *Коза* означал «коза» можно, лишь допустив, что называвшие отождествляли эту реку с козой. Славян I тысячелетия н. э. немисливо перенести в такую стадию мышления, как неоправдан и обратный анахронизм — приписывать им метафорическое название «река похожа на козу» (прыгает, как коза), метафора возникает на ином уровне топонимического развития (*Аю-даг* «Медведь-гора»). Верней всего, гидронимы *Сосна* и подобные заимствованы из языков-предшественников. При этом возможны два решения. По интересной гипотезе акад. А. И. Соболевского, названия этих рек действительно означали «сосна», «ворона» в языках другого строя, где нет формальных различий между существительным и прилагательным, — там сочетание «сосна-река» означало «сосновая река», русские же перевели буквально³. Однако,

¹ Fr. Bezłaj. Slavistična revija, V—VII. Ljubljana, 1954, стр. 389.

² St. Rospond. Klasyfikacja strukturalno-gramatyczna slowiańskich nazw geograficznych. Wrocław, 1957, стр. 32.

³ А. И. Соболевский. Лингвистические и археологические наблюдения. «Русский филологический вестник», Варшава, 1910, стр. 89—98.

вероятней, что, напротив, эти нерусские названия звучали похоже на русские слова *сосна*, *ворона*, но этимологическое значение их было русским неизвестно и они приняли их за русские слова. В таком случае гидроним *сосна* принадлежит не ряду *дуб*, *ель*, а ряду *Десна*, *Цна*. Игнорирующий разницу слов *Ворона* и *Воронья* ставит себя в положение иностранца, полагавшего, что в русском языке *кузница* значит «жена кузнеца», а *кузничик* — их сын.

Вне формы нет и значения. Речь только тогда осмыслена, когда пользуются строго определенными грамматическими формами, выраженными строго определенными звуками языка. Произвольно нельзя их ни изменить, ни переставить — смысл изменится или исчезнет.

Географическое название — слово. И как все слова, подчиняется законам языка, а не физической географии, например.

Топонимика не изобретает собственных средств, а пользуется теми, какие есть в языке, хотя отбирает лишь ничтожно малую долю их.

Если значения топонимов межъязыковы, то формы значительно различаются в зависимости от особенностей языков. Многие названия в Полинезии образованы удвоением — *Такаака*, *Ндрондро*, *Ноаноа*, в Индонезии о-в *Бумбум*, в экваториальной Африке реки *Ривириви*, *Гулигули*, *Бингабинга*, *Зингвезингве* и т. п. Для тюркоязычной топонимии характерна глагольность, непривычная в топонимии славянской; там обычны названия: тур. *Денизгёрюндю* «море показалось», каз. *Малкелди* «скот приходил», азерб. *Гызгайылды* «девушка вернулась»⁴; остров на Аральском море называется *Барса-Кельмес* «пойдешь — не вернешься»; есть в Средней Азии и название, означающее «заброшенный колодец, где ночевал всадник на белой лошади», в башкирской топонимии — *Айгирбаткан* «жеребец утонул», *Атэгар* «конь доедет», скала *Калимоскан* «Калим упал»⁵.

Во всех индоевропейских языках топонимы сложились в ощутимый разряд имен существительных (субстантивы).

⁴ Примеры из статьи: Г. И. Донидзе. Глагольные топонимы в тюркских языках. — В сб. «Топонимика Востока. Новые исследования». М., 1964.

⁵ Д. Г. Киекбаев. Вопросы башкирской топонимии. «Ученые записки Башкирского пед. ин-та», 1956, вып. 8, № 2, стр. 232, 234.

Однако по происхождению среди них огромна масса прилагательных (адъективы). Именно прилагательные обычно выражали признак, будь это свойство объекта или принадлежность: какая река? — белая; чей город? — княгинин. Подобно тому, как говорим «кило белого», не добавляя «хлеба», и в названии происходит процесс субстантивации прилагательных, т. е. превращения их в существительные без каких-либо внешних изменений: *белая река* → река *Белая* → *Белая*; город *княгинин* → город *Княгинин* → *Княгинин*. Это относится и к прилагательным отглагольным (причастия), например на Украине топоним *Вруч* представлял при возникновении активное причастие настоящего времени, *Моцона* — пассивное причастие прошедшего времени⁶. Субстантивация прилагательных — процесс не только топонимический (*столовая*, *булочная*, *дежурный* и др. прошли по пути этому дальше, полностью поглотили существительные, при которых они возникли — «столовая комната»). Но в топонимии этот процесс особенно силен. Можно сказать, что топонимия — огромный котел, в котором массами и буквально на глазах субстантивируются прилагательные. Развившиеся позже другие формы выражения признака потеснили в топонимии прилагательные, но они еще и теперь удерживают сильные позиции. Так из всех 125 переименованных в 1964 г. населенных пунктов Рязанской обл. 45 получили названия в форме прилагательных.

Славянский, в частности русский, тип топонимического словообразования удобно представить в сопоставительной таблице вместе с немецким. Своеобразие чрезвычайно выпукло — достаточно по немногим районам взять все названия населенных пунктов (названия иноязычные засчитаны вместе с чистыми основами) — см. таблицу на стр. 68.

На славянской почве абсолютно господствует аффиксация (*Иваново*, *Курск*, *Сараево*, *Замостье*), тогда как на немецкой абсолютно преобладает словосложение (*Франкфурт*, *Гамбург*). Правда, эти способы не взаимоисключающие — возможно словосложение с одновременной аффиксацией, но в славянской топонимии оно не развилось.

Естественно, что в книге для русского читателя наибольшее внимание справедливо уделить тем формам,

⁶ Л. Л. Гумецька. Нарис словотворчої системи української актової мови XIV—XV ст. Київ, 1958, стр. 60.

Таблица 1

	Чистая основа	Аффиксация	Словосложение*	Словосочетание
Польша				
Варшавское воеводство, повет Рава (1925)	4	73	3	20
Скерневице (1925)	3	72	3	22
Югославия				
Хорватия, котар Двор (1955)	7	67	2	24
„ „ Врбовец (1955)	5	54	1	40
Болгария				
Округ Благоевград (1950) . .	10	76	1	13
РСФСР				
Владимирская обл., Струнинский р-н (1955)	4	85	1	10
Тулская обл., Алексинский р-н (1956)	3	84	1	12
ГДР				
Округ Зуль, крейс Мейнинген (1956)	2	14	82	2
„ Эрфурт, крейс Гота (1956)	2	17	77	4
ФРГ				
Пфальц (1953)	3	11	85	1

* В том числе с одновременной аффиксацией.

которые встречаются в топонимии русской, особенно аффиксации, прежде всего суффиксации, так как именно она — основное средство словообразования русских топонимов.

Суффиксация

Словообразование русских топонимов преимущественно суффиксально. Из русских названий населенных мест суффиксальны более 90% (включая случаи, где суффиксации сопутствуют другие средства словообразования — префиксация, словосложение и пр.).

В топонимическом употреблении обычно «окостенение» суффикса, неотделимо слившегося с окончанием — показателем грамматического рода и числа (-ка, -шта, -щина) или только грамматического числа (-яга, -ники). Называть такие форманты суффиксами не вполне точно, но общепринято.

К сожалению, лишь единичные из суффиксов славянской топонимии удостоились специальных исследований, начиная с монографии Ст. Роспонда о старом суффиксе * -itj- в топонимии Балкан⁷. Польские топонимисты в этом направлении сделали больше других. В объемистом исследовании Галина Сафаревич обстоятельно рассмотрела топонимы на -щина (-щизна) в Польше, Белоруссии и на смежных территориях⁸. Статьи об отдельных суффиксах и их группах теперь многочисленны во всех славянских странах. Отличным примером может служить работа И. Дуриданова⁹. За последние годы и в нашей стране анализ формантов становится магистралью топонимического исследования — в лучшей из отечественных топонимических работ книге В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева¹⁰, на Украине — в работах Л. Л. Гумецкой, в топонимии неславянской замечательны труды А. П. Дульзона по Сибири.

Одни из самых распространенных суффиксов славянской топонимии -ов-(-ев-) и -ин-. Они некогда служили основным средством выражения принадлежности, образуя притяжательные прилагательные. Эта историческая функция и сделала их господствующими в топонимии, когда распространение феодальной собственности на землю стало главным признаком наименования места — кому оно принадлежит. Если основа оканчивалась твердым согласным, к ней присоединялся суффикс -ов- (Львов, Борисов, Иваново), если мягким, то -ев- (Юрьев, Князево). Очень древен другой отряд прилагательных с -ов- (-ев-), но не притяжательных, а относительных, обозначавших состав,

⁷ St. Rospond. Południowo-słowiańskie nazwy miejscowe z sufiksem *-itj-. Kraków, 1937.

⁸ H. Safareńczowa. Nazwy miejscowe typu *Mroczkowitzna*, *Klimontowszczyzna*. Wrocław, 1956.

⁹ И. Дуриданов. За някои редки словообразователни типове в българската топонимия с упосредница от другите славянски езици. «Славистичен сборник», I. София, 1958.

¹⁰ В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962.

материал — *дубовый*; они тоже широко представлены в топонимии: в Болгарии — *Габрово*, *Тырново*, у нас *Орехово*, *Барвенково*. Но по сравнению с притяжательными их меньше.

Почти каждое четвертое из всех названий населенных пунктов Болгарии содержит *-ов-* (*-ев-*), как и в большей части Македонии. Слабей позиции этого суффикса в топонимии других южнославянских территорий и центральных областей Чехии, зато он сильнее в окраинных чешских областях, в славянских землях Германии, в Польше (в Млавском повете 1925 г. — 22%); в северной половине Польши он выступает в форме *-owo*, в южной *-ow* (произносится ближе к русскому у *Жешув*, *Тарнув*). В древней Руси названия с этим суффиксом господствовали на Среднем Днепре и, по-видимому, на северо-западе. Позже они стали преобладающими в Московском государстве. И сейчас им принадлежит большинство названий населенных мест всюду, где названия в массе даны русскими до XVII в.; с этого времени начался быстрый упадок суффикса *-ов*, хотя еще и в наши дни он способен образовывать новые названия, например со значением мемориальным (*Готвальдов* в Чехии, *Шевченков* на Украине).

По географическому распространению и исторической судьбе с *-ов-* совпадает суффикс *-ин-*, отличающийся только тем, что присоединялся к основам другой грамматической формы. Он образовывал притяжательные прилагательные от основ на *-а*: *Марьино*, *Княгинин*, *Воеводино*, *Владыкино*, *Ванино* (*отцова* книга, но — *папина*, как и *мамина*). Таковы летописные села Киевской Руси X в. *Предславино*, *Рогнедино* (*Предслава* — дочь Владимира, *Рогнеда* — его жена). Обильные названия на *-ин* от личных русских и нерусских имен еще даже в XVIII в. объясняются формами личных имен на *-а* (*Наро-Фоминск*, *Абдулино* — от *Фома*, *Абдулла*), часто уничтожительными (*Помряскино*, *Васькино* от *Помряска*, *Васька*). Поэтому ошибочно связывать название *Чернигов* с предполагаемой княгиней Чернигой и *Ольгов* с княгиней Ольгой. Некоторые аномалии требуют специальных исследований (рязанское *Олегино*, калужское *Роксаново*, как, впрочем, и внетопонимические — *орлиный*, *комариный*).

Еще один старый суффикс притяжательных прилагательных *-ј*. С XII в. его продуктивность в славянской топонимии упала. У нас его следы сохранились в смягчении

конечного согласного, например *Ивань-дор* — участок леса, расчищенный Иваном под пашню. Первоначально г. Владимир (на Клязьме) так и назывался *Володимирь*, по имени основавшего его князя, с суффиксом принадлежности *-ј*, но когда этот суффикс отмер, возобладала аналогия с формой личного имени. Если основа оканчивалась на губной согласный, то возникало сочетание «губной + л'» (мягкое л, обозначаемое орфографически *ль*): *Хогимль* «принадлежащий Хотиму». Таковы топонимы от княжеских имен на *-слав*. Так как большинство этих имен приходится на X—XII вв., то и многочисленные феодальные замки с названиями на *-славль* относятся к тому же времени действительно широкого строительства княжеских крепостей; лишь немногие из них столетием старше или моложе. Начинаются у нас они в Среднем Поднепровье и в Белоруссии, оттуда проникают в Поочье, на Клязьму и в северное Поволжье: *Ярославль*, смоленский *Рославль* (из имени *Ростислав*), костромской *Судиславль* (из имени *Судислав*) и мн. др.

Древен в русской топонимии и суффикс *-ск-*. Исследователи колеблются, отнести ли его к притяжательным или относительным. Предлагали определить его значение как выражение групповой принадлежности. Неточность этого отмечена в моих работах: верней определить *-ск-* как суффикс неличной принадлежности (*царский*, *боярский* — принадлежащий не «группе царей» или «группе бояр», а царю или боярину, но с подчеркиванием не именно этого лица, а его общественного положения). На территорию нашей страны названия со *-ск-* в форме кратких прилагательных вступили из Литвы и северной Польши (*Смольньскъ*, *Полотьскъ*, *Пиньскъ*, с последующей утратой редуцированных). Наиболее часты они между Припятью и Зап. Двиной, откуда распространились на юго-восток (*Курск*, *Рыльск*), в Поочье (*Плавск*, восточней — *Зарайск*, *Рязск*) и Волго-Окское междуречье (*Можайск*). Когда русский язык утратил краткие прилагательные, топонимия удержала эту форму, ставшую собственно топонимическим признаком, образующим непосредственно существительные, распространившимся далеко (*Иркутск*, *Якутск*) и сохранившим продуктивность до наших дней (*Ульяновск*, *Ленинск*, *Дзержинск*). С середины XVIII в., когда сложились противостоящие стили в языке, стали развиваться названия в форме полных прилагательных

(*Всехсвятское, Никольское, Анненское, Каменская*), особенно частые от названий церквей (по престольным праздникам). На юго-востоке Европейской части России, где большинство русских названий возникло в XIX в., такие топонимы составляют самую сильную группу.

Из формантов, образовавших непосредственно существительные (а не прилагательные), древни *-ец* и *-ица*. Их судьба во многом тождественна, а следовательно, тождественны и их ареалы, на большом отрезке времени они в языке вне топонимии были парны подобно *-ов/-ин* (*старец-старица*). Но в топонимии они все же во многом различаются. Суффикс *-ец* в топонимии известен и с диминутивным значением (*Дон* и *Донец*, *Ингул* и *Ингулец*) и с качественным (*Ржавец*) — част в Чехии. На некоторых старых славянских территориях *-ец* (*и -овец*) образует больше $\frac{1}{3}$ всех названий населенных пунктов (например, в области Чаковец на северо-западе Хорватии). В форме *-ац* он очень силен в большей части Сербии и Хорватии (*Вршац*; также *-овац* (*-евац*): *Лазаревац*, *Пожаревац*). В нашей стране названия с суффиксом *-ец* тем гуще, чем древней славянское заселение. Так, в Ивано-Франковской, Черновицкой и Тернопольской областях Украины они теперь составляют более 3% названий населенных мест, в Винницкой и Хмельницкой 1,5%, в Днепропетровской, Кировоградской, Одесской, Николаевской — малую долю процента, в Херсонской их нет совсем. Среди гидронимов тенденция та же. На Украине в бассейнах Прута и Серета названиям с суффиксом *-ец* принадлежит 12% названий рек, в бассейне Верхнего Днестра — 5%, в бассейне Северского Донца — 2,5%, в Приазовье меньше 1%. В основном сходно распространение форманта *-ица*. Этим суффиксом образованы почти 25% всех гидронимов Словении¹¹. На Украине в бассейнах Прута, Серета и верховьев Днестра они составляют больше 10% гидронимов, в бассейне Десны 4%, Северского Донца — меньше 2%, южнее Хортицы их совсем нет. Среди названий населенных мест в юго-западной Болгарии (область Благоевград) их 15%, в Черновицкой обл. УССР более 4%, в Полтавской 0,6%. Заметную величину они представляли на русском северо-западе, особенно в Псковской и смежных землях.

¹¹ Материал подсчета см.: F. Bezljaj. Slovenska vodna imena, I—II. Ljubljana, 1956—1961.

И в названиях населенных мест, и в гидронимии огромный вес форманта *-ка*. Вначале он выражал уменьшительность, производно — принадлежность, нес ощутимую окраску уничижительности (формы личных имен, особенно в XVI—XVIII вв.). Затем его функции формализовались, он стал лишь средством субстантивации, захватывая в дальнейшем самые различные значения (современное *электричка* «пригородный поезд с электрической тягой»), хотя не до конца утратил некоторый оттенок пренебрежительности. В топонимии он достиг наибольшего господства у восточных славян. В гидронимии Словении *-ка* занимает 2%, а в гидронимии бывш. Калужской губ. (подсчет Р. А. Агеевой) — больше половины. На Украине $\frac{1}{4}$ всех гидронимов образована этим формантом. В названиях населенных мест России (в формах *-овка*, *-инка*) *-ка* позднее, когда топонимы окончательно закрепили свои позиции как разряд слов в форме существительных. Расцвет его приходится на XVI—XVIII вв. Поэтому *-ка* преобладает там, где русские и украинские названия в массе принадлежат XVI—XVIII вв. Если северней линии Брянск—Тула—Арзамас безраздельно господствует *-ов*, то южней этой межи большинство принадлежит форманту *-ка*. Эта черта — граница Московского государства XVI в., разделяющая две огромные полосы не синхронно, а диахронно: это проекция времени на плоскость карты. «Борьба» суффиксов *-ов* и *-ка* исключительно отчетлива в «зоне вибрации», где они соперничают, например в Тульской обл., на севере которой решительно преобладает *-ов*, на юго-востоке *-ка*. Полоса господства *-ка* обширна, охватывая Среднее Поволжье, Черноземный центр, почти всю Украину, смежные территории Польши и Словакии. На Украине более 10 тысяч названий населенных пунктов на *-ка*, *-вка*, *-инка* (*Каменка*, *Горловка*, *Жмеринка*), в Кировоградской обл., где названия относительно поздны, они составляют 54% всех названий населенных мест, в Харьковской, Черкасской, Запорожской, Херсонской, Николаевской, Одесской — более 40%, в остальных значительно меньше (в Ровенской 14%, в Львовской 9%). В XIX в. формант *-ка* утратил первенство в образовании новых названий — и на территориях, где русская и украинская топонимия еще моложе, он занимает весьма скромное место.

Гораздо реже топонимы с формантом *-щина*. Чаще они означали не точку, а площадь. Их массив — Белоруссия,

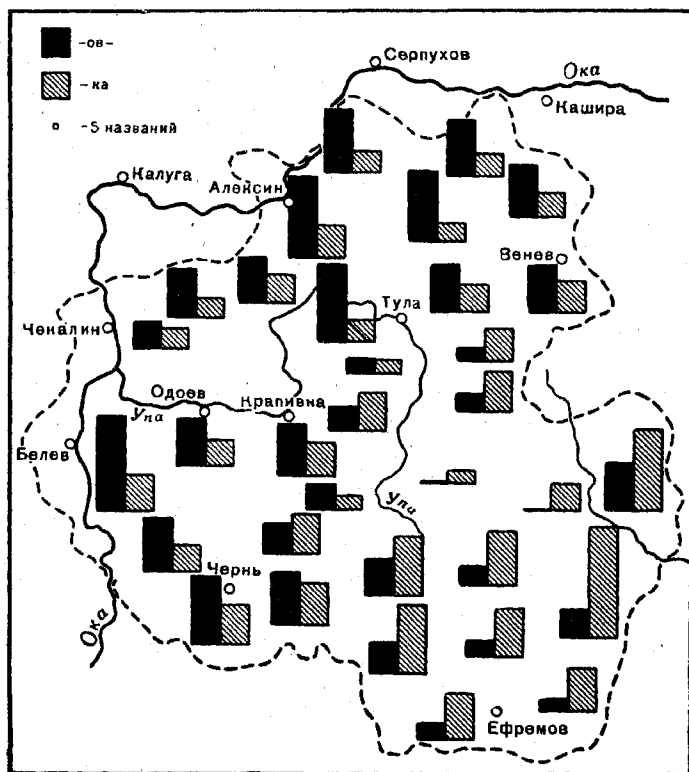

Рис. 2. «Зона вибрации»

Названия населенных пунктов Тульской обл. (1956 г.) с суффиксами -ов- и -ка-

северо-восток Польши, северо-запад Украины (области Полтавская, где *-щина* достигает 5% всех названий населенных мест, Сумская, Черниговская, частично Киевская и Житомирская). От своего массива топонимы *-щина* расходятся по всем направлениям, быстро редая. Они хорошо рассмотрены в упомянутой работе Г. Сафаревич, которой, к сожалению, остались неизвестны топонимы на *-щина* наших центральных и поволжских областей (обычно означавшие обширные землевладения — *Милославщина*, *Монастырщина*) и 317 названий на *-щина* в бывш. Вятской губ., а также несколько на противоположной окраине славянского мира — в Альпах Словении (*Айдовщина*, *Скаданщина*, *Марковщина*).

В старых славянских названиях населенных мест нередок формант *-ище*, означающий место, где шаходилось или происходило что-либо (*ржище* «поле, где была посеяна рожь», *пожарище* «место после пожара»), в русской топонимии *Избище*, *Овищице*, *Торговище*, *Мытищи* и др. В болгарском и македонском языках, штокавском говоре сербско-хорватского языка *-иште*, в польском *-иско* (поэтому, как отметил Эд. Штибер¹², на территории лемков в западных Бескидах *-иско*, в восточных *-ище*). На тех территориях, где русские названия возникли в XVI—XVII вв., этот формант уже не образовывал топонимов и встречается только в топонимах от немногих готовых основ, уже имеющих этот формант, например с. *Городище* из нарицательного *городище* «место развалин укрепления».

Формант *-иша* вне топонимии преимущественно обозначал женщину по мужу (*Павлиша* — жена Павла, *купчиша* — жена купца), по занятию (*ткачиша*, *повариша*) или свойствам (*трусиха*), образовывал он и наименования растений, возможно, под влиянием наименований самок животных (*зайчиша*, *слониша*). В топонимии он означал принадлежность (*Иваниша*) или свойства (*Голодаиша*), чаще всего отрицательные: ни один другой формант не образовывал столько пейоративных топонимов, зачастую непристойных: по-видимому, *-иша* очень рано приобрело уничижительный оттенок (ср. *Салгычиша*, *Кабаниша*). Максимально ступень *-иша* (и названия населенных мест, и гидронимы) в Ивановском Поволжье — от Кинешмы и Юрьевца до Балахны и Горького. Там из каждых четырех населенных пунктов один называется на *-иша*. Много их в бассейне Сев. Двины и в бывшей Бежецкой пятине (но не в других новгородских землях!), особенно густой полосой они идут за Вятку и далее через Урал, по Сибири на Алтай и до Тихого океана. Редким пунктиром они расходятся по другим направлениям — в Среднее Поволжье, на запад до Латвии, вдоль Десны на Украину, но нигде не составляют заметной величины. На Клязьме названия с формантом *-иша* принадлежат в основном XIII—XVI вв., в горной части Алтая — XVII—XVIII вв., а в степной полосе Алтая продолжали возникать еще даже и в нашем столетии. Вне нашей страны топонимы на *-иша* нередки в восточной

¹² Zd. Stiebor. Toponomastyka Lemkowszczyzny, II. Łódź, 1949, стр. 104—105.

География суффиксов

У каждого форманта своей ареал распространения, свой очаг сгущения. Так *-ичи*¹⁶ господствуют в Боснии и на западе Сербии, в Польше; у нас они всего сильнее в Белоруссии и на соседних территориях (в украинском Полесье, в западных областях России). Формант *-овцы*, *-инцы* можно назвать «дунайским». Он обильно представлен в топонимии некоторых областей Болгарии, в Македонии, между нижними течениями Савы и Дравы, на севере Словении (Помурье), в Словакии. У нас все 1300 названий с этим формантом сосредоточены на Подолии и в смежных с ней областях. В Хмельницкой обл. им принадлежит 29% всех названий населенных мест. С Подолии они продвинулись на север в Вольну (единичные проникли в Белоруссию), а особенно широко на восток, даже в левобережье Днепра (в Полтавскую и даже Харьковскую обл.). Топонимы с *-ята*, если не считать рассеянных гнезд из двух-трех названий, размещены на немногих территориях; в Бойковщине на Карпатах (в основном Ивано-Франковская обл.)¹⁷, на северо-западе Белоруссии (обследованы В. П. Лемтюговой), в Залушье Ивановской обл. и особенно в ветлужско-вятско-камском Заволжье.

Пересекающиеся ареалы формантов и различия частотности формантов внутри ареала — все это создает на каждой территории свой неповторимый «спектр» формантов, свойственный только ей и одновременно сходный с территориями, разделявшими ее исторические судьбы. Ведь ареал форманта всегда отпечаток истории — он связан с определенной общностью населения определенной территории в определенное время.

Для примера сопоставим суффиксальные спектры названий населенных мест по разным зонам. Проследив по вертикали долю одного суффикса в разных зонах, получаем его топонимический ареал. А сопоставив данные по горизонтали, получаем спектр, характеризующий данный район. Чтобы устранить сомнения, районы приведены по-

¹⁶ St. Rospond. Południowo-słowiańskie nazwy miejscowe z sufiksem **-itj-*.

¹⁷ Им посвящены работы: І. Франко. Причинки до української ономастики. «Науковий збірник, присвячений проф. М. Грушевському». Львів, 1906; Л. Л. Гумедька. Ономастичний формант *-ят-* в українській мові. «Слов'янське мовознавство», IV. Київ, 1962.

части Польши. Вопреки моему предположению о заносе их туда русскими старообрядцами, бежавшими от религиозных притеснений, П. Смочинский (Люблин) отстаивает исконность там этих названий и общеславянское происхождение форманта *-иха*¹³; к сожалению, он берет их суммарно со словами на *-аха*, *-уха*, не дифференцируя их исторических судеб. Только некоторые намеки есть на следы *-иха* в старых славянских землях Германии и Австрии.

Среди формантов, образующих многочисленные славянские топонимы, сначала означавшие не место, а жителей, преобладают *-ичи*, *-овцы* (*-инцы*), *-ики*, *-ане* (*-аны*), *-ята*. Возник этот тип как патронимичный (ср. отчества на *-ич*). Но, как убедительно показал В. Тапицкий, напрасно связывать все образованные ими топонимы непременно с патронимичностью¹⁴. Наряду с патронимичностью в широком смысле (обозначение не только и не столько потомков, сколько зависимых¹⁵, — т. е. уже не родоплеменные общины, а раннефеодальные образования) такие названия в массе обозначали обитателей по территориальному признаку: например, наименование древнерусских племен *дреговичи* от *дрегва* «болото», *древляне*, вероятно и *поляне*. Топонимически нет необходимости отделять *Осиповичи*, *Марковицы*, *Степанята* от *Подгоричи*, *Езеряне*, *Озерята*. Иначе обстоит дело с *-ики* (*-ники*), *-ари*, отчасти *-овцы* (*-инцы*) и некоторыми другими формантами, образующими *nomina agentis* (имена деятелей: *Садовники*, *Пушкари*), обозначая занятия жителей, в позднем средневековье селившихся слободами. Однако, например в России XIX в. пушкарями звали не только артиллеристов, а и крепостных, принадлежавших дворянам Пушкаревым, — с такими возможными значениями тоже приходится считаться топонимисту. Наконец, некоторые топонимы на *-ники* вообще не были обозначениями жителей: совпали два разных форманта, один из которых образовывал имена деятелей (*Ведерники*, *Огородники*), другой служил средством обозначать место, поросшее определенной растительностью (*Березники*).

¹³ P. Smoczyński. Słowiańskie imiona pospolite i własne z podstawowym *-ch-* w części sufiksальной. Łódź, 1963.

¹⁴ W. Taszycki. Rzekomo patronimiczne nazwy miejscowe. «Język polski», 1936, № 1; перепечатано в его «Rozprawy i studia polonistyczne» (Wrocław — Kraków, 1958).

¹⁵ *Бискупичи* — не «потомки епископа» (польск. *biskup*), а «зависимые от епископа» или даже «принадлежащие ему».

Таблица 2

Суффиксы названий населенных мест (в %)

Область, район	-ов	-ин	-ка	-ск	-ичи	-иха	-ята
Иваповская (западная часть)							
Аньковский	49,2	18,4	6,9	3,9	—	3,9	—
Ильинский	45,3	16,6	9,5	6,2	—	4,1	—
Ивановская (Приволжье)							
Кипешемский	30,0	18,8	5,2	8,3	—	16,2	—
Юрьеvecкий	34,1	18,6	6,1	5,9	—	16,0	—
Ивановская (Залушье)							
В.-Ландехский	35,5	22,5	4,5	5,0	—	4,5	7,5
Пестяковский	35,8	23,9	6,5	4,9	—	3,7	6,9
Владимирская (западная часть)							
Покровский	49,2	20,0	3,1	—	—	—	—
Киржачский	45,5	22,7	3,0	7,6	—	—	—
Владимирская (Приозье)							
Муромский	48,3	12,7	10,3	4,6	—	2,3	—
Ляховский	35,1	17,5	10,5	10,5	—	—	—
Тульская (Верхняя Ока)							
Чекалинский	20,0	10,0	16,7	13,3	2,2	—	—
Дубенский	26,0	16,3	19,4	13,8	0,8	—	—
Тульская (юго-вост. часть)							
Епифанский	15,5	8,8	38,7	6,1	—	—	—
Куркинский	13,5	4,5	36,5	16,8	—	—	—
Пензенская							
Терновский	1,9	7,4	64,8	3,7	—	—	—
Кондольский	4,0	8,0	65,3	1,3	—	—	—
Краснодарский край							
Тихорецкий	8,6	—	3,5	32,9	—	—	—
Павловский	4,6	2,6	2,3	38,6	—	—	—

парно — тесное сходство соседей исключает случайность. Подсчеты выполнены по справочникам 1956—1962 гг.

Главная межа, проходящая приблизительно по линии Брянск — Тула — Арзамас (см. карту), отделяет север-

ную половину с абсолютным преобладанием *-ов-*, *-ин-* от зоны, где господствует *-ка*. Это граница Московского государства XVI в. Еще южнее, где массовое распространение русских названий более позднее, сходит на нет и *-ка*.

Без понимания географического распространения явлений слеп и беспомощен пытающийся рассмотреть топонимию ограниченной территории. Он лишен перспективы. Только сопоставление различных территорий указывает направление движения, а иногда и время. Если в области 10% названий образованы таким-то суффиксом, — много это или мало? В сравнении с другими областями этот показатель сразу становится красноречивым и ярким. Больше того. Чтобы охарактеризовать топонимию изучаемой территории, может быть, всего показательней то, чего там нет. Если рядом бесчисленны названия на *-иха*, а на изучаемой территории они отсутствуют, значит тут пролегла какая-то историческая граница, разделившая население двух смежных территорий.

В северном Заволжье районы Галича, Солигалича, Буя, Чухломы представляют «зону недоступности» для названий с формантом *-иха*, тогда как вокруг со всех сторон несколько тысяч таких названий (та же территория — «акающий остров» в море сплошного оканья).

Очень поучительно детальной познакомиться с «пограничной» полосой на стыке этих зон. Возьмем, например, названия населенных мест Тульской обл. (1956 г.) — табл. 3.

Таблица 3

Район	Всего суффиксов	Суффиксы	
		-ов, -ин	-ка
Северные районы (Алексинский, Заокский, Ивановский, Шкирятовский, Мордвесский) . . .	738	400	112
Средняя полоса (Веневский, Тульский, Косогорский, Крапивенский, Щекинский, Плавский)	742	217	155
Юго-восток (Октябрьский, Воловский, Ефремовский, Каменский, Сафоновский, Куркинский) . .	748	136	257

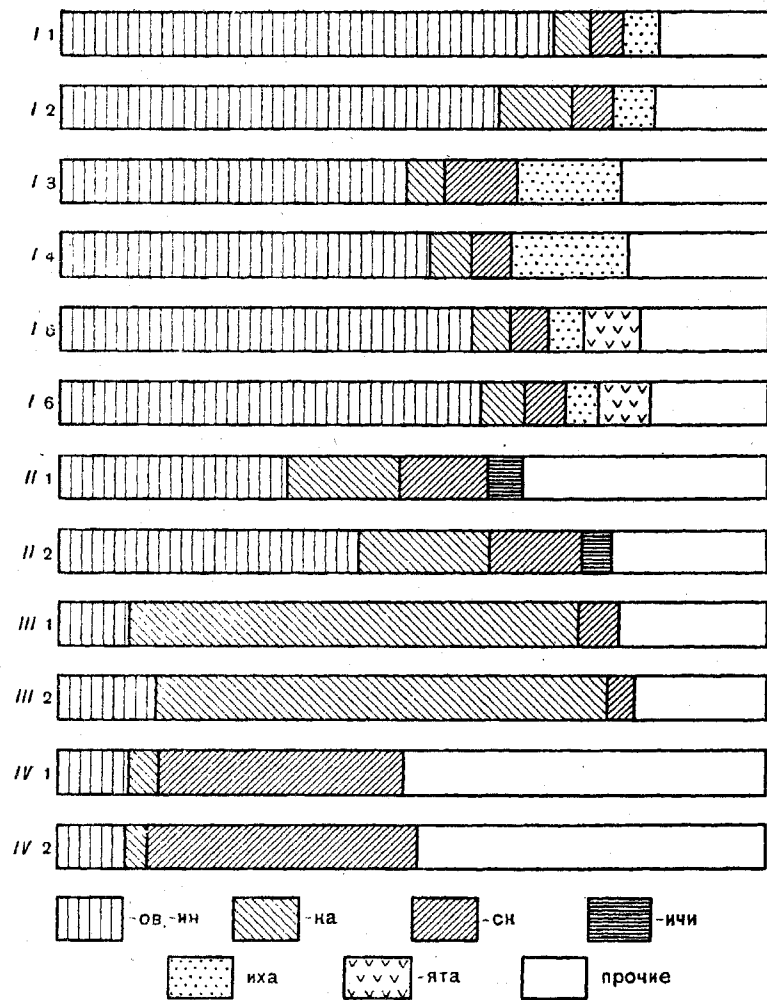

Рис. 3. Спектры суффиксов названий населенных пунктов

I — Ивановская обл.: 1 — Аньковский р-н, 2 — Ильинский р-н, 3 — Ки-
 нешевский р-н, 4 — Юрьевский р-н, 5 — Ландехский р-н, 6 — Пестяковский
 р-н; II — Тульская обл.: 1 — Чекалинский р-н, 2 — Белевский р-н; III — Пен-
 венская обл.: 1 — Терновский р-н, 2 — Кондольский р-н; IV — Краснодарский
 край: 1 — Тихорецкий р-н, 2 — Павловский р-н

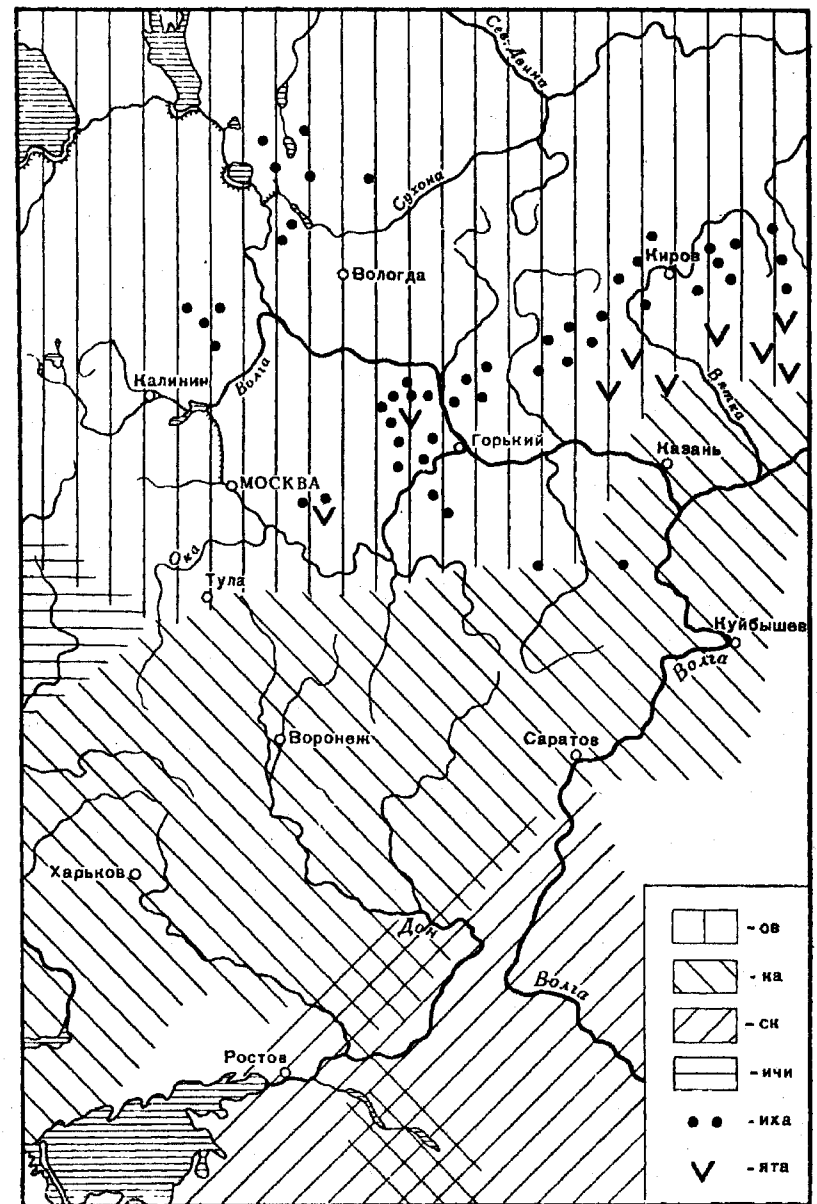

Рис. 4. Зоны преобладания различных суффиксов в названиях населенных мест

От выборочных сопоставлений можно перейти к сплошным. Лучше всего взять Украинскую ССР, по всем областям которой опубликованы списки населенных мест (см. табл. 4). Строги линии частот *-ка*, *-івка*, отчетлива география каждого суффикса: *-ичі* в Полесье, *-щина* на северо-востоке, *-вці* в Подолии, *-оват-* в степной полосе (см. карту).

Это — разные волны заселения, и по времени, и по своим истокам.

Как и в примере с Тульской обл., рассмотрим часть переходной полосы. Возьмем, например, Житомирскую обл.

Таблица 4

Суффиксы названий населенных мест Украинской ССР (в %)

Области	-ка -івка	-ів	-івці -шці	-ичі	-щина	-оват- -уват	-ськ	-ня	-ць
Закарпатская	8,7	2,7	6,8	0,4	0,2	—	2,3	1,0	3,9
Львовская	9,4	11,4	3,3	8,0	0,4	0,1	4,4	1,1	2,8
Ивано-Франковская	14,0	14,2	6,7	0,6	0,2	—	4,0	0,9	3,1
Волинская	13,1	10,2	1,9	7,5	0,5	—	5,8	0,3	1,5
Ровенская	14,4	8,7	2,3	3,2	1,2	—	4,9	1,0	1,6
Житомирская	34,3	3,7	3,0	3,0	1,5	—	4,6	2,9	1,5
Тернопольская	19,7	11,2	18,0	0,3	0,7	—	2,6	0,5	3,2
Черновицкая	16,5	5,3	21,6	0,5	—	0,2	1,9	—	3,8
Хмельницкая	26,5	4,2	29,1	0,7	0,3	0,1	4,4	0,7	1,4
Винницкая	36,1	5,0	10,8	0,1	0,3	0,2	6,4	0,8	1,5
Киевская	32,5	4,9	3,1	2,8	1,9	0,2	5,9	1,5	0,7
Черниговская	28,3	5,7	2,1	2,2	2,4	0,1	5,9	1,8	1,1
Сумская	26,8	1,3	0,8	0,6	3,5	0,3	4,4	0,7	0,6
Полтавская	36,0	0,9	3,1	0,4	5,0	0,2	3,3	0,2	0,3
Харьковская	41,0	1,4	0,5	0,1	0,5	0,7	7,5	0,1	0,3
Черкасская	43,9	2,9	4,6	0,1	1,0	1,5	4,7	0,6	2,1
Кировоградская	54,0	1,5	0,4	0,1	—	2,7	4,3	0,1	0,3
Днепропетровская	40,5	0,2	0,3	—	0,6	2,3	12,3	—	0,7
Запорожская	41,7	0,2	—	—	—	1,2	14,8	—	0,1
Одесская	45,0	0,8	0,7	—	—	0,3	6,3	0,1	0,2
Николаевская	47,3	1,0	0,4	0,2	—	0,7	8,9	0,2	0,4
Херсонская	44,8	0,1	—	—	—	—	10,4	—	—
Донецкая	34,5	0,2	0,1	0,1	—	0,5	14,3	0,1	0,1
Луганская	39,8	—	—	—	—	1,0	10,2	—	—

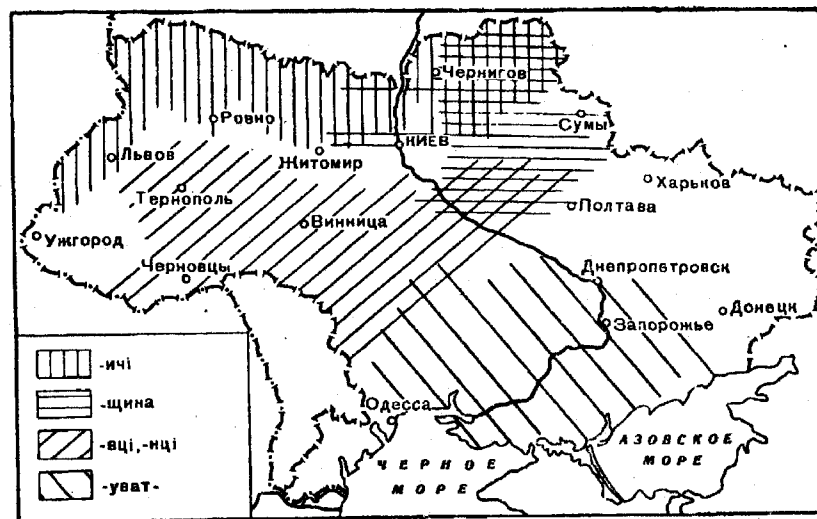

Рис. 5. Топонимические зоны Украины

Распространение суффиксов названий населенных пунктов

с ее «борьбой» *-ичі* и *-вці*, представлявших две разные волны расселения:

	Всего названий насел. пунктов	-ичі	-вці, -нці
Северная половина области	991	46	8
Южная » »	741	5	44

Суффикс в топонимии — своего рода «меченый атом», позволяющий проследить передвижения народных масс. Трудней с датировкой. Ведь некоторые форманты сохраняли активность на протяжении всего нашего тысячелетия (однако их продуктивность не оставалась неизменной). Другие же связаны с определенными периодами (хотя и не всегда одновременны по всей территории страны). Поэтому они могут служить стратиграфии, определению топонимических пластов и их возраста. Стратиграфию славянской топонимии начали изучать только в последние годы — исследования Ст. Роспонда (Польша), И. Кнежа (Венгрия), Фр. Безлая (Словения), а по восточнославянской топонимии таких работ почти нет. Топонимике еще предстоит учиться этому у таких различных наук, как история социально-экономических формаций, геология,

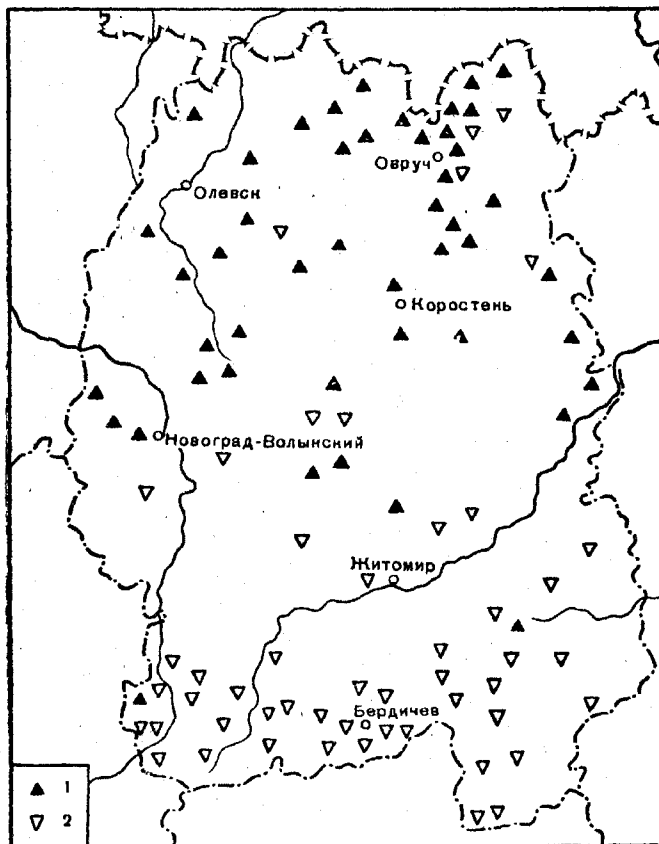

Рис. 6. «Борьба суффиксов» в названиях населенных мест Житомирской обл.

1 — названия на -ичі; 2 — названия на -овці, -иці

археология, каждая из которых своим методом разработала стратиграфическую схему и установила надежные вехи. В качестве хронологических ориентиров топонимики лучше всего использовать форманты. Конечно, датировка по ним будет только широкой (редко с точностью до столетия), относящейся не к отдельному названию, а к пласту их, в большинстве случаев не абсолютной, а относительной, т. е. не приурочивающей к дате, а устанавливающей последовательность пластов. Это немало.

Приставки и предлоги

Славянская топонимия нового времени несравнимо реже пользуется префиксами (приставками), чем суффиксами. Это понятно. Префиксы всего активней участвуют в глагольном словообразовании славянских языков, а не в именном, где они не нашли широкого применения (в противоположность, например, языкам банту).

Очень трудно, если вообще возможно, отличить, образован ли топоним префиксацией или видимый в нем префикс принадлежит самой основе. Не говоря уж о названии г. *Загорск*, в память тов. В. М. Загорского (секретарь Московского комитета партии, погибший в 1919 г.), также не префиксальны топонимы *Безводное*, *Приволжье* — они образованы из прилагательных уже с наличными приставками. Нет префикса и в топонимах *Перевесье*, *Переволочка* — в них префикс также заключен в самой основе: *перевес* «большая сеть для ловли птиц», *переволочка* «сухопутный отрезок пути, на котором перетаскивали ладьи». Но как решать — префиксальны ли названия *Приволжское*, *Подгорное*, *Заречье* или такое парадоксальное, как озеро *Заозерное*? Едва ли сейчас осуществим анализ их образова-

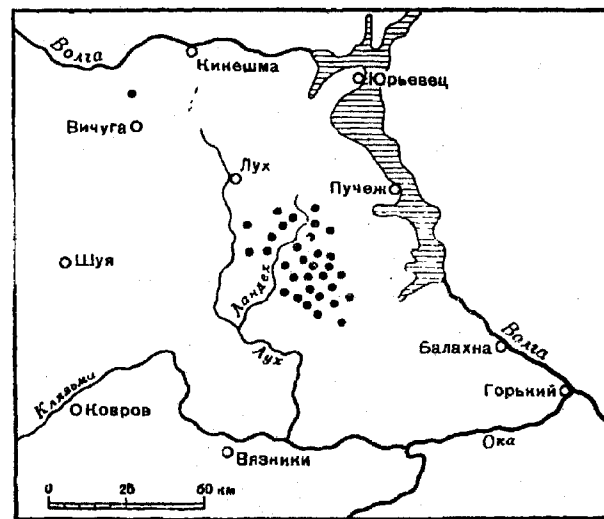

Рис. 7. Топонимический «остров» в Залузье
Названия населенных пунктов с формантом -лта в Ивановской обл.

ния, восстанавливающий сам момент возникновения: произошло ли превращение нарицательного *приволжское* в собственное имя *Приволжское* или топоним сформировался как *при-волжское*? Видимо, придется принимать такие топонимы как данные, независимо от того, в каком порядке складывались их элементы. Конечно, это обедняет анализ. Исследователи, может быть, задумаются, как преодолеть эту трудность или, по крайней мере, амортизовать ее насколько возможно.

Раньше префиксация в славянской топонимии была гораздо продуктивней. И это, по-видимому, особенность не топонимии, а славянских языков: топонимия отразила более раннее состояние их, когда размежевание словообразования на именное — суффиксальное и глагольное — префиксальное еще не достигало такой резкости, как ныне (хотя и теперь оно не абсолютно).

Префикс в русской топонимии чаще выступает в сотрудничестве с суффиксом. Формы таких существительных сочетают префикс с суффиксом *-ье*, означая территорию (по своему происхождению в языке они развились из имен собирательных, как *зверье*): *Заречье*, *Поволжье*, *Подмосковье*. Таковы и формы прилагательных: *Подгорное*, *Задонск*.

Топонимы в форме косвенного падежа существительного, обозначающего географическое нарицательное, с пространственным предлогом сейчас очень редки в славянской топонимии. На топонимической карте Балкан VI в. В. И. Георгиев истолковал многие топонимы так: *В лесу*, *В лядине*, *К грабцу* и т. д.; хотя это еще нуждается в доказательствах, но и другие данные подтверждают былую употребительность этого типа. Микротопонимы ближе к нарицательным и среди них такие образования бесчисленны: *Под горой*, *За оврагом*, *На прудах*, *У мельницы*. Такие микротопонимы обильны в польском языке — *za młynem* «за мельницей», в чешском — *U rybníku* «у пруда» и в других славянских языках. Если такой микротопоним становится собственным топонимом, он только в редких случаях сохраняет эту форму, обычно же сливается в одно слово — *Заболотное* или *Заболотье*.

Но есть и префиксно-бессуффиксные топонимы. Их долго не замечали и только, наконец, польский топонимист Мечислав Карась собрал и описал их на польском и чешском материале, считая их преимущественно западнославянскими,

как модель *Podgóra, Zalas*¹⁸. Резонанс его открытия оказался неожиданным: топонимы этой модели нашлись в самых различных славянских землях — у лужичан, болгар, русских¹⁹. У нас топонимы *Застеп*, *Подроща* и т. п. (префикс при именительном падеже основы) найдены не только в западных и Окских областях, где можно предположить польское влияние, но и на Среднем Поволжье, на Севере, в Приуралье (пермские деревни *Загора*, *Заболого*), в Тюменском Пообье (*Засогра*, *Заполой* — *согра* «болотистый берег реки, поросший лесом», *полой* «заливное место, пойма, луга»); теперь их находят и в Сибири, даже нового происхождения. Стало ясно, что это — общая славянским языкам топонимическая модель, распространявшаяся у нас через территории старого заселения (через Север и Урал в Сибирь), даже еще не утратившая продуктивности (ср. *заграница*, *подотдел*). Характерно, насколько целостны эти топонимы. На всем пространстве славянского мира лишь единичные из них употребляются раздельно. Слияние заходит так далеко, что деформирует основу: среди многих микротопонимов, записанных В. И. Тагуновой близ Муромы, — *Зазеро* (т. е. «за озеро»); говорят «идем в Зазеро», «косили в Зазере», — исходное предложное сочетание окончательно превратилось в нераздельное существительное.

Предлоги и префиксы, как и суффиксы, могут служить признаком, позволяющим проследить маршруты расселения, а иногда и хронологию. Префикс *на-* в топонимии России распространялся от Западной Двины и переключается с балтийскими языками (в Литве оз. *Плаве*, на нем с. *Паплавис*).

Для истории чрезвычайно существенна приставка *за-* в топонимах. Название *Замоскворечье* прямо указывает, с какой стороны оно дано, — с кремлевского берега, из центра. Так и названия *Заволжье*, *Задонье*, *Зауралье* (как и аналогичные им иноязычные: *Трансильвания* лат. «залесье», *Трансвааль* «за р. Вааль») зафиксировали направ-

¹⁸ М. Karas. Nazwy miejscowe typu *Podgóra, Zalas* w języku polskim i w innych językach słowiańskich. Wrocław, 1955.

¹⁹ W. Sperber. Typ *Podgóra, Zalas* w górnośląskich nazwach terenowych. «Poradnik Językowy», 1957, № 5, стр. 222—227; И. Дурданов. Префиксально-именный тип в болгарских и неговото значение за топонимичната стратиграфия. «Onomastica», 1960, VI, стр. 121—186; В. А. Никонов. Русские префиксно-бессуффиксные названия. «Onomastica», 1961, VII, стр. 191—194.

ление исторического движения — каждое из них означало сторону, противоположную центру. В малом масштабе то же самое демонстрирует микропонимия: *Зарече, За болото, Залес* и проч. позволяют установить тот противоположный пункт, с которого они названы (хотя бы ныне там не осталось и следа поселения). Чтобы предостеречь от возможных ошибок, нелишне предупредить, что в русских документах, например, XIV—XVII вв., знали и особое значение *за-*, которое могло образоваться и в топонимии, так что исследователю надо учитывать такую возможность: из значенья «сзади», «за кем» развилось значенье «под чьей защитой» с дальнейшим развитием «в зависимости от кого». Так, северо-двинская земля заявляла о желании выйти из-под власти Новгорода и задаться за великого князя Московского; термин *Замосковные* уезды был официальным не в значении «по противоположную сторону Москвы» — он означал «принадлежавшие Москве», ср. бытовое «выйти замуж».

Пространственное значение префикса *при-* в топонимии узко по сравнению с его внетопонимическим значением. Топонимически он обычно означает не вообще «вблизи, около», а «до, по эту сторону» — *Приуралье, Прикарпатье* в противоположность *Зауралью, Закарпатью*, хотя может и не содержать такого ограничения. Редко употребляется более книжное *пред-* с тем же значением (*Предкавказье*). Им соответствует немецкое *vor* (*Форарльберг* «пред-Арльберг» — название западной провинции Австрии в Тироле возле перевала Арльберг). Шире пространственное значение топонимических префиксов *под-*, обозначавшего территорию «вокруг» (*Подмосковье*), *по-* «по обе стороны» (*Поволжье*).

Топонимия доносит до нас древнерусские префиксальные формы, давно потерявшие продуктивность и теперь не всегда ясные. Для *о, об* наиболее вероятны восстанавливаемые значения «вокруг, по обе стороны». Префикс *су-* выражал соединение (современное *с, со*), вне топонимии сохранился в словах *супруг, суглинок, суголока* и еще немногих, шире — в диалектах (*супротив, суводь, суземь* и пр.). В гидронимии он представлен многократно, особенно в Верхнем Поднепровье (*Сукремля, Сукремна, Сукромна, Супруга, Суточка* и др.) и на окружающих территориях. На западе его ареал проходит через Белоруссию и часть Польши (*Супрасль*), а может быть, и другие славян-

ские земли, — никто этого не исследовал. На востоке он заходит в Подмосковье (писцовая книга XVI в. упоминала р. *Супругку* близ Истры), охватывает верхнее Поочье, в Тульской обл. также есть *Сукромна* и *Супругы*.

Анализ префиксальных топонимов может помочь реконструировать историческую систему префиксов и предлогов.

В том же ряду, по-видимому, можно рассматривать древние гидронимы с *не-*. Они максимально сгущены в бассейнах Верхнего Днепра и Верхней Оки. Почти каждому гидрониму *Не-* находится пара без *не-*, даже если не выходить из бассейна Верхнего Днепра: в бассейне Десны — р. *Неварь* и р. *Варя*; р. *Нежерева* в бассейне Сулы, р. *Жерев* в бассейне Припяти и р. *Жерев* в бассейне Тетерева; р. *Нежевел* в бассейне Сожа, р. *Жевелиха* в бассейне Десны; р. *Незебря* у истоков Днепра, р. *Зебря* в бассейне Десны; р. *Неначь* и р. *Нача* — обе в бассейне Припяти; р. *Немолодва* и р. *Молодовая* — обе в бассейне Десны; р. *Недельна* и р. *Дельна* — обе в бассейне Припяти и мн. др. Еще больше окажется таких пар, если к сопоставлению привлечь бассейны, смежные с днепровским, особенно Верхнюю Оку. Вне топонимии такие архаичные образования, как *нечисть, несеть*, в диалектах *неклен* (в других говорах *паклен*), в украинских говорах *несын* «пасынок» и мн. др., указывают на древнюю продуктивность имен с отрицанием²⁰. В Чехии В. Шмилауэр²¹ заметил названия с *не-*.

По-видимому, сравнительно позднего происхождения в славянской топонимии развернутая конструкция «номинатив + предлог + косвенный падеж»: *Брод на Сугли, Дуб над Моравой*. Эта модель, документированная с XIII в., часта только на западной границе славянского мира, что побуждает предположить ее заимствованность. Таких названий населенных мест больше всего в Словении — 646, в соседней Хорватии их 39 (почти все — в западных районах), в Чехии — 202 (по I—IV томам словаря А. Профуса), в Моравии и Словакии их было 137 (1927 г.), отсюда они пришли и в Закарпатскую Украину; восточней же встречаются очень редко. В России эта модель употребля-

²⁰ В. А. Николов [Рец.] «Известия АН СССР». Серия географическая, 1963. № 6, стр. 125.

²¹ V. Smilauer. Die Ortsnamen mit *Ne-* in Böhmen. «Leipziger Abhandlungen zur Namenforschung und Siedlungsgeschichte», 1964, II, стр. 355—357.

лась для обозначения церквей (*Спас на Куличках, Никола в Огородниках*), в названиях населенных пунктов единична и поздняя (*Ростов-на Дону*, в наше время *Комсомольск-на-Амуре*). Возможно, названия по этой модели получат и у нас дальнейшее распространение.

Составные названия

К составным топонимам отнесем состоящие из двух или нескольких основ. Тут прежде всего возникают неразрешенные вопросы, однозначного решения которых не удастся достичь немедленно. Может быть, еще не одна попытка потребуется для этого, но тем нужней привлечь к ним внимание.

Рассматривать ли слитные двусосновные топонимы (*Новгород, Красноярск*) и топонимы-словосочетания (*Старый Оскол, Красный Октябрь*) вместе или порознь? По сути те и другие повторяют друг друга: *Белгород* и *Белый Город*. Слитность или раздельность подчас различна лишь в написании и зависит от переменчивых капризов орфографии, не всегда разумной. Канцелярский произвол решает, быть ли населенному пункту *Новой Каховкой, Ново-Каховкой* или *Новокаховкой*. Однако это не одно и то же. Вся парадигма склонения различна — в словосочетании склоняются оба слова, в слитном цельноформленном слове первый компонент не склоняется.

Еще в XVI в. названия *Новгород, Белгород* склонялись в обоих компонентах: *Новугороду, Новѣгородѣ*, даже *подѣ Бѣлымъ городомъ, подѣ городомъ подѣ Бѣломъ*. Приведем эти примеры, Б. Г. Унбегаун²² считает дальнейшую эволюцию к современной цельноформленности общей тенденцией русской топонимии, но недавней. Действительно, в первой половине прошлого столетия «Русская грамматика» А. Х. Востокова еще требовала склонять названия *Новгород, Царьгород, Белоозеро* в обоих компонентах. Первоначально *Соли Вычегодские*, из этого *Сольвычегодск*, аналогичны *Соли Галицкие* → *Солигалич, Соли Камские* → *Соликамск*. Многочисленны примеры агглютинации компонента *Усть-* («устье»): *Устюг*, в памятниках еще описательное обозначение места — *усть Юга реки*.

²² В. Унбегаун. La langue russe au XVI-e siècle. Paris, 1935, стр. 341—343.

Все-таки удобней и целесообразней здесь структуру обеих форм рассматривать параллельно, чтобы выяснить взаимное соотношение компонентов, в основном однородное и в слитных формах и в словосочетаниях. Это не стирает различия между ними.

Чтобы разобраться в составных топонимах, прежде всего надо отвести мнимосоставные, каких немало. Обманчива кажущаяся двусосновность топонимов *Благодатное, Благовещенск, Богородицк* и т. п., — каждый образован не из двух основ, а из одной (*благодать, благовещенье, богородица*). Это обычный суффиксальный топоним. Двусосновен не он, а его основа (*благодать*). Но для топонимии это безразлично, она имеет дело с готовой основой, этимологией которой заниматься не может. Так, названия г. *Красноармейск, г. Первомайск, г. Железнодорожный, с. Суходол* образованы из наличных в языке слов *красноармейский, первомайский, железнодорожный, суходол*. Тут даже суффиксов топонимических нет. Топонимика имеет дело только с этими прямыми основами и не вправе различать в них числительное или суффикс и т. п., как не может заниматься этимологией словосочетания *железная дорога* (г. *Железнодорожный* ← нарицательное прилагательное *железнодорожный* ← словосочетание *железная дорога* ← ...).

Но если так, то логически нельзя считать составными и топонимы р. *Св. Лаврентия, пос. Лев Толстой, пос. Первое мая*, болгарские города *Цар Асен, Генерал Гошево* и мн. др. Ведь у каждого из этих названий не две основы, а одна нерасчлененная (например, *первое мая*). И все же трудно примириться, что эти названия не составные. Их двусоставность — не орфографическая иллюзия. Они в речи ведут себя иначе.

Еще одно противоречие. В топонимах бесспорно составных — которому компоненту отдавать предпочтение, например, при классификации по значениям? Этот вопрос задавал П. Зволинский: «Рассматривать ли в целом или брать один из членов, наконец, что наихудше, классифицировать дважды в двух разных группах. Вопрос достаточно трудный, тем не менее требующий окончательного решения»²³. В специальной статье о польских составных названиях В. Тапицкий, возражая, настаивает: «Чтобы не

²³ «Sprawozdania Polskiej Akademii Umiejętności», 1950, t. 51, стр. 496.

утерять ничего из сохраняющихся в них свидетельств языкового и внеязыкового прошлого, мы должны с равным вниманием отнестись как к первому, так и ко второму членам. Необходимо дважды классифицировать, отдельно засчитывая член различительный и отдельно член отождествительный»²⁴. Именно вескость обоих мнений, по-видимому, заставляет выделить эти названия и рассматривать их в целом, со вниманием к каждому компоненту в отдельности и, главное, к их соотношению.

Все эти трудности еще ждут серьезной научной разработки.

Среди составных названий надо выделить особую, хотя и не слишком частую модель: соединение равноправных основ, так сказать, на паритетных началах. Эти топонимы образованы слиянием названий слившихся объектов: *Будапешт* (объединенные в XIX в. города *Буда* на правом берегу Дуная и *Пешт* на левом), *Орехово-Зуево* (из слившихся фабричных сел) и др. Иногда при этом сливаемые названия объединены с помощью соединительной гласной, могущей заместить и окончание первого из них: г. *Анжеро-Судженск*, существовавшее до 1918 г. государство *Австро-Венгрия*.

Преобладает определительная модель составных топонимов, в которых один компонент (определяемое) — означает вид объекта, другой (определение) — признак объекта: *Белоозеро*, *Новгород*, *Зеленый Гай*, *Советская гавань* и т. д. Нет оснований отделять от них названия, в которых определение выражено порядковым числительным — *Третья Речка*, *Пятая Линия* и т. д. Осложнения при передаче таких названий на другой язык выявили резкое различие. Одно дело, если определяемое означает вид называемого объекта: г. *Новгород*, с. *Новое Село*. В этом случае при раздельном написании можно колебаться, считать ли определяемое частью названия или нарицательным, а за собственное принять только определение. Другое дело, если определяемое указывает на иной вид объекта, чем обозначаемый объект: город *Белоозеро*, село *Красная Река*, город *Белая Церковь*. Тут не может быть сомнений, что оба компонента составляют имя собственное.

От определительных конструкций с определяемым,

²⁴ W. Taszycki. Złożone nazwy miejscowe w języku polskim. «Slavia», Praha, 1960, № 1, стр. 52—54.

означающим вид объекта, обязательно отличать определительные конструкции иного характера, в которых определяемым служит топоним: *Старый Оскол*, *Нижний Тагил*, *Новая Каховка*. Тожественные грамматически, они совершенно различны по своему словообразованию, а оно-то и составляет суть анализа топонимической формы. Названия с. *Большая Река* и с. *Большая Ивановка* несоотносимы; соотношение их компонентов можно представить так:

село	—	Большая Река
село	Большая	Ивановка

— «одинаковые» определения не соответствуют друг другу. Различно их место в системе. Топониму *Большая Река* противопоставлен топоним *Малая Река*. Совсем не одно и то же *Новоульяновск* и *Новосибирск* при их кажущемся параллелизме. Промышленный поселок *Новоульяновск* находится вблизи г. *Ульяновска*, по которому и назван (процесс аналогичен с *Новый Оскол*, *Большая Ивановка*, *Нижний Тагил*). А никакого «Сибирска» нет и не было, *Ново-Новосибирск* относится к *Сибирь* в предполагаемом сочетании *Новая Сибирь*. Это два разных процесса образования топонима.

Разветвление собственной части (*Ивановка* → *Большая Ивановка*), продолжаясь, может создавать такие затруднительные положения, как с топонимом *Ново-Дикая Рамень*. Конечно, в таком виде ступени деления извращены: *Ново-* должно относиться не к *Дикая* (получается «новая дикость»), а к топониму *Дикая Рамень*, как к целому. В Ульяновском Заволжье список населенных мест 1928 г. указывал деревни *Средне-правая Чесноковка* и *Правая верхняя русская Чесноковка*.

В определительных конструкциях с определяемым-топонимом (*Большая Ивановка*) возникает знаменательный парадокс, показанный Генриком Улашиным на примере пары *Великопольша* — *Малопольша*²⁵. Которое название старше: *Старый Оскол* или *Новый Оскол*? Допустить, что *Старый Оскол* старше, — значит, разделить участь поверившего в подлинность монеты с датой «75 лет до Р. Х.». Только после того, как возник *Новый Оскол*, прежний просто *Оскол* становится *Старым*. Так, *Ближний Восток*, *Большая*

²⁵ H. Ułaszyn. Znaczenie nazw Wielkopolska, Małopolska. Łódź, 1950.

шая Ивановка возможны только после появления названий *Дальний Восток*, *Малая Ивановка*.

В славянских языках определение как правило предшествует определяемому (находится в препозиции). Однако нередки случаи противоположного порядка слов. Здесь не место выяснять причины этого²⁶. Постпозиция определения отразилась в топонимах *Волоколамск* (из *Волок Ламский*), *Ростов Великий*, *Новгород-Северский*, в «телеграфном языке» *Куйбышев-Волжский*.

Во многих топонимах определение постпозиционно, так как добавлено позже, — для различения одинаковых названий: *Владимир Волинский*, *Белгород Днестровский*, *Могилев Подольский*. Тесные связи всех уголков страны требовали такого различия. Позиция после основного названия как бы выражает добавочность.

Особую группу составляют образования с количественными числительными, требующими при себе существительного в родительном падеже: посёлок *Три озера* или метафорические по значениям утёсы *Два Брата*, скалы *Кыркыз* (кирг. «40 девушек») и т. п.

Определительны и конструкции слитных топонимов, означавших первоначально жителей, а не место: села *Кривожиинци*, *Белокоровичи*, *Мокроусы*, *Мокропсы*, *Кривоносы*, *Голохвосты* и проч.

Другие конструкции гораздо реже определительных. Из них нужно отметить объектно-отглагольную: *Конотоп*, *Конотопы* (неоднократны на Украине, в Чехии); в той же форме очень часты названия населённых пунктов, сначала означавшие жителей, как прозвища, преимущественно оскорбительные, данные соседями — *Лукоеды*, *Жабоеды*, *Козоглоды*, *Раколупы* и проч., но также и по занятиям — *Кладорубы* (т. е. дровосеки), *Дымокуры* (по производству дегтя), *Сыровары*. Строение этих названий: существительное в косвенном падеже (объект действия) и отглагольное имя деятелей. Полоса максимума этой формы охватывает Чехословакию, Польшу, Украину.

Есть в славянской топонимии конструкция, многими замеченная, но остающаяся загадочной, — императивная

²⁶ Некоторые данные и соображения высказаны в исследованиях: С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.—Л., 1946; В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот, I. Львов, 1949, стр. 261—270. Книга С. П. Обнорского была переиздана в URSS в 2010 г. под названием «Русский литературный язык старшей поры».

(повелительное наклонение): *Звенигород*, *Гуляй-поле*. Таких названий всего, по-видимому, не больше сотни, но они очень своеобразны и уходят корнями еще к временам славянской общности (как модель, а не отдельные названия, конечно). Кроме подмосковного *Звенигорода* есть несколько его тезок на Украине, был *Звенигород* и в Польше XI в.; объясняют это название как обозначение укрепления, где колокол возвещал о приближении неприятеля. На Украине, кроме двух *Гуляй-поле*, есть *Гуляй-городок* и *Гуляй-балка*, *Копай-город*, *Стремгород*, был *Деригород*, с. *Урвиживот* и др., в Польше — *Жмигруд*, было с. *Урвижвост* и др. Исключительность этой формы в нашей топонимии, не терпящей глаголов, настораживает. Как и почему из императива смогли возникать топонимы и что они означали? Может быть, они выражали пожелания, заклинанья? Но тогда почему *Копай-город*, *Деригород*? Еще менее оправданы с. *Залейвода* в Харьковской обл., г. *Згориград* в Болгарии. Вероятней предположить, что императив каким-то образом выполнял тут функцию определения, но этому препятствуют поздние образования XIX в. и современные: мыс *Берегись*, скала *Пронеси господи*, тульская деревня *Кинь грусть*, посёлок *Стучи машина*. В отдельных случаях возможны переосмысления; так, Я. Станислав отводит из этой группы словацкие и сербские топонимы *Небойса*²⁷, но как быть с остальными? Ведь ту же форму имели и личные прозвища: *Убей-Кобыла*, *Умойся грязью* и т. п. Есть императивные формы в микротопонимии Германии²⁸.

Отношения форм и значений

Все сказанное в этом разделе приводит к принципиальным выводам.

Уже на примере суффиксов отчетливо видно, как то или иное словообразовательное средство, сначала выражавшее вполне отчетливое значение, постепенно начинает обслуживать более широкий круг значений и формализуется, превращается в чисто служебный элемент. Чтобы процесс стал ясен лингвисту, наилучший простой пример:

²⁷ J. Stanislav. Slovenský Juh v stredoveku, II. Turč. Martin, 1948, стр. 358.

²⁸ H. Strunk. Imperative als niederdeutsche Flurnamen. «Zeitschrift für Ortsnamenforschung», 1932, VIII, стр. 120—131.

безусловно, некогда грамматический род отражал реальные различия (пол или одушевленность и т. д.). Но какой смысл теперь в том, что слово *потолок* мужского рода, *стена* — женского, *окно* — среднего? Это только грамматические различия, не соответствующие никаким различиям реальным. Подобно этому *-ка* в названиях рек *Казанка*, *Каменка* означает только, что речь идет не о камне и не о Казани, а о реках, как-то связанных с ними (как именно связанных, этого формант *-ка* теперь уже не выражает). Собственно топонимическим признаком стало *-ск*. Процесс формализации префиксов не достиг такой степени. В большинстве случаев топонимически они еще отчетливо сохраняют свои пространственные значения (вне топонимии заметно теряемые другими значениями).

Формализации в топонимии подверглись не только суффиксы. Так, форма множественного числа в топонимах, основа которых — видовой географический термин, часто выражает не множественность обозначаемых объектов, а только топонимичность: село называется *Мосты*, хотя мост там единственный и другого никогда не было. Грамматический показатель множественности тут означает вовсе не «несколько мостов», а «село у моста», т. е. значение его чисто топонимическое: образовать название села от основы *мост*, обозначить не сам мост, а село возле него. Собственно топонимическую функцию формы множественного числа превосходно показал В. Шпербер на лужицком топонимическом материале²⁹. Можно предположить, что такое употребление развилось под влиянием обильных топонимов в форме множественного числа, обозначавшей реальное множество, например, названия населенных пунктов, первоначально означавшие их жителей. Отвлеченный от таких названий показатель множественности стал ощущаться как топонимобразующий формант.

То же произошло и с показателями диминутивности (уменьшительности), которые вместо утраченного значения уменьшительности стали выражать только топонимичность: этимология названия д. *Горка* — не «маленькая гора», а «деревня на горе» (хотя бы и большой), разезд *Лесок* может находиться не у маленького леса, а у обшир-

ного лесного массива, название д. *Липки* этимологически означает не «маленькие липы», а «деревня с липами».

Формализации подвергаются и компоненты составных топонимов. Убедительный пример — название г. *Краснодар*. В 1792 г. Екатерина II переселила запорожских казаков на пограничную тогда Кубань, отвод им земель изображали как царскую милость и основанный город назвали *Екатеринодар* «дар Екатерины». Сметая после Октября память о царице, город переименовали, но *-дар* уже утратило самостоятельное лексическое значение и воспринималось как топонимический формант, поэтому вошло в новое название. Не в такой степени, но безусловно формализовано и *-град*. В русскую топонимию эта южнославянская форма вошла со старославянским языком церкви — *Царьград* при русских полногласных формах *Новгород*, *Белгород*, *Городец*. Позже формы церковного старославянского языка стали признаком торжественного «высокого стиля», противопоставленного «низкому», повседневно-разговорному (*глава* — *голова*, *врата* — *ворота*, *страж* — *стороже*). В 1915 г. во время первой мировой войны потребовалось дать русское название столице и бывш. *Санкт-Петербургу* официально стал *Петроградом*. В 1924 г. при переименовании его в *Ленинград* никто не связывал *-град* со старославянским языком, но оттенок торжественности еще ощущался в нем, как стилистическом синониме к слову *город*. Народная любовь к В. И. Ленину и значение этого города сделали название *Ленинград* родным и дорогим для миллионов людей. Поэтому оно стало моделью, по которой начали формироваться последующие многочисленные топонимы по именам революционных деятелей — *Кировоград*, *Калининград* и др., а теперь с более широким кругом основ — *Целиноград*, *Волгоград*. В русской речи слово *град* если и употребляется изредка, то лишь подчеркнуто-стилистически, да и то чаще иронично (след его есть лишь в производных словах, как *градостроительство*). Остроумно замечание, что иностранец, ища этимологию топонима *Волгоград* по словарю современного русского языка, может решить только, что это «место на Волге, где выпадают осадки в форме льдинок». Это не совсем так, связь с *город* еще ощутима, *град* еще не формализовалось до конца.

Формализация таких элементов настолько далеко зашла в немецком языке, что там массово-повторяющиеся компоненты слитных слов даже получили термин *полусуффик-*

²⁹ W. Sperber. Die Bedeutung der Plurals bei sorbischen Flurnamen. «Zeitschrift für Slawistik», Berlin, 1958, Bd III, № 2—4, стр. 310—322.

сы, — так побледили, стерлись их лексические значения, хотя этот термин и вызывает возражения³⁰. В топонимии бесчисленны примеры с *-burg* (*Гамбург, Магдебург*), *-hausen* (*Нортгаузен, Мюльхаузен*), *-furt* (*Франкфурт, Швейнфурт*) и др. Они еще не полностью порвали со значениями «город», «дома», «брод», но в разной степени продвинулись по пути к превращению в форманты.

Одно и то же значение можно выразить различной словообразовательной формой: например, принадлежность — *двор Ивана, Иванов двор, Ивань-двор*. Одна и та же словообразовательная форма может выражать различные значения: например, *Кожевники* и *Осинники*. В каждом названии форма и значение всегда едины, они не существуют порознь. Но единство не означает тождества. План значения и план формы не изоморфны, т. е. их нельзя однозначно наложить друг на друга, — ячейки того и другого не совпадают. Однако это нисколько не значит, что они соотносимы как попало. Связь между определенными значениями и определенными формами, хотя и не однозначна, но исторически строго ограничена: все-таки только три-четыре формы выражали в русской топонимии принадлежность и только два значения способен выражать формант *-ники* (место, поросшее растением, означаемым основой, и обозначение жителей, преимущественно по их занятиям).

Иногда та или иная укрепившаяся в топонимии форма развивала новые значения и так оказалась многозначной. Но чаще происходило иначе: форма, знакомая топонимически в определенном значении, спустя какое-то время входила в топонимию иными путями уже совсем с другим значением.

Именно так произошло с «нулевой» формой словообразования — семантической, превращавшей чистую основу без каких-либо внешних изменений в топоним: *холм* — г. *Холм*. Чистая основа в именительном падеже в русской топонимии долго была возможна только в этом единственном этимологическом значении — нарицательного видового географического понятия. Потом присоединились единичные топонимы той же формы из наименований церковных

³⁰ М. Д. Степанова. Словообразование современного немецкого языка. М., 1953, стр. 77—86. Дискуссия: [Вопросы языкознания], 1955, № 1, стр. 147—148 (К. А. Левковская), 160—161 (И. И. Ревзин), 167 (М. Д. Степанова). Книга М. Д. Степановой была переиздана в URSS в 2007 г.

праздников — с. *Троцца*, с. *Вознесенье*, с. *Параскева Пятница*. Но, во-первых, они так и остались единичными, во-вторых, они воспринимались в ряду привычных топонимических формантов *-ица* и *-ье*. Наше время произвело в русской топонимии крутой перелом: в ней широко развился тип, ранее несвойственный ей — чистая основа в форме именительного падежа существительного из личных имен или абстрактных нарицательных. Этот тип словообразования, совершенно естественный и обычный, например, в англоязычной топонимии (г. *Вашингтон*, г. *Аделаида*, р. *Мурчисон*, гора *Эверест*, мыс *Кеннеди*), для русской топонимии оставался непривычным. А теперь многочисленны и естественны пос. *Рассвет*, д. *Заря*, г. *Щорс*, г. *Тольятти*. Сегодня никого не удивляют выражения «Живу в Горьком», «приехал из Щорса», «еду в Рассвет». Этот перелом, происшедший революционно, как разрыв со старыми топонимическими нормами, однако, имел опору и в самой топонимии, сложившейся в самостоятельный разряд слов, употребляемых как имя существительное в именительном падеже. Из фамилий *Щорс, Кингиссепп, Орджоникидзе* было трудно образовать топонимы привычным способом суффиксации; влияли и усвоенные иноязычные топонимы (*Вашингтон* и др.); может быть, послужили мостиком топонимы *Пушкин, Калинин, Куйбышев*, в которых суффиксы *-ов, -ин* принадлежат самим фамилиям, но естественно входят в топонимию, где те же суффиксы были господствующим средством образования топонимов; в этих случаях топонимический суффикс поглощен омонимичным суффиксом фамилии.

К этому новому типу надо отнести и внешне-составные топонимы, не включающие видового географического термина, а выражающие исключительно абстрактные значения. По форме они составляют две группы: прилагательные при существительном (определятельные, но совсем иного порядка, чем рассмотренные) — *Красный Октябрь, Новая заря, Новая жизнь*, и существительные со вторым существительным в родительном падеже — *Путь Ленина, Думы хлебороба*. Зерном их послужили формы названия промышленных предприятий, колхозов, совхозов, наименования которых стали названиями населенных пунктов, т. е. они по существу не отличаются от топонимов *Рассвет, Вперед*, а принадлежность таких фразеологических единиц к составным названиям чисто внешняя.

Все эти примеры показывают, как обманчивы внешние сходства или различия и как легко ошибиться, принимая разное за однородное.

Каждая топонимическая форма принадлежит определенной языковой общности населения (с учетом заимствований, конечно), связана временем и местом. Тем самым она и независимо от значения, не всегда доступного, становится неоценимым историческим свидетельством. Например, тот или иной топонимический суффикс очерчивает на карте бывшие границы языковых общностей, пути миграций. Разумеется, анализ надежней, если известны значения и основ и формантов, но при этом значения оказываются вспомогательными. Вопреки представлению любителей, интересующихся лишь «а что значило название», для науки ареал распространения формы не менее (а чаще — более) важен, чем значение этой формы или лексическое значение основы.

Фонетика топонима

Есть элементы, повторяющиеся несравнимо чаще самых частых формантов — звуки языка. В каждом языке всего 30—50 звуков образуют всю необъятную массу слов. Повторяемость каждого звука грандиозна.

Сам ассортимент звуков в разных языках различен. В славянских языках, например, нет носового задненебного согласного, который у нас приблизительно передает сочетанием *нг*; он част во многих языках Азии и Африки, есть в тюркских и финно-угорских, но уже не во всех. Наличие этого звука в топониме могло бы служить намеком на языковую принадлежность. В гидронимах на *-нга* (*Печенга*) нет нужды видеть особый формант *-нга*, в них налицо этот звук, лишь кажущийся самостоятельной морфемой из-за несвойственности его русскому языку в качестве обыкновенного звука. В языках Индокитая и Индонезии *нг* особенно часто завершает слово: знакомый с картой даже без знания языков знает это по топонимам: *Меконг*, *Луанг-Прабанг*, *Бандунг*, *Палембанг*. Но не следует принимать это *нг* за топонимообразующий формант — это фонетическая черта.

В языках банту част звук *мб*. Соответственно на каждые 100 гидронимов приходится в Малави 18 случаев *мб*, в Танганьике — 14, по мере отдаления частота круто па-

дает: в Центрально-Африканской республике — 9, в Уганде — 5, в Кении — 3. Зато на восток зона *мб* простирается через моря и океаны: на Цейлоне 22 случая *мб* на каждые 100 гидронимов, эта полоса простирается далее через Индонезию на Соломоновы острова и дальше на архипелаг Фиджи, последний форпост *мб*³¹. Этот признак может служить при выяснении языковой принадлежности топонимов и при исследовании распространения и былого родства язы-

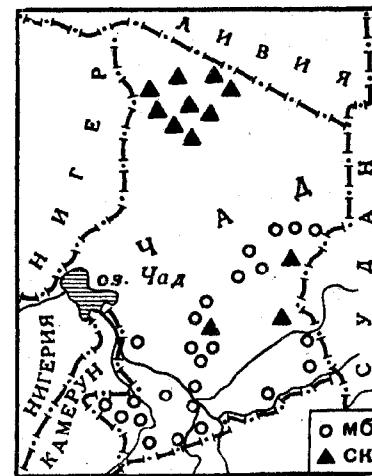

Рис. 8. Гидронимы Республики Чад, содержащие *мб* или *ск*

ков. Не повсеместно *мб* составляет единый звук, в пограничной зоне — это звукосочетание, но отличающееся частотой. Топонимы с *мб* есть и в нашей стране (реки *Умба*, *Эмба*, бухта *Амбарчик*), но не чаще одного на миллион, а не 18 на сотню! Границу *мб* хорошо видно в республике Чад, где таких гидронимов меньше одного на 100 и все 26 случаев сгруппированы узким поясом на юге и юго-востоке страны. Очень поучительно сравнить с этим в той же стране размещение гидронимов, содержащих сочетание *ск*, — два отчетливо противоположных массива (см. карту).

Интересные наблюдения сделаны над эпентетическими и протетическими звуками в топонимах (т. е. возникающими дополнительно внутри или в начале слова). Так, М. Ф. Семенова показала топонимы с латышскими основами, но с чисто славянским появлением мягкого *л'* после губных согласных: *Струпли*, *Румпли* и др., как свидетельство, что некогда эти балтийские топонимы были освоенны русскими: «Звуковая система языка значительно менее подвижна, чем лексический состав, так что приведенные названия могут указывать на следы глубокой древности, на древнейшие языковые, а следовательно, и культурные

³¹ В. А. Никонов. Язык неизвестен. «Топонимика Востока. Новые исследования». М., 1964, стр. 28.

связи латышей и восточных славян»³². То же явление исследовано в топонимии Словакии³³. Немало и протетических звуков в топонимии: например, *Аржановка* из Ржановка, а *Гострый* из *Острый*; д. *Вопча*, несомненно, на месте общей земли, с протетическим *в-*; фронт протетического *в-* в топонимии Чехии исследовал С. Утешеный³⁴.

Драгоценны для исторической фонетики старые топонимы, которые оказались в иной языковой среде, например, славянские в немецкой, венгерской, румынской, турецкой. Изолированные от процессов, протекавших в родном языке, они зачастую отражают его древнее состояние: так, слово *дуб* некогда имело носовой гласный, но почти во всех славянских языках носовые гласные утрачены, а в Румынии гидроним *Дымбовица* (т. е. *Дубовица*) напоминает о них.

Некоторые топонимы северной России сохранили старое *е* на месте современного *о*: *Езеро*, *Елень* («озеро», «олень»).

Топонимы *Елох*, *Елохово* легко принять за связанные с елью. А на самом деле это лишь диалектный фонетический вариант к «ольха», как и *Ольховка*, *Альшанник*, *Елшанка* и мн. др. В топонимии Пензенской обл. можно видеть территориальное размежевание различных фонетических форм от этой лексической основы: западней Пензы огласовка *о*, а восточней — *е*; это разделение проходит и дальше, рассекая Мордовскую АССР, зона *е* распространена на Ульяновскую обл.; перекрестно этому — размещение согласных: на юге — *ш*, северней — *х* (по Мокше *ш* продвинуто на север). Таким образом, налицо четыре зоны: *Ольховка*, *Ольшанка*, *Елховка* (*Елхи*), *Елшанка*. Интересна связь огласовки *е* и твердого *л*. Если продвинуть исследование южнее и западней, на карту ляжет огласовка *а* (*Альшанник*). Наложение топонимической карты на карту современного произношения этого слова в говорах выявит, произошли ли территориальные сдвиги. К сожалению, таких исследований нет.

³² М. Ф. Семенова. Из топонимии Латгале. «Ученые записки Латвийского ун-та», XI, 1956, стр. 229.

³³ R. Krajšović. Tzv. I epentheticum v názvach Chlěvl'ane a Rybl'ane na západnom Slavensku. «Slavia», Praha, 1959, t. 28, № 2, стр. 125—131.

³⁴ S. Utěšený. Poznámky k dnešní situaci české historické dialektologie. «Slovo a slovesnost», Praha, 1955, № 3, стр. 151.

Два языка даже с одинаковым ассортиментом звуков различаются употребительностью их. И в тюркских, и в финно-угорских языках есть *р* и *л*, но в тюркских чаще *р*, а в финно-угорских — *л*. Частота звуков образует фонетический спектр, у каждого языка неповторимо свой и вместе с тем сходный в языках близкородственных. Это может служить подспорьем при определении языковой принадлежности той или иной группы названий (например, с определенным формантом). Конечно, для этого необходима уверенность, что группа действительно едина, и достаточно количество названий в ней, так как статистические средние надежны только при больших числах, погашающих случайные колебания. К сожалению, и вне топонимии фоностатистика пока располагает подсчетами только по меньшинству языков, так что нет еще базы для сопоставлений.

Очень характерны для каждого языка и излюбленные и избегаемые позиции звуков. Исконно тюркские слова не допускали инициального *р*, финно-угорские не могли начинаться сочетаньем согласных. Славянские языки в определенный период пережили закон открытого слога — слог (а следовательно и слово) мог оканчиваться только гласным звуком, как ныне японский и полинезийские.

В гидронимии Восточной Африки чрезвычайно отчетлива «борьба» закрытых и открытых окончаний; в Малави все названия рек оканчиваются гласным звуком, в большей части Танганьики открытые окончания господствуют также безраздельно и только с севера клином врезаются гидронимы, оканчивающиеся на согласные, занимая только местности выше 1500 м над уровнем океана; закрытые окончания часты северней — на плоскогорьях Кении, Сомали, Эфиопии. Это сама история двух разных волн заселения. Какая связь между рельефом и закрытыми или открытыми окончаниями названий? Конечно, никакой прямой зависимости нет и не может быть. Строгое соответствие их — результат исторических передвижений народов. Языки банту не допускают закрытых окончаний, а в семито-хамитских и родственных им нилотских закрытые окончания обычны. Гидронимы, оканчивающиеся согласным звуком, и принесены в экваториальный пояс Восточной Африки народами с северо-востока, со стороны Рога Африки. Расселяясь в тропиках, эти народы вынуждены были применяться к рельефу, избирая возвышенности и избегая низменностей с их непроходимыми джунглями,

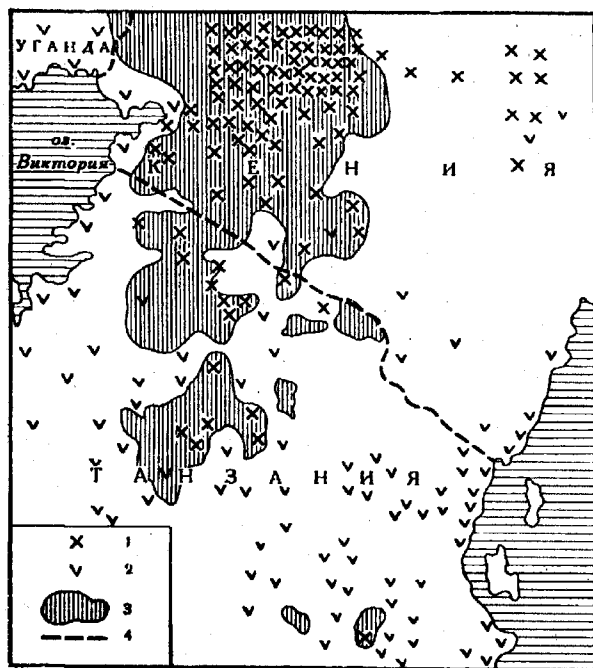

Рис. 9. Гидронимы и рельеф

- 1 — устья рек, названия которых имеют закрытые окончания; 2 — устья рек, в названиях которых есть *мб*;
3 — местности выше 1500 м над уровнем океана;
4 — государственные границы

болотами, тропической лихорадкой и мухой цеце. Так фонетическая деталь позволяет раскрыть волнующую страницу истории.

Звуки языка «разборчивы» в выборе соседей: в русском языке *р* часто следует за согласными и редко перед ними, а в тюркских и финно-угорских — наоборот. Если возьмем названия населенных пунктов Татарской АССР, то среди русских встретим *Брод, Красные пески, Роща, Покровка* и т. п., а среди татарских — *Берлек, Урияк, Чирши, Альдермаш* и т. п.; в Мордовской АССР — русские *Троицкое, Бугры, Привольный, Ростанка, Ровный, Кругец*, а нерусские — *Сарга, Морга, Кирляй, Вергелим, Варжелай, Пайгарм* и т. п. Конечно, за века тесного существования языки развили сходные черты и можно найти примеры, про-

тивоположные приведенным, но статистически соотношение крайне резко. Можно привести и такие совершенно несвойственные русскому языку, но привычные мордовским языкам сочетания *нз, мз, нс, мс*; соответственно между Волгой и Мокшей, особенно в бассейне Суры, находим гидронимы *Пенза, Инза, Амза, Абудза, Промза, Крымза, Инсар* и др. Принадлежат ли они мордовскому языку или остались ему в наследство, как и само это звуко сочетание в языке, — выяснят будущие исследователи.

Показательней не сами признаки, а корреляция их. Отдельный признак может быть случаен, но совмещение или, наоборот, взаимоисключение нескольких признаков при достаточно большом материале можно математически оценить. Чтобы не загружать изложение расчетами, лучше сразу привести пример отрицательной корреляции. Из 2700 подсчитанных гидронимов Уганды, Кении и Танзании 318 имеют закрытые окончания, вероятность равняется 0,1174; случаев *мб* — 223, вероятность тоже довольно значительна — 0,0826³⁵. По элементарной формуле теории вероятностей ожидаемая вероятность, что в одном топониме совпадут *мб* и закрытое окончание, составляет произведение обеих вероятностей, т. е. $0,1174 \times 0,0826 = 0,0097$. Это значит, что из 2700 гидронимов в 27 должны были совпасть оба признака. А в действительности на всю массу подсчитанных гидронимов встретился единственный случай (р. *Тимбилит*). Грандиозное нарушение математической вероятности в 27 раз исключает случайность. Налицо несовместимость признаков. Они принадлежат разным языковым семьям и могут определять языковую принадлежность гидронима. Корреляция признаков ныне составляет основу многих наук, например антропологии (в частности, для топонимических исследований автору служила примером «Палеоантропология» Г. Ф. Дебеца).

Фонетические признаки настолько существенны, что исследование, игнорирующее их, неполноценно. Однако

³⁵ Теория вероятностей при расчетах принимает целое не за 100% (как в привычных процентах), а за единицу. Например, половина (50%) выражается через 0,5. Десятичные дроби легко перемножать. Это необходимо, чтобы определить вероятность совмещения двух явлений. Затем, сравнивая полученную расчетную вероятность с фактической частотностью, узнаем степень корреляции — положительной или отрицательной — обоих явлений, т. е. выясняем, есть ли зависимость между ними.

именно фонетической стороной топонимов исследователи занимаются меньше всего. К сожалению, и сама историческая фонетика большинства языков нашей страны слабо изучена, а по очень многим языкам не известна совсем. Фоностатистический же анализ топонимии почти не начат. Некоторые попытки сделаны в моих работах³⁶, в этом направлении работают А. К. Матвеев³⁷ и Е. М. Поспелов. Но это пока еще лишь разведка пути. Сама фоностатистика в языкознании сделала только первые шаги, а применение ее в топонимических исследованиях еще все впереди. Фоностатистика позволяет использовать при топонимическом анализе счетно-вычислительные машины, — для частоты распространения признака, а особенно для корреляции признаков. Чтобы выяснить положительную или отрицательную корреляцию между несколькими признаками в топонимии, целому коллективу потребовались бы годы расчетов; современная электронная машина решает такие задачи за несколько минут.

Фонетический аспект исследования — следующий шаг, который предстоит сделать топонимике. Конечно, он не упраздняет ни лексико-семантического, ни словообразовательного аспектов. Можно построить такую схему применения их:

семантика — лексика — словообразование — фонетика

Чтобы разобраться в названиях, возникающих сегодня из хорошо известного языка, нет нужды в фонетическом анализе, их естественно рассматривать семантически; но уже для названий на том же языке в его прошлые периоды семантический и даже лексический анализ могут оказаться недостаточны и уступают первенство словообразовательному, а порой и фонетическому; наконец, если и сам язык.

³⁶ В. А. Никонов. Неизвестные языки Поочья. «Вопросы языкознания», 1960, № 5; Он же. Язык неизвестен.

³⁷ А. К. Матвеев. О древнем расселении самодийцев, по данным топонимики. «Топонимика Востока. Новые исследования». М., 1964; Он же. Субстратная топонимика русского Севера. «Вопросы языкознания», 1964, № 2.

родивший название, неизвестен, то и анализ словообразования не всегда осуществим, тогда главным становится анализ фонетический. Противопоставлять их бессмысленно. Они исследуют разные стороны единого явления.

Специфичность топонимов в языке

Конечно, топонимия — часть языка, из него она и берет все свои средства. Но, как видим, из всех слов языка в нее проникает только избранное меньшинство. Целым огромным пластам доступ в нее закрыт (например, в русской топонимии — глагольным формам за исключением императива). Зато в ней процветают слова, которые вне ее в языке почти не имеют хождения, как *град*. Из всего богатства русских аффиксов топонимия использует малую часть, зато исключительно настойчиво, а некоторые только в ней и употребляются (например, *-ск*, в краткой форме). Наперекор законам русской исторической фонетики топонимия сохранила старую огласовку в *Езеро*, *Елень*, когда вне ее существуют только *озеро*, *олень* и т. д., и т. п.

Что же это за самоуправная область, не подчиняющаяся общим законам?

Ничего исключительного в этом нет. Язык состоит из подсистем, пользующихся внутри его относительной автономией. Возьмем хотя бы такие необъятные подсистемы, как повседневно-разговорную и специально-научную. Резкое различие их лексики видно каждому. Но не каждый догадывается, что они несходны и грамматически (причастно-деепричастные формы в научной речи, повелительное наклонение в речи разговорной и мн. др.). Всем покажется неожиданным, что даже фонетика их различна³⁸. Сравним небольшие подсистемы, например, химическую терминологию и лексику романсов, — пожалуй, может возникнуть сомнение в их принадлежности одному языку. Чего же удивляться, что топонимия обладает своеобразными чертами? Исследованию и подлечит, как специфически

³⁸ Эти различия рассмотрены мною в работах: «Борьба падежей» («International Journal of slavic linguistics and poetics». The Hague, 1961); «Грамматическая характеристика видов речи» (сб. «Язык и стиль русских писателей и публицистов». Куйбышев, 1963); «Интерпретация фонетических частот» («Ученые записки Ин-та славяноведения АН СССР», 1963, т. 27).

преломляются в топонимии общезыковые законы и какие в ней возникают собственные закономерности, отсутствующие в языке вне ее.

В русском языке собственные имена на *-ов, -ин* (краткие формы) мужского или среднего рода отличаются от «тех же» нарицательных (*семенов дом, тов. Семенов, гор. Семенов*) даже падежными формами:

Падеж	Краткая форма прилагательного	Фамилия	Топоним
Им.	Семенов дом	тов. Семенов	г. Семенов
Твор.	семеновым домом	тов. Семеновым	г. Семеновом
Предл.	о семеновом доме	о тов. Семенове	о г. Семенове

— тождественные нарицательным в большинстве падежей, топонимы в творительном падеже ведут себя иначе (за городом *Киевом, Бобровом, Ивановом*, тогда как — *бобровым* воротником). А в предложном к ним присоединяются и фамилии (о городах *Киеве, Боброве, Иванове*, о тов. *Боброве*, тогда как — о *бобровом* воротнике).

Но еще в XVI в. такие названия склонялись одинаково с тождественными им прилагательными. В исследовании Б. Г. Унбегауна приведены обильные примеры из документов 1500—1513 гг.: *подъ Киеввымъ, за Краковымъ, подо Львовымъ, подъ Туровымъ*³⁹. Даже и «Российская грамматика» М. В. Ломоносова требовала в творительном падеже *Ржевым, Серпуховым, Осташковым*⁴⁰. Почему же теперь так обособились эти названия? Они полностью субстантивировались (т. е. стали существительными) и приняли склонение типа *зов, кров* — твор. *зовом, кровом*, пред. *о зове, о крове*, тогда как краткие притяжательные прилагательные (какими были и эти топонимы при своем топонимическом рождении) приняли склонение полных прилагательных (как — *бобровым* — о *бобровом*). Процессы эти длительны и нелегки. Не только в начале XVI в., а и при Ломоносове они еще не завершились. Фамилии и сегодня остановились на полпути, в творительном падеже оставаясь с нарицательными, а в предложном примкнув к топонимам.

³⁹ В. Унбегаун. Указ. соч., стр. 328.

⁴⁰ М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. 7. М., 1952, стр. 461—465.

Сложным путем изменялось склонение топонимов на *-ск* типа *Смоленск, Козьмодемьянск*, не имеющих параллелей среди нарицательных и фамилий (прилагательные на *-ск* утратили краткую форму, а фамилии не имели ее никогда). В современных различиях легко убедится каждый, просклоняв сравнительно названия *Пролетарск, Смоленск, Козьмодемьянск*, прилагательное *пролетарский* и фамилию *Козьмодемьянский*.

Аналогично и в словацком языке. Прилагательное *Кováčov* «принадлежащий кузнецу», фамилия *Кováčov* и название города *Кováčov* склоняются по трем разным моделям⁴¹.

В чешском языке географические названия в родительном падеже твердого склонения выпадают из категории неодушевленных и имеют флексию одушевленных (вог «бор» — вогу «бора», но *do Turnova*; топонимы на *-ану* в локативе множественного числа имеют флексию *-as*, тогда как у нарицательных *-ch*).

В языках с обязательным артиклем собственные имена в отличие от нарицательных не подчиняются этому закону и обходятся без артикля — они вне категорий определенности/неопределенности.

Различия пронизывают и фонетику. В русском языке старое инициальное *e* давно сменено на *o*: *езеро* → *озеро*, *елень* → *олень*. Но многие топонимы на Севере сохранили в своем составе неприкосновенными *Езеро, Елень*. Замечено, что русский исторический закон чередования заднеязычных *g, k, x* с шипящими *ж, ч, ш* не властен над топонимами: *немыслимо другский*, только *дружеский*, но *бугский, оренбургский, чикагский, хорогский*, а не *бужеский, казахский* (а не *казашский*); недопустимо *кулакский*, тогда как именно *Буйнакск*. Яркий пример: украинские топонимы сохранили архаичное ударение *Кривый, Сухий*, а в тех же нарицательных ударение переместилось на последний слог. Топонимы сопротивляются упорней, чем нарицательные (а в иных случаях — наоборот).

Какова же была непосредственная причина каждого такого различия, суть их всех одна: нарицательное, став топонимом, переходит в иной ряд и ведет себя иначе, чем то же слово, оставшееся нарицательным, — их судьбы

⁴¹ V. Blánár. Príspevok ku štúdiu slovenských osobných a miestnych mien v Maďarsku. Bratislava, 1950, стр. 45.

различны. Но во всех случаях это — законы языка, только посредством которых топонимией и управляет исторический внеязыковый процесс.

Формальные особенности топонима во всех известных языках все же не настолько сильны и абсолютны, чтобы выделить его в особую часть речи (хотя, например, предполагают, что в некоторых дравидских языках некогда составляли особую часть речи личные имена). Длительный процесс становления географических названий как особого подкласса имен, протекающий неравномерно в разных языках, не приостановлен. Не исключено, что они могут сложиться в еще более обособленную группу.

Особость прямого значения топонимов делает их междязыковыми в неменьшей степени, чем современную научную терминологию. Из сказанного о значениях ясно, что перевод топонима невозможен. Которое из значений переводить? Этимологическое? Но если даже оно известно, ведь не в нем смысл топонима, именно топонима. Сочетание трех планов значений, в каждый момент различное, непереводаемо.

И вместе с тем топоним тесно связан с тем языком, которому принадлежит. Как отметил В. Н. Топоров⁴², не случайно расшифровка многих древних языков, например, египетских иероглифов, древнеперсидской клинописи, критского линейного письма, начиналась именно с топонимов. Причина именно в том, что топоним и наиболее «междязыков», и одновременно сконцентрированно отражает некоторые черты своего языка, не зеркально, а собирая их в фокус.

Очень немного разрядов лексики, в которых была бы так велика доля языка-субстрата, т. е. предшественника на той же территории.

Субстратно происхождение подавляющего большинства названий значительных рек нашей страны, а крупнейших — всех.

Эта бесспорная «разноязычность» топонимии не ставит ли под сомнение ее системность? Даже столь авторитетный структуралист, как В. Н. Топоров, пишет о слабой организованности топонимических систем, о невысоком коэффи-

циенте системности их материала. Но достаточно указать на *-ск* или на абсолютное большинство *-ов, -ин* в названиях населенных мест северной половины Европейской России. Еще жестче тенденция, по силе близкая к норме, выровнять все топонимы на имя существительное в именительном падеже. «Формульность» названий (выражение Б. А. Серебrenникова) едва ли слабей, чем в любом другом большом разряде слов. Смущает разносистемное происхождение названий, когда рядом уживаются Москва, Воскресенск, Дмитров, Ленино. Но разве не то же самое во всей речи вообще? «Купил драпу на пальто» — какая смесь и лексически (слова древнерусские, иноязычные ассимилированные, иноязычные неассимилированные), и грамматически (винительный предложный, винительный беспредложный). Явления, возникающие в разных системах, соединяясь, образуют новые системы. Паровоз унаследовал пар от парового котла, рельсы от конной железной дороги, колесо от телеги, дымовую трубу от древнего очага. Дает ли это право отрицать, что он функционирует как система? Каждая система складывается исторически, т. е. из элементов, предлагаемых предшествовавшими системами. Системность не в этимологии, а в действии. Система — работающее целое. Топонимия работает, она — система. Другой вопрос, насколько эффективна ее работа, т. е. оценка сравнительной эффективности двух систем. Но при этом едва ли поможет справка о происхождении.

⁴² В. Н. Топоров. Некоторые соображения в связи с построением теоретической топонимистики. — В сб.: «Принципы топонимии». М., 1964, стр. 8.

СУДЬБА НАЗВАНИЯ

Топоним меняет объект

Две большие реки нашей страны носят имя *Двина*. Несколько раз повторяется название *Ока*. Есть несколько рек с названием *Десна* и с названием *Кия* (от Белого моря до бассейна Оби), шесть рек *Сестра*, два *Буга*, две *Медведицы* (приток Волги в верховьях и левый приток Дона), два *Мургаба* (в Туркмении и на Памире), две *Томи* (приток Оби и приток Зеи на Дальнем Востоке), многие небольшие речки называются *Дунаец*, а ручьев *Студенец* или *Ржавец* не считать. Еще больше одинаковых названий населенных мест.

В древней Руси было два *Галича* (ныне в Костромской и в Ивано-Франковской областях), три *Стародуба*. До наших дней дошел но один *Новгород*, *Белгороды* — областной и днестровский (в XIV—XVI вв. был еще тверской), *Звенигороды* — под Москвой и на Украине, два *Петропавловска* (в Казахстане и на Камчатке), два *Могилева* (на Днепре и на Днестре), было два *Ставрополя* (волжский переименован в Тольятти), только среди городов было три *Спасска*, а деревень *Ивановок* тысячи. Так и всюду.

Почему же столько «тезок»? Некоторые из таких названий — результат только случайных совпадений: р. *Лех* в Тироле и г. *Лех* в Кашмире не имеют ничего общего между собой, как и два города *Ош* — на юге Франции (из лат. *Auscii*) и в Киргизии. Совершенно не связаны происхождением три названия *Куба* — остров в Карибском море, город в Азербайджане, территория и средневековое государство в центре Конго. Только совпадения — гидронимы *Сена*, приток окской *Жиздры*, и *Сена*, на которой находится Париж. Даже большой комплекс звуков может

повториться нечаянно: р. *Годавери* в Испании и *Кодавере* в Эстонии. Случайные совпадения неизбежны, математически обязательны.

Многие названия оказались одинаковыми в результате ассимиляции, когда иноязычное население в незнакомом названии слышало похожее, знакомое. Допускают, что так образовались две *Двины*, первоначально различавшиеся, но когда новгородцы достигли Северной Двины, они приняли ее название за тождественное хорошо знакомому им (ныне *Западная Двина*, латыш. *Даугава*). Вероятно, таково же ложное тождество трех *Сурожей* из древнерусских памятников, во всяком случае — крымского (Судак) с витбским и брянским. Надо еще учитывать и нивелирующую роль орфографии, стирающей многие звуковые различия. По-русски оба Буга пишутся одинаково, но польски различно. Т. Лер-Сплавинский доказывает разное происхождение их: Южный Буг (польск. *Вог*) он связывает с *vog* «течение», а Западный Буг (польск. *Bug*) с балто-славянским *bough* (отклоняюсь, изгибаюсь)¹.

За вычетом случайных совпадений и ассимилятивного сближения названий, различных по происхождению, остаются многочисленные факты подлинного тождества, хотя отличить их зачастую нелегко. Нелегко и вскрыть, почему появились действительно тождественные названия, так как причины этого различны.

Наиболее простая из них — материальная связь одноименных объектов. В. В. Обручев в примечании к книге В. В. Сапожникова заметил: «Как алтайцы, так и казахи, и монголы, часто дают одинаковые названия речкам, текущим с одного перевала или с одной вершины: таковы, напр., 2 *Курагана* в Русском Алтае, 2 *Сумдайрыка*, 2 *Кома*, 2 *Урмогайты* в Монгольском Алтае»².

Такие примеры есть и на Украине: два *Трубежа*, находясь поблизости, текут в разные стороны — один в Днепр, другой в Десну; из болота *Замглай* в Черниговской обл. вытекают две реки *Замглай* — приток Десны и приток Сожы. Это позволяет предположить, что оба Буга, Западный и Южный, истоки которых очень близки, действительно,

¹ T. Lehr-Spławiński. O pochodzeniu i praojczyźnie słowian. Poznań, 1946, стр. 58, 63—64, 173—174.

² В. В. Сапожников. По русскому и монгольскому Алтаю. М., 1949, стр. 503.

названы одним именем, вопреки приведенному мнению Т. Лер-Сплавинского.

Видимо, сюда же надо отнести одинаковость названий двух истоков одной реки: *Белый Нил* и *Голубой Нил*, *Лесной Воронеж* и *Польный Воронеж*.

Подлинно тождественные названия драгоценны для науки: раз они одинаковы не случайно, значит, они отражают общность тех, кто их создал. Понятно все значение этого для исторических, историко-географических, историко-лингвистических, этнографических исследований. Основных причин тождественности две: миграции (передвижения) населения и параллельное возникновение из одинаковых условий. В языкознании шли яростные споры, который из этих факторов господствует; обе стороны привлекали топонимию в свидетельницы. Но тенденциозная односторонность мешала объективности: ученье Марра игнорировало миграции, его противники переоценивали их. В языке (в том числе и в топонимии) могущественны оба процесса — и параллельное рождение одинаковых явлений из одинаковых условий, и миграционный перенос.

Переселенцы приносят с собой на новые места привычные им названия своих прежних мест. Вместе с колонизацией Америки европейцами на колонизируемый континент как бы опрокинулась топонимия Европы. В США 12 населенных пунктов с названием *Париж*, 8 — *Москва*, 10 — *Варшава* и т. д. Остроумно сказано, что география Америки — повторительный курс географии Европы. В левобережье Среднего Поволжья многие названия населенных пунктов повторяют правобережные: помещики в конце XVIII в. переселяли своих крепостных на просторы почти даровых заволожских земель, и вместе с крестьянами туда переходили названия деревень, откуда прибыли переселенцы, например *Чуфарово*, о котором рассказал С. Т. Аксаков на страницах, знакомых каждому с детства. Обильны переселенческие названия-переносы в Сибири. Эти дублирующие топонимы — прямые свидетели широких миграций, протекавших за последние столетия и документально известных. Несомненно, что так было и в старину. В Прибайкалье южный ветер называют *шелонник*, название родилось в древнем Новгороде, где так называли юго-западный ветер, дующий с р. Шелонь; новгородцы занесли это название в Пермь, оттуда оно перешло за Урал, и, сменив румб, достигло Байкала — далеко залетел ветер с Шелони!

В Древней Руси известны три *Переяславля*: в Среднем Поднепровье, в Ростовской Руси (ныне — на юге Ярославской обл.) и Переяславль-Рязанский (ныне — Рязань). И каждый из них стоит на реке *Трубеж*. Случайность совпадения исключена.

Тысячи километров разделяли северян днепровского левобережья и Балкан, дулебов — на Волыни и в Чехии, полян — южнее Балтики и на Среднем Днепре.

Но можно ли сказать с уверенностью, что костромской *Галич* назван по *Галичу* приднестровскому и, значит, русские в Северное Заволжье пришли именно из Прикарпатья? Разве тысячи *Ивановок* названы одна по другой? Названия *Мыт* в Ивановской обл. и *Мыто* в Чехии, безусловно, одного происхождения (как и производные — *Мытище*, *Мытищи*), но это не основание предположить, будто Ивановская обл. заселена из Чехии или обратно. Это тождество обусловлено одинаковыми условиями общественного развития и родством языков (общее для славянских языков слово).

Многочисленные *Неаполи* в античном Средиземноморье — на юге Италии и в Крыму — точно так же названы не один по другому, это нарицательное «новый город» распространено там, где звучал древнегреческий язык. Во многих случаях очень трудно установить причину тождества — случайное ли это совпадение, ассимиляция, реальная связь объектов, миграционный перенос или параллельное образование из одинаковых условий. Два тысячелетия делятся споры: родственны ли названия *Иберий* — Пиренейской и Кавказской. От Страбона и до наших дней сталкиваются противоположные мнения, на каждой днеи ступени выдвигая новые аргументы и контраргументы. При такой сложности крайне неосторожно оперировать тождеством топонимов как доказательством родства, если само это «доказательство» не доказано, — например, отождествлять венетов и вендов по сходству этонимов. Единичная пара всегда ненадежна. Подлинное тождество доказательно только в соответствии целого комплекса топонимов. Так переключается микротопонимия Праги (*Вышеград*, *Подол*, *Стешовице*) и Киева (*Вышгород*, *Подол*, *Щековица*). Отмечена такая переключка гидронимии северной половины Белоруссии с гидронимией рязанского Поочья в количестве, исключаящем случайное совпадение; это, безусловно, следы либо переноса названий, либо возникно-

вения их там и тут из одинаковой языковой среды: в том и в другом случае такой параллелизм отражает общность населения обеих территорий.

В XIX в. европейцы долго искали истоки Нила; один из исследователей, двигавшийся из Мозамбика, принял за Нил одну реку южнее Великих озер, под этим названием и нанес ее на карту; на некоторых картах она с таким названием и осталась.

Перенос названия с одного объекта на другой через большие расстояния — только наиболее резкий пример, как изменяется географическое значение топонима. Еще чаще это значение меняется постепенно, незаметно для современников. Реальное значение топонима (т. е. его соотносительность с определенным географическим объектом), как и значение любого другого слова, не остается вечно неизменным. Географическое содержание топонима меняется на наших глазах — смещаются политические границы, названия государств распространяются на иную территорию. То же происходит и с названиями физико-географических объектов. Еще делятся споры, где вести границу между Европой и Азией, каков объем понятия «Памир», в каком океане Австралия. Различное содержание вкладывают в топоним *Самарская лука*. Основное — изгиб Волги, сам отрезок реки, затем этот топоним стал обозначать территорию внутри волжской петли и теперь это значение господствует³, но и его понимают различно: одни относят к Самарской луке ярко выраженный ландшафтно обособленный район до линии низовья Усы—Переволоки⁴, другие проводят формально-морфологическую границу от Усоля до Сызрани⁵, третьи отграничивают по оси Жигулевской дислокации — геологически и ландшафтно⁶. Так обстоит дело с топонимом научным. Еще зыбче границы, очерчиваемые топонимами, возникавшими стихийно.

³ В. И. Прокаев. О термине «лука» и о границах Самарской луки. «Известия Всесоюзного географического об-ва». Л., 1954, вып. 3.

⁴ «Геоморфологическое районирование СССР». М.—Л., 1947; А. С. Барков. Геоморфологический очерк.— В кн.: «Инженерно-геологические исследования для Волгостроя». М.—Л., 1934.

⁵ А. Липинский. Сямбирская губерния. СПб., 1868.

⁶ А. П. Павлов. Самарская Лука и Жигули. «Труды Геологического комитета», СПб., 1887, т. 2, № 5; М. Э. Новинский. Самарская лука. Казань, 1913; В. И. Прокаев. Указ. соч.

Первоначально название *Италия* обозначало лишь южную оконечность Калабрии, там жил небольшой народ италы, затем оно перешло на всю Калабрию, к концу III в. до н. э. оно охватывало уже почти весь Апеннинский полуостров, накануне империи оно равнозначно Апеннинскому полуострову (в противоположность внеиталийским областям, лишенным большинства прав); наконец, в начале империи оно распространилось до Альп и в этом значении сохранилось поныне. С расширением границ расширяется объем понятий *Греция*, *Португалия*, *Шотландия*. Для древних римлян *Африка* — только небольшой отрезок южного побережья Средиземного моря, по обитавшему там племени. А *Ливия*, означавшая у древних римлян всю известную им Африку, сжалась до одной страны. В середине XVI в. *Сибирь* — ограниченная территория на Иртыше; став первой русской территорией в Зауралье, она тем самым стала названием вообще владений России за Уралом. Вместе с продвижением их границ расширялось значение топонима *Сибирь*, охватившего пространство от Урала до Байкала, от Ледовитого океана до Монголии.

Так меняется и значение этнонимов. В IX—X вв. вокруг племени чехов объединились многие славянские племена и на всех них распространился этноним *чех*, полностью вытеснив имена остальных племен. Когда знание других стран недостаточно, имя ближайшего крупного народа как бы заслоняет всех, обитавших дальше него: в России до XVIII в. чуть не всех европейцев называли немцами, будь это голландцы или датчане, а наименование татар распространили почти на все восточные народы (отсюда *Татарский* пролив, отделяющий Сахалин от материка). Для многих народов Африки все европейцы долгое время были *фрэнджи* «французы».

Внешне противоположно этому сжатие значения, т. е. более узкая локализация названия. Материк Северной Америки испанцы со времени его открытия называли *Флорида*, но с севера расширялись английские владения, с запада — французские, у них были свои названия, и Флорида «сжалась» до одного полуострова; внутреннее пространство материка французы называли *Луизианой* (в честь короля Людовика XIV) — теперь это название удержалось только за одним штатом.

Противоположность «расширения» и «сжатия» географического объема названия чисто внешняя. Суть процес-

сов не в этом. Происходит либо изменение реальных границ самого объекта (например, увеличение или уменьшение территории государства, расширение города, разделение административно-территориальных единиц и т. п. — в одних случаях географический объем топонима расширяется, в других уменьшается), либо изменение наших представлений, а не самих объектов (распространение этнонимов *немцы*, *татары* на другие народы, последующее уточнение значений этих этнонимов). Каждая из обеих этих основных причин может внешне выражаться в «расширении» или «сжатии» значения, но это только частные случаи: изменение значения вовсе не сводится к этим внешним проявлениям, вопреки распространенному в лингвистике взгляду. В начале нашей эры *Германией* называлось совсем не то, что через тысячу лет или что теперь: тогда это были две римские провинции западной Рейна (*Верхняя Германия* — на территории Бургундии, *Нижняя Германия* — на современной территории Бельгии и Голландии). Часть тюркского народа болгар пришла в конце VI в. на Балканский полуостров, смешалась со славянами и растворилась среди них, но передала свой этноним формировавшемуся южнославянскому народу. У некоторых народов Азии Турция называется *Рум*, т. е. Рим (русская форма искажает подлинную — Roma) — азиатские области Византийской империи назывались *Романия*, а затем это стало названием Балканских провинций и позже отразилось в названии *Румыния*. Никакие натяжки не помогут подогнать такие изменения значений под механические рубрики «расширений» и «сжатий». Конечно, каждое значение объемно и новое значение «больше» или «меньше» прежнего, но суть процесса вовсе не в количественном поверхностном различии. Еще отчетливей это видно на прямых переносах: нелеп вопрос, расширением или сжатием значений считать путешествие за океан названий *Бостон*, *Париж*, *Мемфис* и проч., — сравнительная величина городов в каждой паре совершенно безотносительна к переносу и друг к другу. Безразлично, насколько огромней американский Бостон, чем захолустный английский городок, по которому он назван, и как малы все Парижи в США по сравнению с их единственным прототипом. И если, как часто бывает, один из топонимов-двойников отмирает, другой продолжает свое независимое существование: мертв Карфаген, но в Испании удержалось производное название

Картахена (ранее *Новый Карфаген*); при этом уцелеть может и не поздний, а древний топоним — в названии *Переяслав-Хмельницкий* сохранился подлинник, тогда как перенесенное в Поочье название *Переяславль (Рязанский)* сменилось на *Рязань*.

В некоторых случаях перенос названия отчетливо метафоричен, т. е. подчеркивает сходство вновь называемого объекта с названным ранее (метафора — перенос названия по сходству). Конечно, кажущееся похожим для одних — у других не вызывает мысли о сходстве; подчас метафорические переносы обусловлены обстановкой, моментом. Нередки переносы идеологические, выражающие не материальную, а моральную связь нового названия с его прототипом. Мотивы такого переноса могут быть самыми различными (память о родном месте или стремление идеологически закрепить свое господство и т. д.).

Топонимы меняют свое географическое значение и без «путешествия», можно сказать, не сходя с места.

Обычны выражения: «съел две тарелки», «видел Репин-а», — конечно, съедены не сами тарелки, а их содержимое, увиден не Репин, а его картины. Слова употреблены не в их прямом значении, а в переносном — по смежности: содержание вместо содержимого, автор вместо его произведения. Такой перенос по смежности называется метонимия. В речи они очень часты. Естественны они и в топонимии. Названия многих рек стали без каких-либо изменений названиями и расположенных на них городов и селений: бывш. *Самара* (ныне *Куйбышев*). Обратных примеров нет (если реку называют по населенному пункту, то выражают это суффиксацией — город был *Тверь*, а река в нем *Тверца*). О тюркских гидронимах из оронимов уже сказано. Русские летописи употребляли этнонимы как обозначения территорий: «половци же возвратившася опять въ половць», в западнославянских языках и сегодня таковы названия многих стран (чешск. *Čechy* «Чехия», *Uhry* «Венгрия», польск. *Niemcy* «Германия», *Włochy* «Италия»). Этноним легко становился названием города — таковы *Пермь* и волжский *Болгар* (с тюркским показателем множественности *-ar*, в русской передаче этноним получил русскую форму множественного числа — *болгары*, а название города оставалось в форме подлинника).

Одинаковые названия реки и находящегося на ней города — не ровесники, не близнецы. Они одновременны по

своему происхождению, нередко разделены веками (*Москва-река* и г. *Москва*), а может быть, и тысячелетиями.

Какой причудливой оказывалась метонимическая подмена значений, показывает любопытный пример: Колумб, открыв в 1493 г. к востоку от Гаити лесистый остров (у индейцев — Боринкен), назвал его *Сан-Хуан*, в честь католического святого, на день празднования которого пришлось открытие; на острове испанцы основали город *Пуэрто-Рико* «богатая гавань». Со временем названия рокировались: остров и город поменялись именами — столица называется *Сан-Хуан*, а остров стал *Пуэрто-Рико*.

«Одно и то же» название в разное время обозначает не одно и то же. Ошибочно оперировать названьем, приписывая ему неизменное значение. Это может привести к серьезным ошибкам в выводах. Так и получилось с историей Древней Руси: длительное существование названий племен вводило историков в заблуждение, окончательно разъясненное лишь в середине нашего столетия. Исследователи убедились, что к VII—IX вв. у восточных славян названия племен превращаются в территориальные понятия, а не в этнические⁷. «Для X в. во всяком случае словене, смоляне, кривичи, это уже не старые племена, а население той территории, на которой жили когда-то эти племена, то есть терминология летописи безусловно устарела и лишь медленно уступала место новой»⁸. «Имя племенного союза со временем может стать только географическим названием и пережиточно сохраняться очень долго. Таковы, напр., наименования северян и вольнян»⁹. Племя мещера, известное Начальной летописи, обитало восточней современной Рязани; в XVI в. тем же именем называют обитателей той же территории, но на самом деле это в массе татарское население, получившее чужой этноним вместе с территорией (за частью которой и ныне сохраняется название *Мещера*, но уж без этнического значения).

Межвидовой перенос названия, как и территориальное перемещение, — обусловлен либо изменениями самого объекта (распад племени), либо изменениями наших представлений о нем.

⁷ П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1948, стр. 167.

⁸ Б. Д. Греков. Киевская Русь. М., 1949, стр. 325.

⁹ В. А. Рыбаков. Древние русы. «Советская археология», 1953, т. XVII, стр. 26.

Так многообразны возможности изменений географического значения топонима. Едва ли своевременна попытка немедленно построить единую стройную схему, в строгие рубрики которой уложились бы все перемены значений. Во многих случаях излишне решать, произошел ли перенос по смежности или он мемориален. Главное — понять многообразие этих процессов, чтобы при анализе взвешивать возможности, не упрощая.

Кальки

Мы говорим *Мыс Доброй Надежды*, *Северное море*, *Соединенные Штаты*, переводя на русский язык португальское *Capo La buona espergo*, немецкое *Norden See*, английское *United States*. *Средиземное море* — французское *Mediterranée*, латинское *Mare internum* «внутреннее море».

В этих случаях наше употребление не влияет обратно на топоним, но тот же процесс происходит и на месте, когда «перевод» вытесняет подлинник.

А. Глаголева¹⁰ привела много топонимов из Обонежья — русских переводов с финно-угорского, подтвержденных примерами обонежской писцово-книжки 1565 г.: *Медвежий наволоок на Конде-наволоке* (*kontio* «медведь»), *Бережная*, другое название *Ран-поле* (*ranta* «берег»). Конечно, таких случаев, когда перевод подтвержден документально, меньшинство. Иногда его «выдает» соседнее название: не легко заподозрить переводность названия *Пятигорск*, не будь рядом горы *Бештау* (тюркск. *беш* «пять», *тау* «гора») — до основания города местность звалась *Пятигорье*.

Захватив в средние века обширные славянские территории, немцы перевели на свой язык первоначальные славянские значения множества названий: *Альтдорф* — это *Стара весь* (весь в славянских языках означало «деревня»), *Лангерзее* было некогда *Длуге езеро*, а *Фишерей* прежде называлось *Рыбаки*. Та же участь постигла названия, принадлежащие пруссам, родственному литовцам балтийскому народу, сметенному тевтонским потоком.

¹⁰ А. Глаголева. Топонимика Обонежья. «Бюллетень Ленинградского об-ва исследователей культуры финно-угорских народностей», 1922, вып. 2, стр. 8.

«Сплошь и рядом прусско-литовские названия просто переводились на немецкий язык» — констатирует П. И. Кушнер, иллюстрируя, как *Кишин* (от *kirspan* «черный») превратилось в *Шварце Флисс* (нем. «Черная река»), из *Лабшлауке* (*labs* «хороший», *lauk* «поле») возникло *Гутефельд* (нем. «хорошее поле»), бывшие *Сенсварис* и *Наудварис* (*senas* «старый», *dvaras* «двор») стали *Альтхоф* и *Нейхоф*¹¹. На Балканах за несколько столетий турецкого владычества массу славянских названий заменили турецкие переводы их — по Болгарии яркие примеры привел В. Миков¹². В Далмации, Истрии и на островах Адриатики славянские названия подвергались итальянскому переводу (*Читавеккья* вместо *Стариград*¹³), в Валахии и Молдавии — румынскому и т. д.

Иногда название переживало не одну такую операцию. Славянский *Белгород Днестровский* звался по-румынски *Țeata albă Четате-альба* «Белый город», а после турецкого завоевания — *Аккерман* (*ак* «белый», *керман* «крепость, город»). Близ Вроцлава в средневековых документах фигурировало селенье *Псеполе*, а так как языком канцелярии того времени был латинский, оно стало *Канумвилла*, затем обратилось в немецкое *Хундсфельд* — в основе и славянского, и латинского, и немецкого названий общее значение «собака».

Во многих речных названиях южной половины европейской части нашей страны акад. А. И. Соболевский предполагал переводы с сарматского (*Бобр*, *Ворона*, *Молочная* и др.); эта гипотеза не встретила поддержки, но несомненно, что «переводны» многие названия, кажущиеся подлинными. Одни из них существуют наряду с подлинником, другие — вытесняют его. Сколько названий трудно заподозрить в «переводе», так как подлинник давно утерян и забыт!

Называть это явление переводом неверно. Перевод означает выражение того же значения словами другого языка. Если же, говоря о *Неаполе*, мы назовем его *Новгородом*

или итальянец назовет *Неаполем* наш *Новгород*, — будет ли это переводом? Каждое из этих названий связано с определенным географическим объектом и замена одного другим не только не передает реального значения, а наоборот, подменяет его иным, хотя этимологический смысл слова действительно одинаков — «новый город». Сформулированное в этой книге учение о трех планах значений объясняет непереводаемость собственных имен. В чем тут секрет? Главного, единственно обязательного, собственно топонимического значения перевести нельзя. Переводить этимологическое значение? Но слово, став топонимом, даже если оно при этом внешне ничуть не изменилось, получает новое, совсем иное значение, становится независимым от своих прошлых смысловых связей и может совсем порвать с ними. Слова *Неаполь*, *Новгород* означают уже не вообще любой новый город, а именно данный город, «вот этот», даже совсем не новый! Значение топонима не равно значению того же самого комплекса звуков до его превращения в топоним. Можно перевести слова, из которых образовался топоним, но сам топоним непереводаем, как и вообще имена собственные. Нелепо переводить *Екатерина Петровна Коваленко* «Непорочная Камнезна Кузнецова» или *Филипп Федорович* «Любитель лошадей сын Божьего дара». Ясно, что нельзя назвать эту бессмыслицу переводом. Ведь перевод — передача именно смысла высказывания. А для обозначения таких «переводов» этимологического значения элементов, из которых образовано название, существует термин калька (франц. *calque* «копия»).

Кальки не составляют привилегии имен собственных. Они есть и среди нарицательных: русское *влияние* — принадлежавшая Н. М. Карамзину калька франц. *influence*. Особенно часто калькируются устойчивые словосочетания: *железная дорога* — с франц. *chemin de fer*. Однако у имен собственных обычно уж и в родном языке этимология бледнеет, даже исчезает, так что калька вызывает призраки.

Но чем объяснить, что калькируем о-ва *Зеленого мыса* и сохраняем подлинный *Нордкап* «северный мыс», калькируем оз. *Верхнее* и оставляем в неприкосновенности *Монблан* «белая гора»? Может быть, калька вытесняет подлинник, когда один язык вытесняет другой? Явно нет! При поглощении одного языка другим возможны и кальки (нем. *Altdorf* из слав. *Стара весь* «старая деревня») и пря-

¹¹ П. И. Кушнер (Кнышев). Этнические территории и этнические границы. М., 1951, стр. 169.

¹² В. Миков. Происход и значение на имената на нашите градове, села, реки, планини и мъста. София, 1944, стр. 52—53.

¹³ В. В. Богитич. Местные названия славянских пределов Адриатики. «Записки Русского географического общества по отделению этнографии», СПб., 1873, т. III.

мые заимствования (нем. Dresden из слав. *дрездно* «топь», ср. р. *Дрезна* в Московской обл.). Так как серьезного теоретического исследования этих пестрых, противоречивых фактов до сих пор нет, в разброде пока можно наметить только немногие ориентиры.

Перенять чужезычное название (в подлиннике или в виде кальки) позволяет только общение народов, будь это торговля или война, порабощение или культурное влияние. Если между двумя народами нет никаких связей, невозможно ни калька, ни заимствование подлинного названия. Из наблюдений над кальками топонимов Ю. Трусман полвека назад вывел заключение, что это явление «обыкновенно там, где совместная жизнь продолжительна и где взаимные сношения и соприкосновения устанавливаются постепенно, как это наглядным образом можно заметить на пограничных ныне пунктах русских и эстонских»¹⁴. Действительно, и в зоне русско-латышского общения М. Ф. Семенова констатировала взаимные кальки названий: наряду с *Зилупе* (латыш. *zils* «синий», пре «река») встречалось по документам *Синупе*, в «Книге большому чертежу» значилось: «в Великую реку пала *река синя* с левые стороны, а вытекла из *Сини озера*», да и в живой речи местного русского населения чаще употребляется *Синюха*, а не *Зилупе*; латышское название *Vecslabada* восходит к *Старая слобода*, как показывают документы¹⁵.

Но даже самого тесного общения мало, чтобы появилась калька. Она требует, чтобы еще была жива этимология названия (правильная или мнимая). Она прозрачна в *Нордензее*, из которого легко возникло у нас *Северное море*, но *Крит* или *Нил* уже и в глубокой древности, насколько она доступна исследователям, этимологически загадочны, так что просто исключена всякая возможность калек для языков, принимающих эти названия. Вот почему кальки при своей заманчивости остаются в меньшинстве. Но не только поэтому.

Выяснено условие, ограничивающее появление калек. Но прозрачность этимологии еще вовсе не обязывает к кальке, а лишь допускает ее возможность. Перевести *Лаго*

Маджори («озеро Большое») не трудней, чем озеро *Верхнее*. Что мешало калькировать *Неаполь*, у которого столько русских тезок? Нельзя ли предположить, что как раз «экзотичность» названия благоприятствует кальке? Колоритны, выразительны названия *Берег Слоновой кости*, *Мертвое море*, *Город Соленого Озера* — как удержаться от буквального «перевода»? Нет, ведь *Аргентина* («Серебряная») или *Сингапур* («Львиный город») не менее красочны, а все же употребляются только в подлиннике, скрывающем эффектную этимологию этих названий. Значит, дело не в красках этимологии самой по себе, а в соотношении между ее силой и силой реального, топонимического значения. Уже в римскую эпоху название *Неаполь* не вызвало представлений и понятий, связанных с «новым городом», а рождало комплекс представлений и понятий, связанных именно с данным крупнейшим портовым городом Южной Италии. А в момент, когда р. *Белая* стала известна русским, этимология ее названия сохранила свою выразительность: волжские болгары именовали ее *Аж-Игиль* в отличие от *Игиль* и *Кара-Игиль*. Выбор подлинника или кальки зависит от того, сильнее ли ко времени заимствования до-топонимическое значение или собственное топонимическое со всеми его развившимися новыми смысловыми связями. А это соотношение — величина переменная и не всегда определяемая. Поэтому язык нередко колеблется в выборе: озеро *Верхнее* — калька, а соседнее *Мичиган* — подлинник. Отсюда и зыбкость, параллельное употребление обоих способов (в описаньях Парижа — то площадь *Конкорд*, то площадь *Согласья*).

И это еще не ответ. Раз заимствующему языку предстояло выбирать между калькой и подлинником, на каких же весах сравнивали выразительность до-топонимического и производно-топонимического значений? Или чей-то субъективный вкус решал их спор?

Улица банков в Нью-Йорке зовется *Уолл-стрит*, по находившейся там стене. «Перевести» ли ее название как *Стенная улица* или *улица Стены* или хотя бы *улица Уолл*? Безусловно, нет. Это уж не одна из улиц, а символ гнезда капиталистических монополий, центра империалистических сил. Перевод исходной этимологии вполне доступен, но она давно утратила всякое значение, а специфический облик подлинника несравнимо смаче, содержательней, важней. Сменить его на кальку, «обрусить», значило бы сгладить,

¹⁴ Ю. Трусман. О происхождении названия г. Пскова. «Живая старина», 1894, кн. 1, стр. 12.

¹⁵ М. Ф. Семенова. Из топонимики Латгале. «Ученые записки Латвийского гос. ун-та», 1956, т. XI, стр. 225.

погасить в нем современный политический смысл, подменив его мертвой этимологией, бесконечно далекой от действительности. Напротив, *Польская Народная Республика*, *Объединенная Арабская Республика* именуется у нас не в польском и арабском подлинниках, а в переводе исходных значений, который и выражает поистине подлинный, реальный смысл этих названий.

Названия всегда социальны. Сравнительная выразительность трех планов их значений определяется их общественным содержанием. Борьба общественных интересов решает — заимствовать название или заменить его, а при заимствовании выбирает между подлинником или калькой.

Поэтому проблему калек напрасно решать «вообще», вне времени. Ее можно ставить только конкретно-исторически.

Вот два примера, как исторически противоречива проблема калек. В средние века «хороший тон» запрещал перебивать латинский текст варварскими названиями, их требовалось переводить на латынь хотя бы вопреки всякому смыслу, и акты средневековых канцелярий кишат кальками, зачастую нелепыми (и всего больше ошибок у образцовых канцелярий — императорской и папской, наиболее оторванных от живой речи); один составитель документа извинялся в нем, что не смог заменить варварские названия и вынужден привести их, хотя бы его за это подняли на смех.

Дворянская верхушка в России XVIII—XIX вв., презиравшая русский язык, щеголяла иностранщиной, «звала Полиною Прасковью», требовала именовать *Петергоф*, но не допускала *Петродворец*, и для блестящей *Place d'Étoile* не позволяла русской передаче *площадь Звезды*. Противопоставленность народу привела к двум противоположным следствиям — обязательности калек или запрещению их. Ни то, ни другое не зависело от роли кальки «вообще», а диктовалось только отношением, которое вызывал подлинник у определенных общественных групп в определенное время.

Оттого так пестра карта топонимических заимствований: тут и подлинники, и кальки, и промежуточные компромиссные формы разного рода «полукалек».

Все же в этой пестроте можно уловить тенденцию: античность и средние века значительно чаще прибегали к калькам, а последние столетия явно предпочитают по-

длинную форму заимствуемых названий. До-топонимическое (т. е. этимологическое) значение топонима принесено в жертву точной передаче топонимического значения его: долгое время *Солт Лейк Сити* у нас был известен исключительно как *Город Соленого Озера*, теперь эта калька не употребляется.

С карты мира стирается одна калька за другой. Общение народов, некогда сводившееся к знакомству между двумя народами, все более становится всеобщим, а калька разобщает — один и тот же топоним становится разным в разных языках. Кальки не вызвали неудобства, пока их употребление оставалось делом внутренним, теперь международные связи способствуют установлению единого названия.

Усваивая иноязычный топоним в подлинной форме, принимающий язык утрачивает его этимологическую выразительность, зато точно передает собственно топонимическое и от-топонимическое. *Шанхай* не менее выразительно, чем довольно расплывчатое «Над морем»? Если и *Монблан* (Альпы), и *Бланка-Пик* (США), и *Мауна-Кеа* (Гавайи) и *Актау* (Средняя Азия) перевести одинаково обезличивающе «Белая гора», выразительность не выигрывает, а проигрывает.

Свои особенности возникают при калькировании составных названий. Соотношение до-топонимического и топонимического значений неодинаково для каждого из членов названия: в названии штата *Норд Дакота* первый член, более поздний, сохраняет до-топонимическое, нарицательное значение «северный», тогда как второй член (индейское «друг, союзник») свое исходное значение полностью утратил и выступает единственно в собственно топонимическом значении «штат Дакота». Далее: между членами составного названия существует зависимость, ко многому обязывающая и многого не допускающая. Научное изучение этой зависимости едва начато. При этом необходимо различать типы составных названий, совершенно разнородные.

Как правило, легко калькируется видовое понятие. Это и понятно: обычно оно сохраняет до-топонимическое, нарицательное значение.

Естественны словосочетания: *город Рим*, *река Кубань*, таково же *Сегозеро*. До того, как в русскую речь вошли *Монблан*, *Сингапур*, они успели срастись в нерасторжимое

целое, а произошли заимствование раньше, не было бы ничего невозможного в таких образованиях, как *гора Блан*, *город Синга*.

Но совершенно невозможно обратное. При непереуведенном видовом члене немислима калька определения: *Белый монт*, *Львиный пур* и т. п. Непривычно *море Норден*, но оно ничем не отличалось бы от *река Аму*, *озеро Иссык*, *площадь Конкорд*, тогда как *Северное зее*, безусловно, исключено, как и *Бешеная дарья*, *Куль теплое*, *Пляс Согласие*. Это — следствие непереуводимости имени собственного, в котором определение, если можно так выразиться, «самый собственный» элемент. Калька определения возможна только в составе полной кальки названия.

Кажущееся исключение составляют единственно названия со специфическим, непереуводимым видовым понятием. *Каньон Колорадо* только с натяжкой можно передать «ущелье Колорадо»; *фьорд* — не вообще «залив», а особая разновидность его в скалистых обрывистых побережьях Скандинавии; *аул* — не равнозначно деревне, *штат* и *департамент* — не «область», их сходство исчерпывается поверхностными признаками, а самая суть различна. Поэтому в отношении их возможны сочетания *Большой Каньон*.

В составных названиях из развернутых определений легко калькируется вторичное определение, независимо от основы: *Северная Дакота*, *Западная Виргиния*, *Новый Орлеан*. А полные кальки их совершенно бессмысленны: «Северный Друг», «Западная Девственница», буквальный перевод их — типичный лжеперевод.

Первоначальные этимологии слов *Дакота*, *Виргиния* уже испарились из названий штатов, определенья *Норд*, *Вест* абсолютно не связаны и несочетаемы с ними в их до-топонимическом значении, а относятся только к их значенью топонимическому. Поэтому никогда не могли бы родиться полукальки *Норд-друг*, *Вест-Девственница*.

Частичные кальки второго собственного (типа *Северная Дакота*) иногда грозят двусмысленностью: к *Вест-Индия* калька *Западная Индия* внесла бы путаницу, одинаково обозначая и западную часть Индии, и архипелаг в Центральной Америке. Но это уж вина не кальки, а подлинника: *Нижняя Тунгуска*, *Средняя Тунгуска*, *Верхняя Тунгуска* (Ангара) — три разных реки, а *Верхняя Волга*, *Средняя Волга*, *Нижняя Волга* — части одной реки.

Переосмысления

Случается слышать *полуклиника* вместо *поликлиника*: древнегреческое *поли* «много» говорящим непонятно, а *полу-* напрашивается — в отличие от клиники тут лечат приходящих. Говаривали *полусадик* вместо *палисадник* — огороженный маленький садик перед домом, от слова *палисад* «ограда» (во французском, немецком, итальянском, польском и др. языках), из лат. *palus* «свая, кол». Мещанская среда прошлого столетия обратила *бульвар* в *гульвар*, осмыслив это слово как место, где гуляют. Немало таких переосмыслений заметили чуткие к русской живой речи мастера слова: купчик у А. Н. Островского, желая щегольнуть французским словечком, называет прогулку *проминаж* — из *проминаться* (франц. *promenage*); Н. С. Лесков метко схватил *мелкоскоп* (вместо *микроскоп*).

Переосмысление (деэтимологизация, т. е. разрушение этимологических связей) еще чаще в топонимии.

Город *Пушкин* (близ Ленинграда), с которым так тесно связана молодость великого поэта, получил его имя в 1937 г. До революции он назывался *Царское село*. Он был летней резиденцией царского семейства. Кажется, этимология ясна — царская дача, вот и *Царское Село*. Но в одах Державина и в ранних стихах Пушкина это название еще писалось *Сарское село*. Название появилось задолго до того, как тут устроились Романовы. Раньше — это мыза *Саари* — эст. «островная», «верхняя». Название стало непонятным для новых обитателей и его приняли за другое, внешне похожее, подошедшее по значенью. Так, р. *Царица* (приток Волги), по которой был назван *Царицын* (ныне Волгоград), — из тюркоязычного *Сары-су* «желтая вода». Название Охотского моря кажется производным из русского слова *охота*. В действительности оно образовано из названия впадающей в него реки *Оката*, переосмысленного в «охота». Турки, захватив Крым, переименовали *Евпаторию* в *Гёзлёв*, с присоединением Крыма в 1783 г. к России это название переосмыслено в *Козлов* (позже А. Мицкевич озаглавил один из своих сонетов «Вид гор из степей Козлова»). В письмах Ивана Грозного и дипломатической переписке его времени столица Швеции именовалась *Стекольна* (московских послов удивили стекла в окнах *Стекольма*, московские хоромы тогда обходились слюдой). Если так происходило с известными городами, то немуд-

рено, что до-русские названия деревень, население которых давно стало русским, легко подменяют этимологическое значение, ставшее населению непонятным. Подмосковная д. *Навексы* превратилась в *Новишки*, в Удмуртии д. *Вадони* — в *Водопой*, в Кировской обл. с. *Эдун* — в *Едуны*, калужская речка *Вергенга* — *Вергенка*, в Татарской АССР с. *Карабай* (тат. «черный богач», т. е. разбогатевший незнатного происхождения) — *Каравасово* (по русскому слову *каравай*), в Мордовской АССР речка *Вашелей* (*ваша* «жеребенок») — *Вышелей*. В Чувашской АССР с. *Сине-Буян* — переосмысление окрестным русским населением по словам *синий* и *буян*, хотя именно смысла при этом не получается; в основе — название речки *Буян* (возможно, из тюркск. буй, «запруда, плотина»), а *синь* — чуваш. «новый» (ср. *Синь-Сундырь*, *Синьял*, *Синькасы* и др.).

Особенно часто деэтимологизируются названия, основы которых имена собственные, чуждые повседневной речи. Самый наглядный пример: самый большой приток Дона до недавнего времени все называли *Северный Донец*, так было и на картах, и на Украине до сих пор не исправили этой ошибки и именуют его в учебниках *Північний Донець* (укр. *північ* «север»). Это — искажение из *Северский*, по имени древнерусского племени северян, в чьей земле он начинался и протекал. Пензенское село *Перелогово* принадлежало пристроившимся при русском дворе последышам византийских императоров — Палеологам, оно и было названо *Палеологово*, но, естественно, переименовано во вполне понятное крестьянское (*перелог* «залежь, поле под паром»), как там же *Сумароково* превратилось в *Саморуково*. Близ Зарайска с. *Расчислово* — древний г. *Ростиславль*, близ Углича с. *Солодово* — переосмысление по слову «солод» древнего названия *Всеволодово* (из княжеского имени *Всеволод*), как и калужский *Сиволож* (из *Всеволожь* — прилагательное из того же имени с йотовым суффиксом принадлежности). В Ульяновской обл. д. *Титовка* по происхождению вовсе не *Титовка*, а *Китовка* — в 1648 г. тут получили поместье *Китовы*, от которых спустя 30 лет не осталось никакого следа, кроме упоминания в архивном документе, а имя *Тит* тогдашней деревне было знакомой кита. Близ Черновиц, находившихся до 1918 г. под австрийским господством, местность *Габсбургова гора* (по правившей династии Габсбургов), конечно, стала *Гарбузова гора* — укр. *гарбуз* «тыква», а в самих Черновцах площадь

Остер-пляц «Австрийская площадь» стала *Гострий пляц* «острая площадь». Переосмысляются топонимы и близкородственных языков (овраг *Малинов* из *Млынов*, т. е. «мельничный»), даже топонимы своего языка: в Рязанской обл. названье д. *Истокка* все на месте объясняют «топкое место», а она — *Истобка* — древнерусск. форма слова «изба» (таковы в Воронежской и соседних областях с. *Истобное*, д. *Истобенки* и мн. др.).

Так и славянские названия в неславянских языках подвергались переосмыслению. Древний город славян в балтийском Поморье назывался *Колобрег* «близ берега», после немецкого завоевания в средние века названье понято как *Кольберг* — нем. «капустная гора». Названье *Москва* полностью переэтимологизировалось в кабардинском языке, став *Мэзкуу* «дремучий лес»¹⁶.

Кажущаяся ясность этимологии — самая коварная западня. Уже приведенные примеры показывают, что переосмысления повсеместны. Их гораздо больше, чем обычно представляют. Безусловно, гидроним *Сестра* не имеет ничего общего с понятием родства, «родня» *Сестре* не «брат», а, может быть, *Истра*; несомненно, переименована р. *Своиченка* (близ Гдова), как и р. *Ведьма* (аналогичны *Потьма*, *Тотьма* и мн. др., так что «ведьма» тут ни при чем), р. *Ложка* в Тульской обл. (так же в бассейне Оки есть и р. *Лоша*), дер. *Рябая Ольга* близ Обояни (возможно, «ольха») или с. *Трегуляй* (из мордовского *Таргу-ляй* с перераспределением *Тре-гуляй*). Не исключено, что сообщенные Геродотом (V в. до н. э.) названия рек и народов нашей страны с прозрачными древнегреческими этимологиями (*меланхлены* «черные одежды», р. Кубань — *Гипанис* «конская») могли быть не переводами подлинных названий, как полагают, а, напротив, переосмыслениями их по внешне сходным греческим словам. Не объяснит ли это неудач истолкователей Геродота? В таком случае, современная форма гидронима *Кубань*, может быть, ближе к подлинной, чем *Гипанис*, а не наоборот. Однако это лишь гипотеза, неприемлемая без проверки.

Бесчисленные переосмысления — не просто случайные причуды речи. Все они продиктованы стремлением вернуть топониму этимологическое значение, хотя бы и бессмы-

¹⁶ «Ученые записки Кабардино-Балкарского НИИ», Нальчик, 1964, т. XX, стр. 218 (К. Т. Мамрешев).

ленное для него, как замеченная В. К. Арсеньевым переделка дальневосточного гидронима *Асектани*, даже на картах пишущегося р. *Остегни*¹⁷. Многие при этом настолько «плотно пригнаны» к объекту, что бывает трудно даже заподозрить переосмысление.

Переосмыслению может подвергнуться и не все название, а только часть его, например, только основа или только формант. Они могут переосмысляться и параллельно, но как целое, а взаимонезависимо: с. *Радогоц* с частыми в древнерусской топонимии элементами *рад* и *гоць* превратилось в *Радуговищи* (Тульская обл.) — по «радуга», и формант *-ов-ищи* — в целом лишнее смысла. Не всегда с уверенностью можно сказать, которая из двух форм подлинная, а которая — плод переосмысления, даже если известны оба значения: д. *Комаровка* в Татарской АССР (близ г. Мамадыш) объясняют из татарского названия *Комырык* «песчаная», но в подобных случаях не исключено и обратное.

Ложную, наивную этимологию в Древнем Риме называли *etymologia bovina* «бычья». В прошлом столетии зарубежные лингвисты приклеили ей ярлык «народная этимология» в противоположность этимологии научной. Независимо от личных намерений, в этом отразилось презрительное высокомерие касты, монополизовавшей науку, недоступную народу. К сожалению, по инерции и в нашей лингвистике некритически повторяют иногда этот термин, который не к лицу ученым в стране, где народное означает наивысшую оценку. Именованье наивные, антинаучные этимологии «народными» — и оскорбительно, и несправедливо. Не народ же усмотрел в названии *Каргополь* следы ... древнегреческой колонизации Заонежья, связав его с *полис*. Еще Витсен в «Описании Северной и Восточной Татари» «открыл» у Новой Земли пролив *Царь Константин*, «научно исправив» услышанное им и принятое за неграмотное искажение *Костин шар* (ненецк. *шар* «пролив»). В XVIII в. ученый Байер так усердствовал в подгонке названий к похожим словам (например, *Москва* из *музык*), что В. К. Тредьяковский, пародируя его, предложил всем названиям русские этимологии: *скифы* — от «скитаться», *сарматы* — на вопрос «кто вы?» отвечали «за

¹⁷ В. К. Арсеньев. В делях Уссурийского края. М., 1951, стр. 411.

Ра мати» (т. е. «наши матери за Волгой» — дети легендарных античных амазонок), *Испания* — «Выспания», *Италия* — «Выдалия» (выдается в море). Даже Н. М. Карамзин всерьез этимологизовал *Самбат* (название Киева у арабских географов) как «сама мати», т. е. мать Древней Руси! Давние ошибки? Вот в наши дни статья в «Ученых записках» «объясняет» гидронимы тем же способом, подбирая «похожие» слова в словаре современного марийского языка: *Нея* «усталая», *Шижма* «чувствительная», *Какша* «фурункул», *Ширмокша* «несоленая печенка» и т. п.¹⁸ Другие «Ученые записки» поддерживают происхождение названия *Шолдомеж* (в Калининской обл.) из «шел до меж» — Батый повернул с границы Новгородской земли¹⁹. Бесспорны исторические свидетельства, что Батый прошел за Торжок, очень далеко от Шолдомежа. Но их могло и не быть. Доказательней невозможность в русском языке топонима в форме глагольного предложения, да еще такого нелепого (неизвестно, кто шел; неоправдан вид глагола и т. д.). Еще категоричней исключает выдуманную версию наличие в Северном Заволжье топонимов *Шолда* и *Шолдома*, распространен там, как и в Средней России, и конечный элемент *-еж*. Конечно, не в народной массе, а только в кабинетах под грузом классической или церковной образованности высиживались ученые домыслы. Явно книжного происхождения анекдотические этимологии *Яхромы*, *Кинешмы*, *Решмы*. Жена Юрия Долгорукого поскользнулась при переправе через реку и вскрикнула «Я хрома!» — это непонятным образом стало названием реки. Княгине, видимо, очень не везло: в другом конце владений ее супруга текла р. *Ягорба*, — приходится полагать, Долгорукая и там упала, вскрикнув «Я горбата!» Но в той же зоне есть и *Яхренга*, *Яхробол*, *Яхра*, содержащие ту же основу *яхр* (возможно, отраженную в северорусском диалектном слове *яхра* «отмель»).

Стихийное переосмысление топонима массой говорящих само представляет немалый интерес и как фольклор, и как факт языка, хотя, конечно, затрудняет правильную этимологию, искажая первоначальную форму названия (*Охога* из *Оката*). Переосмысления кабинетные остаются достоянием узкой кучки и на судьбу названия редко влияют, но

¹⁸ «Ученые записки Марийского науч.-исслед. ин-та языка, литературы и истории», 1954, вып. 6, стр. 123—124.

¹⁹ «Ученые записки Рязанского пед. ин-та», 1953, № 11, стр. 57.

и не представляют интереса для науки, кроме свидетельства о ее собственной истории.

Те и другие переосмысления названий — один из способов адаптации их, т. е. приспособления иносистемного явления к языковой системе говорящего. Переосмысление — адаптация семантическая (смысловая).

Хаос изменений

Переосмысление — не единственный и не главный вид адаптации. Топонимы изменяются и без переосмысления. Формы изменений разнообразны.

С. Б. Веселовский предостерегал: «Во многих случаях названия дошли до нас не в их первоначальном виде, а в измененном или искаженном теми источниками, из которых мы черпаем их... Прежде чем использовать собранный материал для исследования, необходимо подвергнуть его критике с точки зрения его происхождения и принять все меры к тому, чтобы установить правильную форму названия... Можно сказать в виде общего правила, что чем старше топонимический термин, тем больше вероятность, что он дошел до нас в измененном или искаженном виде... Предпринимаемое исследование, необходимо прежде всего постараться установить правильную форму термина. Это возможно, конечно, далеко не всегда»²⁰.

Самые могущественные изменения — фонетические. Каждое из них в отдельности, может быть, и не столь значительно, зато они бесчисленны, всеобщы и беспощадны. Всего резче они при переходе названия из одного языка в другой, как преломляется луч при переходе из одной среды в другую.

Звуковой состав различных языков неодинаков. Звуки одних языков отсутствуют в других, так что иноязычный топоним невозможно передать точно. В тюркских языках исконно не было звуков *в*, *ф*, *х*; в японском нет *л*; во французском нет твердого *л*; в русском нет свойственного многим языкам носового заднеязычного, который только очень приблизительно передается сочетанием *нг*; звуками русского языка нельзя передать звуков корейского языка. Еще

трудней непривычные звукосочетания. Встретив *д. Гёргёрей* близ Мамдыша, тщетно искать ее основу в татарском языке или в удмуртском; разгадку подсказывает ее второе название в старых документах — *д. Гришкина*; в русском языке на 100 тысяч звуков встречается 5 случаев *рг* и 100 *гр*, а в тюркских отношении противоположно, *Гёргёрей* — закономерная адаптация татарским языком русского имени *Григорий*. Тюркским языкам исконно чуждо инициальное *р*, поэтому в них и в языках, подвергшихся их влиянию, иноязычные топонимы, начинавшиеся с этого звука, получили протетическую гласную; например, *Россия* в венгерском — *Орош*, в устном кабардино-черкесском — *Урысей*. Неприемлемость для тюркских (как и финно-угорских) языков начинать слово сочетанием согласных превратило *Князево* в *Акнязево* (Чувашская АССР).

Фонетические изменения превратили в Англии древнеримский *Ланкастер* (в основе лат. *castellum* «укрепленный лагерь») в *Ланкашир*, во Франции галльск. *Бурдигала* — в *Бордо*. Как и переосмыслениям, фонетическим изменениям особенно подвержены топонимы, имеющие в основе имя собственное. Близ г. Александра (северо-восточнее Москвы) с. *Гидеево* в писцовых книгах XVI в. называлось *Едигеево*; подмосковное *Софрино* в XVI в. было *Сафарино*, принадлежа ведущему крымскую торговлю Ивану Сафарину²¹. В Москве замоскворецкая улица *Якиманка* называлась по церкви Иоакима и Анны, как и с. *Якиманское* близ Клина.

Изменения топонима могут происходить и в одном языке. Так, название г. *Владимир* при своем возникновении имело суффикс притяжательного прилагательного *-j*, с соответственным смягчением *р* (не имя *Владимир*, а «принадлежащий Владимиру»), но с течением времени *р* отвердело: топоним перешел из древнерусского языка в современный, не знаящий этого суффикса.

Среди непосредственных мотивов, вызывающих фонетические изменения, сильны а с с и м и л я ц и я — уподобление, когда звуки, оказавшиеся поблизости, заменяются по сходству, и диссимиляция — расподобление сходных звуков, например, из античного названия *Massilia* *Массилиа*

²⁰ С. Б. Веселовский. Топонимика на службе у истории. «Исторические записки», 1945, т. 17, стр. 26.

²¹ Там же, стр. 37.

современный *Marseille Марсель*. Процессы фонетических изменений больше изучены внешне, чем по существу. Многие изменения объясняют упрощением. Однако на примере тех же ассимиляций и диссимиляций остается непонятным, почему в одних случаях «проще» одно, а в других — противоположное. Допустим, выпадение звуков упрощает название, но как объяснить, что в общеиндоевропейские сочетания *nr, sr* славянские языки и некоторые другие ввели *т, д* (например, общеиндоевропейское **sr* «течь» превратилось на славянско-германо-балтийско-иранско-фракийской почве в *str*, отсюда *Струма*, вероятно, *Днестр* и мн. др.)? Почему простое для одного языка трудно для другого и наоборот?

Конечно, легче описать внешнее выражение процессов. Все разнообразие их можно свести к немногим пунктам примитивной схемы: 1) утрата звуков: *Смоленск* из *Смольньскъ* с утратой двух последних гласных *ь* и *ъ*; отпадение начального гласного — древнерусские *Изяслави* (из личного имени *Изяслав* с притяжательным суффиксом -*ј*) стали селами *Заслав* в Белоруссии, *Жеслав* в Рязанской обл.; 2) замена: *Марсель* из *Массилиа*, *Кадницы* из *Каднич*; 3) добавление: например, протетический гласный — *Амшариха* в бывш. Ржевском у., *Амшары* в бывш. Духовщинском у., *Амшарово* в бывш. Ельнинском у., — все с основой *мож* «болото»; за последние годы размножаются нелепые удвоения финальных согласных — *Мелекес* вместо *Мелекес* и даже ... *Спасс* (по-видимому, обратное влияние производных форм *мелекесский*, *спасский*); 4) перестановка: *Гёргёрей* из *Григорий*, *Ладога* из *Альдога*, *Ворожба* из *Воробжа*; 5) передвижка ударения, изменения тона. Русский язык с сильным экспираторным ударением придает его и топонимам тех языков, где такого ударения нет. Русскому языку несвойственна тональность китайского или языков банту, такие существенные смысловозначительные признаки исчезают при переходе топонимов этих языков в русскую речь; то же происходило при смене населения на территории, например, если язык не-тональный перенимал субстратные топонимы тонального языка.

Но это поверхностная сортировка, не объясняющая процессов, а регистрирующая их видимые результаты.

Кроме собственно-фонетических причин адаптации, властно действуют адаптация грамматическая и адаптация словообразовательная.

Казахский топоним *Кокче-тау* «зеленая гора», утратив в русской речи свое этимологическое значение «гора», утратил и окончание, непривычное в русской топонимии, нормой которой стали существительные в именительном падеже — названия городов как правило в мужском роде (согласованном с грамматическим родом нарицательного *город*), а это требовало исхода на согласный; финальный гласный через стадию полугласного заменился на согласный — *Кокчетав*. Грузинские топонимы Тбилиси, Кутаиси, Риони и др. вплоть до 30-х годов нашего века употреблялись по-русски только в форме Тифлис, Кутаис, Рион. Гидронимы Франции, известные у нас как *Луара*, *Марна*, *Сена*, *Сона*, *Рона*, *Гаронна*, *Жиронда*, в подлиннике не имеют финального -*a*, этим способом русский язык передал французский показатель женского грамматического рода — так называемое немое *e* (обозначаемое графически, но уж несколько столетий в разговорной речи не произносимое). Очень многие субстратные гидронимы нашей страны, привычно оканчивающиеся на -*a*, получили его только в русской речи, как показатель грамматического женского рода применительно к роду нарицательного *река*. Река *Дёма* в Башкирии по-башкирски называется *Дим*, в этом сравнительно позднем случае нетрудно обнаружить присоединение; в большинстве случаев оно остается спорным: исконны ли многочисленные -*га*, -*ма* и другие, или финальная гласная в них — результат русской грамматической адаптации?

Названия городов *Муром*, *Москва*, *Симбирск* (ныне *Ульяновск*), прежде чем стать топонимами в форме именительного падежа, прошли стадию косвенного падежа в описательных обозначениях: «на Муроме» (земля племени мурома), «на Московь» (на реку Москву), «город на Симбирских горах» (1648 г.).

Вместе с изменением статута обозначаемого объекта его название меняло грамматический род применительно к роду нарицательного: г. *Реутов* под Москвой (бывш. *Реутово*), г. *Прохладный* в Кабардино-Балкарии (бывш. станция *Прохладная*). Такие примеры может привести каждый. Реже, конечно, случаи превращения бывшего города в село: *Одоево* в Тульской обл. — древний г. *Одоев*. Но топоним может удерживать прежнюю форму и вопреки изменению объекта; название областного центра *Иваново* указывает на его происхождение не из военно-административного

центра, а из торгово-промышленного села. В Ульяновском Заволжье название небольшого села *Тиинск* напоминает о его прошлом — в 1651 г. при сооружении Закамской линии на пересечении ее с р. *Тия* вырос укрепленный пункт — г. Тиинск, вскоре ставший глубоким тылом и превратившийся в обыкновенное село, но сохранивший форму названия города.

Часта адаптация словообразовательная. В Башкирии с. *Стерлибаш* («вершина Стерли» — у истока р. Стерль) стало *Стерлибашево*, получив русский топонимический суффикс *-ев*, как *Канлы* стало *Канлино*, а *Яктыкуль* — *Яктыкулево*. Много гидронимов с дорусской основой и русским суффиксом: в Сибири — *Тунгуска*, *Индибирка*, на почве мордовского субстрата — *Липлейка*, *Морзлейка*, *Шиммалейка*, *Пшалыжка* и др. Издавно укрепился и стал интернациональным широко распространенный латинским языком формант *-ia* для наименования стран. Он стал присоединяться к тем названиям, которые в подлиннике не имели его: *Франция*, *Япония*, *Финляндия*, *Россия*, *Белоруссия*, *Якутия*, *Карелия*. На давних славянских землях, захваченных в средние века немецкими феодалами, появилось много смешанных названий — со славянской основой и немецким формантом (*Koslau* из *Koslov*, *Reibnitz* из *Rybnica*, *Leipzig* из *Lipsk*).

Особый вид на грани словообразовательной и семантической адаптации — агглютинация («склеивание», представление двух слов одним) и деглютинация («расклеивание», представление одного слова двумя). Агглютинация особенно часта со служебными элементами — артиклем, предлогами, постпозиционными частицами. Под Муромом в микротопонимии В. И. Тагунова нашла местность *Зазеро* (из «за озеро») с полной утратой отдельности: говорят «в Зазере». Плод канцелярской описки знаменитый поручик Кижэ есть и в топонимии: в документе 1693 г. расписано, кому из тульских дворян служить в «Белегороде», и дальше: «тем которые были на службе в Бележ городе...»; описка была принята за название другого города «Бележ», отдельно помещенный в указателях²², тогда как это — повторение, означающее «в том же Белом городе». Самый яркий пример агглютинации — *Устюг* из первоначального описательного обозначения «на устье

²² «Сборник древних актов», ч. I. Тула, 1899, стр. 309.

Юга реки» — «устье Юга». Пример деглютинации с пересмыслением привел А. Доза: как древний гидроним *Латуза* превратился в *La Douze* «Двенадцатая»²³; аналогично о городе *Колодяжин* (западной Киева) — Густынская летопись под 1241 г. сообщает, что Батый пришел «ко городу ко Лодяжну», приняв часть основы за предлог.

Нередок в топонимии э л л и п с — отсечение части. Так, *Судан* — эллипс арабского названия *Виллад-судан* «страна черных». Золотопромышленный бассейн в Южной Африке носил голландское название *Витватерсранд* «белых вод кряж», из которого осталось просто *Ранд*. Такая судьба постигла напыщенные витиеватые тирады испанских и португальских названий XV—XVI вв. Заложив в 1535 г. город на берегу Ла-платы, испанцы наградили его нестерпимо пышным названием *Ciudad de la santissima Trinidad e puerto de nuestra señora la virgen Maria de los buenos aires* (Сьюдад де ля сантиссима тринидад э пуэрто де нуэстро сеньора ля вирген Мариа де лос буэнос айрес), букв. «Город святой троицы и гавань нашей госпожи девы Марии добрых ветров» (бухту нашла в праздник Троицы, «наша госпожа» — богородица, чтившаяся за покровительницу моряков; «хорошие ветра» — попутные — флот был парусным). Эта высокопарность быстро обличьяла и от всей тирады остался бессмысленный обрубок *Буэнос-Айрес* «добрых ветров». Многие топонимы в Латинской Америке представляют собой такие обрубленные хвосты церковно-официальных торжественных тирад. Только конкретный анализ мог бы объяснить, почему из древнеримского названия *Lutecia Parisiorum* уцелело не *Lutecia*, а *Paris*, почему из *Colonia Agrippina* уцелело *Köln*. Примеры эллипсов в русской топонимии: *Архангелогородск* превратился в *Архангельск*, *Нижний Новгород* в повседневной речи называли только *Нижний* (даже официально губерния называлась не *Ниженевгородская*, а *Нижегородская*); рязанское село *Спас-Угешень* через *Спас-Тешень* стало *Спас-Теш* (сообщено З. П. Никулиной). В документах XVI в. упомянуты села *Иваново-Кохма* и *Рождествено-Кохма*, позже одно из них утратило *Кохма* (ныне областной центр *Иваново*), другое утратило первый компонент и стало с. *Кохма*.

²³ A. Dauzat. La toponymie française. 2^e ed. Paris, 1946, стр. 25. Интересные примеры см.: C. Rostaing. Agglutination et deglutination. «Revue Internationale d'Onomastique», Paris, 1950, № 2, стр. 83—92.

Особый вид сжатия названия — аббревиатуры, сокращения, сохраняющие из составных названий только начальный слог каждой части: *Донбасс* из *Донецкий бассейн*, *Совгавань* из *Советская Гавань*. Название китайской провинции *Цзянсу* образовано из первых слогов названий ее городов *Цзяннин* (Нанкин) и *Суйчжоу*; так же провинция *Аньхой* названа по ее городам *Аньцин* и *Хойчжоу* (аналогично образованы названия провинций *Фуцзян*, *Ганьсу*). Эти топонимические аббревиатуры нельзя смешивать с топонимами, образованными из готовых аббревиатур, уже имевшихся в речи (в Москве — посёлок *ЗИЛ*, ул. *Моснефтекип* и т. п.).

Далеко не всегда топоним сжимается, порой он, напротив, увеличивается в объеме. Многие примеры этого рассмотрены в главе о составных топонимах. Чаще всего топоним обрастает различительными определениями, чтобы не смешивать обозначаемый объект с другими, носящими то же название: к названию города *Оскол* пришлось добавить *Старый*, когда появился *Новый Оскол*; на Волини г. *Владимир*, войдя в состав Русского государства, стал *Владимир-Волынский* в отличие от г. Владимира на Клязьме (областной центр). Разновременные наращения топонима приводят к таким курьезным (только для посторонних, но не для самих обитателей) сочетаниям, как нем. *Alte-Neustadt* «старый новый город», рассмотренный *Крещеный Баран* или с. *Спас-Крокодил* во Владимирской обл.²⁴ *Спас* по церкви, *Крокодил* — по названию речки; неизвестно, как заплыл во Владимирскую обл. крокодил, скорей всего это результат ряда искажений.

Так как изменения возможны в разных, даже прямо противоположных направлениях, то, зная две давние формы одного названия, без специальных исследований нельзя определить, которая из них исконна, а которая — результат искажений. На обширной территории русской равнины много таких пар: *Шексна* — она же *Шехонь*, *Ворскла* — *Ворскла*, *Щигра* — *Щигор* и др. Под Ульяновском речка и селение на ней в письменной форме известны только как *Сельдь*, в устной же речи никто никогда не называл их иначе, как *Сельга*, даже интеллигенция, так и существовали обе эти формы параллельно триста лет, не смешиваясь.

²⁴ «Владимирская область. Административно-территориальное деление». Владимир, 1956.

Закономерности изменений

Испытав не одно, а несколько изменений, одновременных или последовательных, топоним далеко отходит от своей первоначальной формы, иногда становится совершенно неузнаваемым. *Милан* из *Mediolanum* «Медиоланум» (лат. «середина долины»), *Ломбардия* из *Лангобардия* (лат. *лангобарды* «длиннобородые»), *Гибралтар* из *Джеббель-эль-Тарик* (арабск. «гора Тарика», по имени арабского полководца, переправившегося через пролив из Африки в Европу) — еще сравнительно простые примеры. На юге Франции курортный городок *Э* (пишется *Aix*) — это лат. *Aquae Saekstiae* «воды Секстия», римского консула, лечившегося тут в 121 г. до н. э.

На русских географических картах нашего Севера еще в XIX в. держались перенятые с голландских карт названия *Канденоис* и *Панфалотски* — в них не могли узнать наших же названий *Канин нос* и *Панфиловка*²⁵. На Южном Сахалине, возвращенном России в 1945 г. после 40-летнего японского хозяйничанья, в японизованных названиях пос. *Морудзи*, с. *Марауэфусики*, мыс *Уэрикан*, островок *Абосу* с трудом узнавали русские топонимы *Морж*, *Муравьевское*, *Великан*, *Авось* (по названию корабля, совершившего плавание в Русскую Америку). То же происходило и при переходе иноязычных названий в славянские языки: на о-ве Брач в Югославии городки *San Pietro San Пьетро* и *San Giovanni Сан Джованни* превратились в *Супетар* и *Сутиван*, заброшенное в горы Аbruццо (Италия) славянское село беженцев от турецкого завоевания сотни лет назад из *San Felice (Сан Феличе* «св. Феликс») стало *Сифилич*. Напрасно думать, будто изменения происходили только при переходе из языка в язык. В нашем столетии Д. К. Зеленин отметил, что название г. *Мценск* в окрестных селах произносили *Амсэняц*²⁶.

Топонимы, по происхождению совершенно различные, становились похожими друг на друга. Из трех Суражей, известных Москве XV—XVI вв. (витебский, черниговский

²⁵ Ф. П. Литке. Четырехкратное путешествие в Северный Ледовитый океан. Изд. 2. М., 1948, стр. 206.

²⁶ Д. К. Зеленин. Великорусские говоры с неорганическим и непереходящим смягчением заднеязычных согласных. СПб., 1913, стр. 219.

и крымский) по крайней мере один — результат втягивания в ряд, адаптация по знакомым названиям. Вероятно, так образовалась и пара *Западная Двина—Северная Двина*. Но чаще схождения происходили расхождения тождественных названий. Из одной и той же первоначальной формы *Лип-ьск названия двух славянских городов, существуя в различной среде, разошлись до несходства: *Липецк* и *Leipzig* (нем., произносится *Ляйпциг*). Прижизненный культ императора Августа усеял Римскую империю, охватывавшую все Средиземноморье, названиями в его честь. Одни из них быстро исчезли, другие дошли до наших дней, но разошлись настолько, что их невозможно было бы узнать, не будь исторических документов: г. Августа Претория — *Аоста* (Италия); г. Августа Виндекорум (из этнонима) — *Аугсбург* (юг ФРГ); о-в Августа — итал. *Лягоста* — слав. *Ластово* (Югославия); г. Августа Тревиорум (из этнонима) — *Трир* (запад ФРГ), г. Августодунум (галльск. *дун* «крепость») — *Отен* (Франция); г. Пакс Августа («мир Августа») — *Бадахос* (Испания); г. Августа Эмерита («ветераны Августа») — *Мерида* (Испания); г. Цезарея Августа — *Сарагосса* (Испания).

Особенно велики изменения, когда топоним переходил через несколько языков. Так, лат. *Caesarea Augusta*, пройдя вестготский, арабский, испанский, дало *Сарагосса*. Название «вечного города» русские узнали не прямо, а при посредничестве южных славян — и вместо подлинной формы *Рима* мы употребляем искаженную *Рим*. Многократные изменения топонима, меняя его до неузнаваемости, напоминают детскую игру «телефон»: садятся в ряд и по цепи передают на ухо слово — первый сказал, например, «история», а до последнего дошло «помидор».

Прав А. И. Попов: «Не зная точно, что карельские названия *Топой-ниemi*, *Пиридой-ниemi*, *Тарала* значат соответственно «Степанов наволок», «Спиридонов наволок», «Тарасова (деревня)», определять смысл этих названий было бы очень трудно с помощью финно-карельского и русского словарей. Только благодаря второму (переводному) названию, имеющемуся на месте, в устах местного населения, точный смысл указанных нам доступен»²⁷.

²⁷ А. И. Попов. Материалы по топонимике Карелии. «Советское финно-угроведение», Петрозаводск, 1949, V, стр. 48.

Еще выразительней подытожил С. Б. Веселовский. «Пути искажения названий очень прихотливы и непонятны»²⁸.

Трудно по современной форме установить исконную. Но может быть, трудней, зная по историческому документу древнюю форму топонима, найти его на современной карте. С такой нелегкой задачей сталкивается на каждом шагу историческая наука, даже когда дело касается центральной России XV—XVI вв., не говоря уж о временах или территориях более отдаленных. Где та река *Каяла*, на которой билась с половцами рать Игоря, и если ее название уцелело, то какую форму приняло? Одни отождествляли с ней современный *Кагальник*, другие — *Куяльник*, третьи искали перевод и т. д.; решает, конечно, не созвучие названий, а расчет расстояний и другие данные, но не следует игнорировать и названия. На карте Идриси XII в. показана огромная часть нашей страны, источник неоценимый, по многим вопросам единственный, но вот беда: почти все названия спорны и даже такого города, как Киев, нельзя найти с полной уверенностью. Терпеливо распутывая клубок противоречий, акад. Б. А. Рыбаков постоянно связывает топонимы Идриси с современными. В Южном Крыму у Идриси даны названия (в скобках приведены современные): *Малиса* (мыс *Мелас*), *Джалита* (*Ялта*), *Гарзуни* (*Гурзуф*), *Бертабита* (*Партенит?*), *Лебада* (*Ламбад?*), *Шалуста* (*Алушта*), *Солдайя* (*Судак*) и др.²⁹

Но как же сопоставлять, если изменения безграничны и беспорядочны? Раз из любой формы в любом случае могла получиться любая другая, значит, нет никаких средств установить первоначальную или найти современное соответствие древней, известной по памятникам. Видимая пестрота «прихотливых и непонятных искажений» открывала простор бесконтрольным неудержимым домыслам, какими изобиловала вся история топонимики. Таким способом славянофильствовавший А. Ф. Вельтман объявил все названия славянскими (даже *гунны*, по его мнению — *кыяне*, т. е. «киевляне»). Произвол его манипуляций убийственно высмеял Н. А. Добролюбов; к сожалению, харак-

²⁸ С. Б. Веселовский. Указ. соч., стр. 28.

²⁹ Б. А. Рыбаков. Русские земли на карте Идриси 1154 года. «Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры», 1952, вып. 43, стр. 19.

теристика приемов топонимической алхимии и спустя 100 лет жгуче остра: «Они основаны на следующих весьма простых, открытых им законах языка: при переходе слов из одного языка в другой: 1) всякая гласная может превращаться во всякую гласную;... 3) во всяком слове согласно требованиям благозвучия может быть выпущена или прибавлена всякая как гласная, так и согласная, а равно и целые слоги. NB: нередко также гласные превращаются в согласные, и наоборот. Как видите, филологическая система весьма простая, и г. Вельтман пользуется ею неумолимо»³⁰.

Действительно, под такой «этимологической пыткой» (по выражению Н. И. Надеждина) из беззащитного слова можно вымучить что угодно.

Но в том-то и суть, что все бесчисленные изменения только кажутся хаосом для тех, кто не догадывается о строгих закономерностях языка. В каждом случае только определенное изменение возможно или даже обязательно, а все другие, безусловно, исключены. В современном русском языке звонкие согласные обязательно оглушаются в абсолютном конце слова или перед глухими согласными (*сад* произносится *сат*), но из этого нельзя допускать, что *Тула* из *дуло* — оглушение звонкого согласного перед гласными невозможно. То или иное изменение совершалось только в определенных языках, только в определенное время, только в определенных условиях. Без понимания этого поиск первоначальной формы — не наука, а пустая игра, опасная, если ее принимают за науку. Совершенно справедливо подчеркнул В. К. Яценский «необходимость выработать методику сопоставления данных исторической и современной топонимии, чего, к сожалению, вообще не сделано в нашей науке»³¹. Основу этому дают историческая фонетика, историческая грамматика, историческое словообразование, историческая лексика, выясняющие закономерности изменения в каждом языке, в семье языков.

Для топонимистов Поволжья, например, обязательно знать фонетические соответствия между чувашским и другими тюркскими языками. Вот соответствия чувашско-татарские: *а—и, у—а, х—к, л—ш, п—б, р—з*; одни из них

³⁰ Н. А. Добролюбов. Полное собрание сочинений, т. 3. М., 1936, стр. 350.

³¹ «Вопросы географии», сб. 31. М., 1953, стр. 283.

осуществляются во всех случаях, другие — в определенных позициях, но никогда ни один звук не заменялся «каким попало», никогда не добавлялся и не отпадал «по капризу». Изучать топонимию всей северной половины Европейской части СССР нельзя без знания финно-угорской исторической фонетики; так, мордовскому, коми, саамскому соответствует марийское *ш*, мансийское *т*; венгерскому, удмуртскому, коми *д* — мордовское *нд*, марийское и саамское *мд*; мордовскому *шт* — эстонское *зт*; мокшанскому *ш* — эраанское *ч*; финскому (суоми) и саамскому *кс* в середине слова — марийское *кш*, коми *ск*, венгерское *й* и т. д. Это различия генетические, образовавшиеся в процессе развития внутри языковых семей. Не менее важно знать соответствия при столкновении пары языков. Какие средства русского языка передает такой-то факт татарской топонимии? Что скрыто под такими-то фактами немецкой адаптации славянского топонима?

Славянские названия на обширной территории подвергались немецким изменениям в течение нескольких столетий. С обеих сторон в этом процессе участвовали различные диалекты. Конечно, соответствия не могут быть однозначными. Так, например, за немецким *-au* могли стоять славянские суффиксы *-ов* или *-ав*, а также германское *aha* «вода». Славянский суффикс *-ов* в немецком употреблении или сохранялся, или замещался *-au*, или заменялся словосложением, например, с *dorf* «деревня» (*Mostkovo* → *Brückendorf*). Немецкое словосложение замещало славянские словосочетания (*Złota góra* → *Goldberg*) и славянские суффиксальные формы. Но даже эти разные возможности все-таки весьма жестко ограничены. Вместо бесчисленных «мыслимых» изменений действительно возможны лишь совсем немногие.

Любая догадка, предлагающая первоначальную форму топонима, неубедительна, если нет доказательств каждого фонетического, словообразовательного или иного изменения, и не «вообще», а для определенного языка в определенный период. Вредны домыслы, оперирующие утверждениями вроде «*б*, как известно, легко переходит в *м*»: действительно, на месте звука *б* в определенной языковой ситуации возникало *м*, но в иной — *п*, *в*, другие звуки или «ноль звука». Доказать, что произошло именно то, а не иное изменение, можно лишь серией надежных примеров, относящихся именно к данной языковой ситуации. Чтобы

иметь право высказать топонимическую догадку, необходимо лингвистически строго обосновать все звенья в цепи изменений или оговорить их недоказанность, требующую дальнейших исследований. Домыслы, не опирающиеся на понимание закономерностей, враждебны науке.

Один из занимавшихся топонимикой возразил на это: «Какие же в языке законы, когда даже в песне поют „выбирай, какую хошь“ (вместо «хочешь»)?!».

А это и есть закон! Норма литературного русского языка допускает только *хочешь*, одни говоры — только *хошь*, другие — *хотишь* и т. д. В каждой системе именно данная форма законна (или как переходный момент — конкурирующие формы), иначе язык распадется, никто не будет понимать друг друга. Ведь нельзя произвольно, кому как вздумается, вместо этого *хошь* сказать *хол* или *шох*. Возражавший спутал законы языка с грамматическими правилами русского литературного языка. Увы, это почти общая ошибка, выносимая из средней школы. Это то же самое, как за законы физики принять правила пользования электроприборами (конечно, опирающиеся на законы физики). Изменения названий — не только «шумы» (пользуясь термином теории информации), мешающие установить связь между исходной и современной формами. Так как изменения не случайны, то они сами — красноречивые свидетельства, не менее драгоценные, чем первоначальная форма. Изучение их не подчинено непременно поиску исходных форм, а имеет и самостоятельное научное значение, составляя важный раздел топонимической науки.

В послевоенные годы, наконец, развернуты серьезные исследования, выясняющие формы немецких изменений западнославянской топонимии (лейпцигская топонимическая серия под руководством Т. Фрингса, Р. Фишера, Э. Эйхлера³², у нас — работы О. Ф. Рипецкой³³, в Польше — составленный Ст. Роспондом двухтомный словарь географических названий на землях, возвращенных Польше после разгрома фашизма, анализ турецких изменений

³² «Deutsch-Slavische Forschungen zur Namenkunde und Siedlungsgeschichte». С 1956 г. (издание продолжается).

³³ О. Ф. Рипецкая. До питання слов'янської топонімії в німецькій мові. «Наукові записки Львівського держ. ун-ту», 1955, т. 30, вип. 1; О. Ріпекка. Klassifikationsprinzipien der deutschen Toponyme slawischer Herkunft. «Onomastica Slavogermanica», Berlin, 1965, 1.

болгарской топонимии (работы И. Дуриданова, И. Заимова), итальянских изменений словенской и хорватской топонимии; крупные ученые исследуют топонимические процессы взаимодействия славяно-венгерского (И. Кнежа в Венгрии, Я. Станислав в Словакии), славяно-румынского (И. Иордан, Э. Петрович). К сожалению, по многоязычной топонимии нашей страны еще почти нет таких работ. Только по топонимии Сибири замечательные исследования А. П. Дульзона³⁴ установили соответствия кетско-тюркско-русские и другие, разрабатываемые им и его учениками. Появились первые работы по тюркско-русским топонимическим соответствиям (Р. Х. Субаевой по татарско-русским, Г. Е. Корнилова по башкирско-русским), несомненно в близком будущем все тюркские языки будут охвачены такими исследованиями. Едва начата эта работа по финно-угорской топонимии, кроме отдельных замечаний только труды А. И. Попова и А. К. Матвеева кладут ей начало.

По большинству языков нашей страны топонимисту в таком исследовании пока еще не на что опереться, так как историческая фонетика и историческая грамматика разработаны только по немногим языкам, а историческое словообразование делает лишь первые шаги.

Сосуществование названий

Один и тот же лес между двумя селами западной Ульяновска (Среднее Поволжье) в с. Тетюшском знают как *Мокрый Куст*, а в д. Загудаевка только как *Колки*. В том же районе речку, текущую от д. Анненково к с. Грязнуха, называют в Анненкове *Грязнушка*, а в Грязнухе, наоборот, *Анненковская речка*. Такой же факт приводил Г. Н. Потанин: «На Алтае бывает такие случаи, что две деревни, стоящие у подножья одной и той же горы, только с разных сторон, называют ее двумя именами»³⁵.

³⁴ А. П. Дульзон. Былое расселение кетов, по топонимическим данным. «Географические названия». М., 1962; Он же. Вопросы этимологического анализа русских топонимов субстратного происхождения. «Вопросы языкознания», 1959, № 4.

³⁵ Г. Н. Потанин. Юго-западная часть Томской губ. в этнографическом отношении. «Этнографический сборник Русского географического об-ва», СПб., 1864, вып. 2, стр. 45.

Теперь подобные факты кажутся странными. Но ведь они были не исключениями, а общим правилом в эпохи, когда население жило замкнутыми общинами.

Такие явления еще и теперь обычны, и не в отношении мелких объектов, а самых крупных, называемых различно у различных народов. Реку *Обь* ханты называют *Ас*, уральские татары — *Умор* или *Омар*, ненцы *Купи* или *Ауай*, зарегистрированы и другие названия ее — *Яг*, *Колта*³⁶. Страна, которую мы называем *Германия*, по-немецки называется *Deutschland*, по-французски *Allemagne*, по-польски *Niemcy*, по-литовски *Vokietija*, по-фински *Saksa*, по-курдски *Lemsistan* и т. д.

«Часто случалось, — указывает Ф. Энгельс, — что соседние племена давали племени имя, отличное от того, которым называло себя племя, подобно тому, как немцам их первое историческое общее название германцы дали кельты»³⁷. Ни русское название *Китай*, ни все иные названия Китая, данные другими народами, например франц. *Chine* (Шин), англ. *China* (Чайна), нем. *China* (Хина), не имеют ничего общего с самоназванием этой страны. Необходимо различать самоназвание и название, данное со стороны. Их обычно смешивают. Лектору, читавшему о космосе, задают вопрос: «Допустим, приборами измерили яркость звезд и расстоянья до них, но как узнали их названья? Ведь там никто не был!» К сожалению, многие топонимические работы точно так же принимали все названья за самоназвания и строили на этом совершенно ошибочные выводы.

Немало территорий, на которых почти вся топонимия дублирована — почти каждый объект носит два названия, принадлежащие двум языкам. Это происходит при двуязычии, например на той территории юго-востока ГДР, где население говорит и на немецком языке, и на лужицком (славянском): *Будышин* — *Бауцен*, *Хотебож* — *Коттбус* и т. д. Как раз на примере лужицко-немецкого топонимического двуязычия очень хорошо показал В. Шпербер, что в каждой паре члены соотнесены не друг с другом, а каждый — с той языковой системой, которой принадлежит,

³⁶ «Списки населенных мест. Тобольская губерния». СПб., 1871, стр. 19.

³⁷ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1937, стр. 208. Последнее издание вышло в URSS в 2010 г.

и таким образом соотнесены парно не отдельные названия, а две топонимические системы³⁸.

Различия дающих название — не единственная причина разноназванности объекта. Есть и другие причины, почему у одного объекта оказывается несколько названий.

Объект обладает различными аспектами. Одну и ту же местность без ущерба для понимания можно обозначить по-разному, например *восточная часть Ульяновской области*, или *Заволжье*, или *Левобережье*, или прямо перечислить составляющие ее административные районы и проч.; на каждую территорию последовательно наслаивались различные названия (к тому же в несовпадающих границах), некоторые сохранялись, образуя перекрестные или синонимические ряды. Так, *Киммерия* — *Таврия* — *Крым* не просто вытеснили одно другое, а в какой-то мере, хотя и неравной, продолжали еще сосуществовать с одним топонимическим значением, но разной стилистической окраской (в русской поэзии от Ломоносова до наших дней). Аналогично употребление *Галлия* вместо *Франция* и т. п.

Еще причина многоименности объекта — переменчивое соотношение его частей. Всего проще понять это на гидронимах. Наше представление о единстве реки на всем протяжении, например Волги от оз. Селигер до Каспийского моря, — не всеобщее. Многие реки на разных отрезках называются по-разному у различных народов, например Меконг — огромная река на юге Азии. Влияла и разобщенность, отсутствие необходимости в едином названии и другие причины, которые рассмотрены в других главах.

Это относится не только к рекам и даже не только к пространственным объектам. Небольшой населенный пункт тоже объект не простой: его название может обозначать место, или строения, или жителей, а эти названия не всегда совпадают. Многие населенные пункты теперь чаще упоминаются под производственным названием, которое успешно конкурирует с более ранним: не д. *Ивановка*, а *колхоз «Победа»* или даже *3-я бригада*.

Наконец, есть случаи топонимической синонимии и в результате ошибок: Беринг, открыв возле Аляски остров, назвал его *Туманным*, вслед за ним Ванкувер попал туда

³⁸ W. Sperber. Zum Verhältnis zwischen sorbischen und deutschen Flurnamen in der zweisprachigen Lausitz. «Zeitschrift für Slawistik», Berlin, 1963, VIII, № 4, стр. 515—524.

же, но считая, что о-в Туманный лежит западней, решил, что открыл другой остров, и дал ему другое название. Фритъоф Хансен открыл группу островов севернее Земли Франца-Иосифа и два из них назвал именами своих дочерей *Ева* и *Лив*, но в 1932 г. советские полярники установили, что это один остров — так на карте Арктики появился двуименный остров *Ева-Лив*.

Особенно обильны многоименные селения были в Среднем Поволжье, где столкнулись все основные факторы разноименности — и национальная пестрота, и различные социальные типы названия. В Семеновском Заволжье с. *Рамень* значилось «она же *Великуша*, *Маличи*, *Кутмарь* тож»³⁹. Ближе к Казани — д. *Усадки*, или *Лакреиха*, а по старинному *Старобоярское*; села «*Аккозино—Малый Сундырь* — *Троицкое* тож»⁴⁰. В бывш. Лаишевском уезде — д. *Чемодуровка*, она же *Дертюли*, *Никольское*, *Зюзино*; в бывш. Тетюшском уезде — д. *Апанасово*, она же *Тимяши*, *Кибесь*, *Алексей-ял*⁴¹. Этнограф и топонимист И. А. Износков констатировал, что большая часть населенных местностей Казанской губернии имеет по два или несколько названий⁴². Так было и в соседних губерниях: в бывш. Ставропольском у. Самарской губ. — д. *Средняя Бесовка* (*Дадьяново*, *Петровское*, *Гузномойка*), северо-западнее Симбирска с. *Анненково* (*Воскресенское*, *Черемховый ключ*), в бывш. Инсарском у. Пензенской губ. — с. *Акшенас* (*Тресвятское*, *Княжуха*). Все это не исключения, а почти правило. Некоторые селения имели по пять названий: в левобережье Среднего Поволжья д. *Фомкино—Осиновый куст—Вершина Ерыклы—Новая Ерыкла—Андреевский враг*. И это не предел. Далеко от Поволжья, северней Одессы, одно село имело шесть названий: *Нововоскресенка—Анновка—Приотово—Бабанина—Безруково—Скачевское*. Это приводило к путанице. В середине XIX в. «Свод материалов по кустарной промышленности в России» перечислял селения Козьмодемьянского у. Казанской

³⁹ А. С. Гацинский. Красная Рамень. «Сборник в память I Русского статистического съезда», вып. 2. Н.-Новгород, 1875, стр. 515.

⁴⁰ «Приволжские города и селения в Казанской губернии». Казань, 1892, стр. 55.

⁴¹ Там же, стр. 35.

⁴² И. А. Износков. Какие могут быть сделаны выводы из названий населенных местностей? «Труды III Археологического съезда», Киев, 1878, т. II.

губ. с развитым валяльным промыслом: *Пернягаши*, *Пайгугово*, *Пайгусова гора*, *Церковное*, *Церка-сола*, *Христорождественское*, *Пинель*. На самом деле это не семь сел, а одно-единственное, но под разными названиями. Ошибку эту повторил в печати И. А. Износков, он же обнаружил ее и написал об этом⁴³.

Теперь почти все эти топонимические синонимы забыты: в каждом случае победило одно, вытеснив все остальное.

Такое количество примеров приведено намеренно и не столько, чтобы доказать, как часта многоименность объекта, сколько, чтобы показать, из чего складывается эта многоименность. Селенье имеет народное название — *Черемховый ключ*, *Усадки* или по забытому владельцу (из писцовой книги 1686 г.: «село Никольское, а по крестьянскому званию Собакино»), зачастую не из русского языка; другие названия — по помещикам, порой несколькими; наконец, название по церкви, которому в XVIII в. правительство отдавало предпочтение.

До чего доводила путаница, порожденная разными названиями одного объекта, показал А. М. Дирр на примере этнонимии Кавказа. Долго представляли разными народами кистинов, меджигов и чеченцев, тогда как это лишь разные названия одного народа. «Было известно громадное количество названий, но неизвестны народы, их носившие, многие народности не были известны под названием, которым они сами себя называли, а под тем или теми, которые им давали соседние народы»⁴⁴. Дошло до того, что в нашем столетии солидный зарубежный справочник привел отдельно три с половиной миллиона грузин и три миллиона георгиев, не догадываясь, что это и есть грузины, только почему-то с разницей в полмиллиона.

Сосуществование двух или многих названий одного объекта — в сущности то же, что и последовательная замена их во времени. Сосуществование разных названий объекта — лишь момент подвижного равновесия их, сколько бы он ни длился. В непересекающихся средах

⁴³ И. А. Износков. О названиях населенных мест. «Сборник в память I Русского статистического съезда», вып. 2. Н.-Новгород, 1875.

⁴⁴ А. М. Дирр. Современные названия Кавказских племен. «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», т. 40. Тифлис, 1909, отд. 3, стр. 1.

он может продолжаться века, но чем теснее связь между употребляемыми разными названиями, тем скорее утвердятся одно общее, вытесняя все другие или придавая им побочные функции (например, стилистические, как в случае с употреблением *Таврида* и *Киммерия* в качестве поэтических заменителей к *Крым*). Сосуществование — момент перехода в той его фазе, когда еще одно не вытеснило другого. «Всякое равновесие лишь относительно и временно», как формулировал Ф. Энгельс в заметках к «Диалектике природы»⁴⁵. Это очень существенно, так как обязывает рассматривать разноименность не статически, а как процесс, в движении.

При каждой смене названия есть такой период сосуществования старого и нового. Различна только его длительность и соотносительная сила обоих названий. В 1918—1920 гг. отмененные дореволюционные названия удерживались не только по инерции. Нет принципиального различия между сосуществованием названий и заменой. Только в одних случаях вытеснение протекает медленно, в других быстрее.

Если перенос названия на другой объект создает топонимическую омонимию, то сосуществование разных названий создает топонимическую синонимию. Это не омонимия и синонимия нарицательных. Топонимически синонимичен *Повгороду* не *Неаполь*, тоже «Новгород», а *город на Волхове* (тождество географического объекта).

Смена названий

Наши крупнейшие реки на глазах истории трижды и больше меняли свои имена: *Ра—Итиль—Волга, Истр—Данубий—Дунай*. Менялись имена морей: ныне *Каспийское* в средние века называлось *Хвалисским*, в древности *Гирканским*, не считая еще многих менее известных имен его; *Балтийское* называли *Свейским (Шведским)*, а до того *Вендским*, немецкое название его *Остзее*, тоже не первое.

Названия городов сменялись еще чаще: *Диоскурия—Себастополь—Цхуми (Сухуми)*; древний *Визант—Визан-*

⁴⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, Изд. 2, стр. 562.

тия с торжеством христианства переименовали в *Константинополь*, а после турецкого завоевания — в *Иstanbul (Стамбул)*. Даже за более короткий отрезок времени город называли трижды: *Санкт-Петербург (1703)—Петроград (1915)—Ленинград (1924)*. Не такая уж редкость трехкратная смена названия и на глазах одного поколения: *Мечетное—Николаевск—Пугачевск* (в Нижнем Поволжье), *Ганджа—Елизаветполь—Кировабад* (в Азербайджане).

Переименования — не исключенья, они очень часты в истории названий.

Известны 14 сменявшихся названий города *Стара Загора* в Болгарии, среди них фракийское *Берое*, римское *Августа Трояна*, турецкое *Ески Хисар* и др.

Чем вызваны замены названия?

В этом проявлялось и грубо высокомерное пренебрежение к другим народам, убежденность в собственном превосходстве над всеми другими народами. Русский кругосветный путешественник Ф. П. Литке гневно писал о «мореплавателях XVI и XVII вв., имеющих особенную страсть давать свои имена землям и местам, уже прежде открытым и названным»⁴⁶. Другой выдающийся русский мореплаватель адмирал Головин возмущенно рассказал, как англичанин Милс в 1786 г., понав в Кенайский пролив (между Аляской и островом Кадьяк), «не знал, где он, доколе русские к нему не приехали и не сказали, что он в проливе, которым может пройти безопасно; он по их наставлению прошел пролив и весьма наглым образом счел его своим открытием и даже дал ему свое имя»⁴⁷, — ныне это пролив *Шелехова* в память замечательного русского землепроходца.

Завоеватели, присоединив чужие земли, давали там свои названия, и не только из-за удобства называть на своем языке, а из политических соображений, чтобы стереть память о прежней независимости страны и закрепить свое господство. Захватив в конце XIX в. Корею, японские империалисты бесцеремонно заменили там названия всех крупных городов на японские: Пхеньян превратился в Хэйдзио, Хамхын — в Канку, Сеул — в Кейдзе и т. д. Голландские колонизаторы, хозяйничая в Индонезии, презри-

⁴⁶ Ф. П. Литке. Четырехкратное путешествие в Северный Ледовитый океан, ч. I. СПб., 1828, стр. 2.

⁴⁷ В. М. Головин. Сочинения, т. III, СПб., 1864, стр. 121.

тельно зачеркнули древнее название *Джакарта* и установили собственное — *Батавия* (батавы — этноним далеких предков голландцев на рубеже нашей эры).

Высочайшая вершина мира гора *Джомолунгма* в Гималаях, тысячелетия носившая это название, с прошлого столетия превратилась на всех картах в *Эверест* — так переименовали ее владевшие Индией англичане в честь чиновника, управлявшего картографическим учреждением; даже буржуазная печать отметила, что Джон Эверест, которому услужливые подчиненные преподнесли «в подарок» высочайшую вершину, «имел дело не с горами, а с бумагами».

Карта мира исписана колонизаторами, заменявшими подлинные названия на свои. Герой романа Ф. Купера «Зверобой» (действие происходит в Америке XVIII в.) недаром связывал такие переименования индейских местностей с судьбой коренного населения: «Я рад, что у этого озера еще нет имени, данного бледнолицыми: ведь если они крестят по-своему какую-нибудь местность, это всегда предвещает опустошение и разоренье».

Вырывая друг у друга награбленное, империалисты заменяли в колониях названия, данные соперниками, — португальские на французские, голландские на английские и т. п. Основав в 1626 г. город на американском побережье, голландские переселенцы назвали его *Новый Амстердам*, но спустя 40 лет его отняли англичане и переименовали в *Нью-Йорк* (т. е. *Новый Йорк*, в честь герцога Йоркского — по его городу в Англии).

Смена названий происходит и в рамках одного языка, одного народа, отражая социальную борьбу. Только ее идеологическое отражение диктовало в XIV в. замену названия болгарской столицы *Средец* на *София*.

Так как топоним выполняет не только свою прямую адресную функцию, а и идеологическую, то в моменты обострения борьбы эта окраска выступает ярче. При этом вовсе не обязательно, чтобы старое название было идеологически резко окрашено по своему происхождению. Нет, этимологически вполне нейтральное или вообще неизвестное, оно могло так тесно ассоциироваться с ненавистным строем, что оказалось нетерпимым для преемников.

В 622 г. Мухамед, основатель ислама, преследуемый религиозно-политическими противниками, бежал в гор. *Ясриб*, который его приверженцы стали после этого назы-

вать *Медина-аль-Наби*, арабск. «город пророка» (позже упростилось в *Медина*), а название *Ясриб* сделалось запретным и каждый мусульманин, произнесший его, должен был трижды просить прощения у Аллаха.

Крестьянская война, руководимая Пугачевым, грозила смести монархию и весь крепостнический строй. Победа царских войск, утопив восстание в крови, не ослабила ненависти народа. Сама память народа о борьбе оставалась грозной силой, и чтобы стереть ее, Екатерина II приказала переименовать реку *Яик* в *Урал*. Невинная этимология гидронима не содержала ничего антиправительственного, но название реки, ставшей очагом народной борьбы, превратилось в символ, опаснейший для власти.

Идеологичность переименований ярка в случаях чрезвычайно частых. У многих народов медведя называют *лесной*, *бурый*, *хозяин* или каким-либо другим словом. Подобное происходит и в топонимии. Очень важно наблюдение В. А. Казакевича: «Вся территория, занимаемая монгольскими племенами в Центральной Азии, покрыта тысячами священных гор. Таковыми могут быть снеговые гиганты и горы средней высоты, а иногда даже простые холмики... Священные горы делятся на «добрые» и «злые», то есть могущие насыпать счастье и несчастье. В последних случаях горы стараются умиловить особыми молебнами и жертвоприношениями. В серьезных случаях прибегают к перемене названия горы, и в Монголии очень мало гор, сохранивших свои старинные названия. Мистическое отношение к горе переносится и на ее имя. Если не перестают происходить несчастья в виде болезней людей или падежа скота, а перемена названия горы и никакие умиловительные жертвы не помогают, то имя перестают произносить вовсе, заменяя его словом «миленький», «любезный». Возможно, что в прежние времена существовал особый институт табу и нарушители его карались, но ныне подобное явление поддерживается лишь обычаем и стремлением к самосохранению, являющимся пережитком табу... Существуют случаи, когда истинного имени никак нельзя добиться от проводника»⁴⁸.

Частный случай замены названия — восстановление прежнего. В некоторых случаях это продиктовано реакци-

⁴⁸ В. А. Казакевич. Современная монгольская топонимика. П., 1934, стр. 9.

онными реставраторскими побуждениями. Но благородна задача восстановить в правах попорченные захватчиками национальные названия или вернуть народные названия, отброшенные господствовавшей верхушкой. После разгрома фашизма славянские народы, вернув земли, находившиеся под иноземным гнетом, восстановили во всех случаях, когда было возможно, древние славянские топонимы. Огромная работа проведена в Польше, где заменено 32 тысячи названий, в Чехословакии и в Югославии⁴⁹.

Сбросив колониальное иго, народы Азии и Африки возрождают названия, стертые с карт колонизаторами. Возвратила свое древнее имя *Джакарта*, столица Индонезии. В Африке освободившиеся колонии, завоевав независимость, избрали своими названиями названия былых могущественных негритянских государств *Гана* и *Малави*.

В каждом случае только анализ конкретно-исторической ситуации позволяет определить, прогрессивно или реакционно восстановление прежнего названия. В современных условиях взаимосвязанности исторических процессов во всех странах земного шара такой анализ может исходить только из отношения к основному противоречию современности.

Иногда в прошлом возобновление замененного топонима повторялось неоднократно. Г. Грум-Гржимайло описал многовековую поединок двух названий старой столицы провинции Ганьсу (в Западном Китае), к сожалению, не раскрывая причин их чередования. В 131 г. н. э. построен китайский город *Чжан-е*, в следующем столетии при смене правительства он получил название *Ганьчжоу*, но уже в конце того же III в. при Цзянях стал вновь именоваться *Чжан-е*; императоры Танской династии три раза меняли эти названия одно на другое, последний раз в 758 г., а через несколько лет, при тибетцах, утвердилось снова *Ганьчжоу*, до 1025 г., когда завоевавшие город тангуты дали ему название *Чжэн-и-цзюнь*. Только в XIII в., разрушенный Чингисханом и затем восстановленный, он опять вернул название *Ганьчжоу* и удержал его поныне. Но и наименование *Чжан-е* держалось — так еще до XX в. именовался его уезд.

⁴⁹ В. А. Никонов. Послевоенные работы по топонимике в славянских странах. «Краткие сообщения Ин-та славяноведения АН СССР», 1960, вып. 28 (специально по этому вопросу — стр. 95—97).

Порой заменяются действительно безразличные названия — не потому, что они стали плохи, а потому, что возникла потребность дать идеологически-актуальное название. Таким образом, замена одного названия другим бывает обусловлена или активным отрицанием прежнего, или необходимостью предлагаемого, или и тем и другим. Конечно, названия «борются» между собой вовсе не как живые существа. Это лишь метафорическое выражение. Они лишь служат оружием борющихся общественных групп. Чтобы не заслонять этого, может быть, лучше пожертвовать дешевой «красочностью» ходячих выражений, что топонимы рождаются, борются, умирают.

Понятно, что всего резче заменяются названия в переломные моменты истории. Поэтому менее изменчива топонимия территорий, небогатых событиями. Полярный исследователь Ф. П. Литке отмечал в Арктике «неизменность, с каковою в этой стране данные однажды названия переходят из рода в род». Конечно, чаще заменяются названия, социальные связи которых наиболее резки. Вот почему названия населенных пунктов и государств менее устойчивы, чем у физико-географических объектов, чьи названия «нейтральной» в общественной борьбе.

Естественны изменения названий при изменениях самих объектов, например, слияние нескольких населенных пунктов в один. Так, в 1929 г. объединены два значительных города на западе Германии, фактически слившиеся — *Бармен* и *Эльберфельд*, они образовали в сущности новый город, который и получил новое название — *Вупперталь*.

Зная эти различные причины замен, можно проследить, как изменились названия конкретного объекта. На месте современного областного центра Иваново к середине прошлого столетия гнездились отдельные селения, развивавшиеся с ростом текстильной промышленности. Разросшиеся слободы Ильинская, Воробьевская, Дмитровская, Вознесенская, Троицкая фактически слились и в 1853 г. объединены в посад *Вознесенск*. Рядом разрасталось промышленное село *Иваново-Козма*. Они составили единый населенный пункт — в 1873 г. из них образован город *Иваново-Вознесенск*, в 1932 г. переименованный в *Иваново*. Тут и изменения объекта, и изменения собственно названий, и их замена (тоже по разным причинам).

Так как для топонима обязательна только его прямая, «адресная» функция, и факультативны идеологические

значения — дотопонимическое ли (этимологическое), или оттопонимическое (производное от роли объекта), то и сплошная замена топонимов не обязательна ни при этнических, ни при классовых переменах. Рассмотренные виды замен — только возможности, которые могут осуществляться или не осуществляться.

Исторические причины определяют, почему в одних случаях происходит сплошная замена, в других — частичная, в третьих вообще не требуется замены. В Америке, где колонизаторы истребили почти всех коренных жителей, а оставшихся согнали с их земель в особые «резервации», однако, удержалось много индейских названий, их гидронимы стали и названиями крупных городов (*Чикаго*), и даже многих штатов (*Миссури, Иллинойс, Огайо* и др.). Бродяга Марч из упомянутого романа Ф. Купера «Зверобой» с горькой иронией заметил о пощаженном колонизаторами названии реки Саскуэханна: «Я рад, что они сохранили название, данное краснокожими. Было бы слишком жестоко отнять у них вместе с землей и название».

Конечно, не из фарисейской «жалости» оставили хватчики индейские названия, а было им не до того и название служило только адресным знаком, идеологически же если служило, то своей заманчивой экзотикой. Действовала еще одна очень сильная причина: национальная пестрота колонизаторов. Предпочтень французское, английское или немецкое название штата — дать преимущество одной из соперничающих групп в ущерб другим, которые с этим не примирились бы. В такой острой конкуренции индейское название, когда индейцев вытеснили, оказывалось единственно нейтральным. Уцелели до наших дней и продолжают безотказно выполнять свои топонимические обязанности в наши дни античные топонимы *Босфор, Каркинитский залив, Калиш*, несмотря на неоднократные мощные передвижения народов и грандиозные социальные перевороты. История вообще ничего не делает без необходимости.

Великая Октябрьская социалистическая революция не уничтожала все старые названия подряд, хотя и были кое-какие левацкие заскоки в этом духе мелкобуржуазных «революционеров фразы», чей словесный радикализм только уводил от подлинной борьбы с врагами. Названия *Урал* или *Ростов*, хотя и служили и капиталистическому и фео-

дальному, хорошо служат строю социалистическому. Какая же нужда тратить силы и средства, чтобы огульно заменять все их без разбора? Пока не возникнет необходимое название, в котором будет нуждаться объект, прежние могут не только отлично выполнять свою «адресную» роль, но и наполняться новым идеологическим содержанием: лучший пример — топоним *Москва*. Любителям массовых переименований надо напомнить и о том, что каждое переименование очень дорого обходится и государству, и населению: надо заменять не только все вывески и печати, а и справочники, провести поголовную перепись жителей, да еще и много времени спустя приходится расплачиваться за неизбежные недоразумения, как недошедшие письма или напрасно потерянное время в поисках нужной улицы.

В потоке переименований у нас допущены излишества и загибы. Но сам процесс этот неизбежен, необходим. Есть противники переименований вообще. Они неправы. На чем основаны их возражения? Верно, что среди переименований есть бестолковые и безграмотные. Против них и надо возражать. Защитники неприкосновенности всех старых названий не задумываются, что многие названия, кажущиеся священными в силу привычки, тоже рождены бестолковостью и безграмотностью, а новые, приводящие в отчаяние, через полвека станут исторически драгоценными. Топонимы необходимо собирать, записывать, чтобы сберечь от забвения красноречивые памятники, но люди не хотят жить в музее. Юрта и курная изба — тоже неоценимые памятники истории, но ни один противник переименований не захочет вернуться из современной квартиры в юрту предков. Нет никакой нужды оберегать все *Соплепки* и *Мазары*. Эти попытки обречены. Жизнь идет, ее потока не остановить заклинаниями. Разрастаются города. В 1961 г. в городскую черту Москвы включены бывшие пригороды Кунцево, Люблино и мн. др. А в каждом из них были улицы *Октябрьская, Советская, Новая* и другие повторяющиеся. В Москве оказалось множество одинаковых названий, затрудняющих работу связи, «скорой помощи», пожарной охраны. Пришлось спешно заменять 800 дублирующих названий улиц и переулков. Такие массовые переименования неизбежны и впредь.

Значит, нужно пристально изучить современный процесс переименований, выяснить его основные черты,

разобраться в них, отделив здоровое, прогрессивное от наносного, вредного, т. е. противопоставлять не старые — новым, а плохие — хорошим. К сожалению, в этом не всегда разбираются.

Проект переименований, представленный Рязанским областным исполкомом, содержит 126 пар названий. Почему переименовывают? Одни из переименований продиктованы потребностью увековечить память о дорогих народу именах: уроженец д. Куровщино Герой Советского Союза Н. М. Красиков погиб в Отечественную войну, его родную деревню решено назвать *Красиково*, а д. Насурово переименовать в д. *Каширино*, в память о Герое Советского Союза А. И. Каширине, родившемся в ней. Переименования, продиктованные такой причиной, составляют только 3% всего списка. Причины всех остальных замен лежат не в предлагаемом названии, а в прежнем. 10% заменяемых названий одинаковы с другими имеющимися в том же районе (*Ивановка, Александровка* и проч.), конечно, они создавали путаницу и для населения, и для работы почты и всех других учреждений. Основная масса переименований вызвана неприемлемостью имевшихся названий. 13% — названия по фамилиям или именам помещиков и кулаков, 2% — религиозные (*Боголюбовка, Богословка*), 22% — наименования производственных объектов (*2-е отделение совхоза им. Горького; Поселок лесомашинной станции*). Почти 50% в мотивировке обозначены как «неблагозвучные». Никакого неблагозвучия в них нет, под это неудачное определение работники, мало сведущие в русском языке, подвели все неприятное по различным причинам (в эту рубрику отнесли и д. *Потерянный Рай* Шацкого р-на — теперь она будет называться пос. *Мирный*). Оскорбительны для жителей *Дурышкино, Дурнясево, Самодуровка, Пупки, Лопухи, Слюнино, Жабье, Собачье, Собакино, Крысино, Кобыльское, Таракановка, Попадьино, Дьяконово, Лупиловка* и многие тому подобные, независимо от их происхождения. Правда, только некоторые из этих топонимов были бранными, остальные произошли из фамилий, но существенна не этимология, которая для населения полностью утрачена, а те живые смысловые ассоциации, которые название вызывает у каждого сегодня. Поэтому можно не оспаривать и замену названий, ни в чем не повинных, но совпадающих со словами нежелательного значения: д. *Конуры*, конечно, не *конура*, это

мордовское название с суффиксом *-ур*, обозначающим место (как русск. *-ище*); д. *Корь* не имела никакого отношения к детской болезни, древнерусское нарицательное *корь*, означавшее разновидность леса, очень часто в топонимии Среднего Поочья — с. *Мокрый корь* и др.; д. *Хомут* — из нарицательного в значении «изгиб реки»; д. *Ливер* не имела ничего общего с английским словом, теперь означающим у нас вид мясопродуктов. Эти названия можно было бы и не заменять, если бы население знало топонимические этимологии. Но ведь невозможно требовать от всех знать то, чего и почти никто из лингвистов не знает. Такова и замена названия р. *Моча* в Куйбышевском Заповье на *Чапаевка* (по г. Чапаевску). Еще обширней список переименований 1964 г. по Калужской обл., и тоже правы жители, ходатайствующие о замене названий их селений *Свиная, Кобылино, Крокодиловка, Ослинка, Свиногово, Вишка, Гнидино, Голосиловка, Пузеевка, Глушеево, Дурнево, Дураково, Блевково, Пузаки, Погореловка, Оболдуевка, Святой Колодец, Богослово* и т. п. Пусть даже если этимологически название происходит не из *кобыла*, а из *Кобылин*, — кому это приятно?

В таких случаях трудно возразить против замены. Но допущены и ошибки. В Ульяновске улицу, на которой родился И. А. Гончаров, названную его именем, ухитрились переименовать; только спустя несколько лет ей возвращено памятное название. Не следовало трогать айских названий на Южном Сахалине. Зуд массовых переименований мешаает подойти к названиям внимательно, разобраться в них.

Серьезной обдуманности, а не административного восторга требует и выбор нового названия. К сожалению, к этому не везде относятся с чувством ответственности. Некоторые новые названия даже хуже прежних. Субъективистский произвол периода культа личности породил немало названий непригодных, вскоре заменявшихся снова. Были среди них многочисленные именные, сменявшие друг друга. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 11 сентября 1957 г. (см. Приложение) положил конец этой чехарде, запретив называть географические объекты именами государственных, общественных, культурных деятелей при их жизни. Но и сейчас еще не устранена коренная беда. Новое название выбирают вслепую, не имея никакой подготовки для этого и полагаясь только на собст-

венный вкус и должностное положение. Но уж не говоря о том, что не у всех развит хороший вкус, он вообще субъективен. Одному нравится одно, другому — другое. Необходимы объективные критерии: каким требованиям должно отвечать название? Отвечать интересам народа! Единство советского народа исключает появление названий, враждебных или оскорбительных, но по необдуманности еще возникают весьма двусмысленные. В Калужской обл. были деревни *Червяки* и *Кулаковка*; в 1964 г. облисполком представил предложение переименовать их в *Небесная* и *Знаменка*; называвшие подразумевали космос и знамена, а получились названия религиозные.

Плохо, если топоним трудно выговорить. Ведь на месте приходится часто употреблять его, да еще производить от него прилагательное и наименование жителей. Неудачны длинные, громоздкие названия. Плоды кабинетного творчества — пос. *имени XIV МЮД* или улица *Восемьсот лет Москвы*, в 20-х годах в Елань-Коленовском р-не наименовали населенный пункт *Международное коммунистическое движение*. В деловой повседневной речи они практически непроницаемы. Невозможно образовать от них производные. Вспоминается из опубликованных записных книжек сатириков И. Ильфа и Е. Петрова «улица Памяти злодейского убийства Карла Либкнехта и Розы Люксембург». Простота названия — не самоцель, но и лучший по содержанию топоним — не находка, если пользоваться им трудно.

Необходимо следить, чтобы топонимы не повторялись. Иначе неизбежна опасная путаница. Теперь стараются, чтобы в районе не было двух одинаковых названий. Но границы районов не очень устойчивы и при каждом изменении их опять в районе оказываются селения-тезки.

Эти три требования минимальны. Не удовлетворяющее им название плохо. Но их недостаточно, чтоб признать название хорошим. Хорошо, если название подходит именно вот к этому объекту. А то переименовали в Калужской обл. деревню в *Таежная*. Трудно понять, почему другие деревни под Калугой недавно получили названия *Весенняя* и *Лучистая*. Желательно найти такое, чтоб оно подходило именно вот этому населенному пункту. Хорошо, что бывшая *Дешовка* (в Козельском р-не), где не раз отдыхал Фурманов и писал роман «Чапаяев», переименована в *Фурманово*, оправданно переименована рязанская деревня *Ло-*

пухи во *Фрунзенская* — М. В. Фрунзе был в ней. Непростительное самодурство допускали переименователи на Сахалине в период культа личности с его нарушениями демократии: исчерпав знакомые имена, не могли ничего придумать. «Хоть с потолка бери!» — вздохнули. — Вот и назовем «Потолочное!» — радостно подхватила комиссия. Так карту украсило с. *Потолочное*. Об этом рассказал Ю. К. Ефремов, докладывая в Географическом обществе о топонимии Сахалина. Теперь, как он сообщил, там пришлось снова заменить больше 70% названий, исправляя нелепые плоды произвола.

Еще и сегодня переименования подчас придумывают в канцеляриях, даже не поговорив с самим населением, тогда как в этом деле решать должен голос общественности. Широкое обсуждение каждого переименования должно стать повсеместно обязательной нормой.

ТОПОНИМИКА И СМЕЖНЫЕ НАУКИ

Топонимика — особый раздел языкознания, пересекающийся с историей языка, диалектологией, этимологией, лексикологией и другими разделами лингвистики, неразрывно связанный с историей, географией, этнографией.

На наших глазах происходит не только дифференциация наук, выделяющая все новые и новые отрасли, а и интеграция их — рождаются такие науки, как геохимия, геофизика и даже астроботаника, хотя пока еще и спорная (изучение растительного мира других планет). И топонимика формируется с участием различных наук. В выступлении на совещании «Принципы топонимии» (Москва, 1962) Б. В. Горнунг предложил различать ситуации, рождающие науку пограничную, от ситуаций, рождающих науку комплексную, как топонимика¹.

Однако это не означает, что участие всех заинтересованных наук одинаково. И дело не в величине вклада каждой, а в том, что участие каждой принципиально различно. Топоним не существует без называемого объекта, а объекты изучает география (за исключением вымышленных, как *Утопия* у Томаса Мора, *Доногоо-гонка* у Жюль Ромэна и т. п., созданные творческим воображением). Потребность же в топонимах, их содержание, их перемены продиктованы историей, но только через язык. Название — слово, факт языка, а не географии и не истории непосредственно. Но факт специфический, для изучения которого лингвистические знания без специально-топонимических совершенно недостаточны (как недостаточны они, чтобы лексикологу братья за фонетику или за синтаксис).

Тому, кто берется за исследование топонимии, мало

¹ «Принципы топонимии». М., 1964, стр. 124—126.

быть лингвистом, или географом, или историком. Он обязан быть топонимистом.

От вопроса о методе науки отличается вопрос о применении ее. Как и споры о том, «кому принадлежит топонимика», возвращают к вчерашнему дню споры «кому служит топонимика». Нередки высказывания, объявляющие ее вспомогательной исторической дисциплиной. На это справедливо обрушился глава славянских топонимистов Витольд Тапицкий². Действительно, топонимика служит для исследования истории, но не только истории. Математика необходима для астрономии или машиностроения, но нельзя назвать ее вспомогательной астрономической или машиностроительной дисциплиной. Ошибочно рассматривать топонимику как иллюстрацию к диалектологии или исторической лексикологии и т. д., хотя всем им ее данные необходимы при неременном условии учитывать ее специфику: нельзя привлекать топонимы наравне с другими словами, не делая различия между ними, это неизбежно обрекает на горькие ошибки. В сотрудничестве с другими отраслями знания топонимика выступает как самостоятельная наука и служит, например, диалектологии или археологии, как они служат ей.

Немало бед принесли упрощенные представления об «увязке» наук, как всегда, когда, не задумываясь, твердят кажущееся ясным. Часто повторяют, что только взаимное подтверждение данных топонимии археологическими, этнографическими и т. д. обеспечивает достоверность. Но готовы ли сейчас науки-смежницы ко встрече? Карты археолога, антрополога, диалектолога, топонимиста трагически неполны и изменчивы. Каждое десятилетие существенно меняет их. Наложив топонимическую карту на археологическую, допустим, получим тождество какого-либо топонимического ареала с тем или иным археологическим. Предположив, что найдена некая общность, делаем необходимые выводы, строя систему (раз этот элемент приурочен к определенной культуре, следовательно, другие определяем относительно его). А тем временем фактический материал археолога и топонимиста пополнился и оба ареала оказались совершенно несопоставимы; построение рушится, а в науке-смежнице оседают пережиточные ошибки,

² В. Тапицкий. Место ономастики среди других гуманитарных наук. «Вопросы языкознания», 1961, № 2.

еще долго мешая найти верный собственный путь. Поспешное и некритическое «перекидывание мостиков», навязывая науке выводы, не опирающиеся на ее материал, приводило к вулгаризаторским фантазиям, за которые приходилось дорого расплачиваться. Опасно скороспелое искусственное привязывание топонимических данных к археологическим или обратно.

Понятна научная осторожность авторов лучшей топонимической работы у нас — В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева: вопреки поставленному перед ними прямому заданию топонимически установить былую этническую границу между балтами и славянами, они в итоге большой исследовательской работы подчеркнуто ограничили свои выводы сферой языка, отведя всякую попытку увязывать полученные результаты с данными археологии. «Однако в ходе настоящего исследования выяснилось, что состояние лингвистического материала по Верхнему Поднепровью столь неудовлетворительно, что мы сочли целесообразным ограничиться собственно лингвистической стороной дела, отказавшись на данном этапе от координации результатов лингвистического исследования с археологическими»³. О состоянии материала науки-смежницы они из деликатности молчат. Если за что упрекнуть авторов, то за недостаточную осторожность: удержась от «перекидывания мостиков» между археологией и топонимикой, они, однако, автоматически принимают топонимический ареал тождественным языковому внетопонимическому, тогда как такое отождествление неправомерно. Знака равенства между ними ставить нельзя. Наличие или отсутствие какого-либо факта в топонимии данной территории еще не доказывает, что этот факт наличествовал или отсутствовал на данной территории в языке вне топонимии. Так, на территории, где петуха называют только *кочет*, название д. *Петуховка* не дает права утверждать, что некогда тут жило слово *петух*: топоним скорее всего образован из фамилии или прозвища, возникших совсем в другом месте в другое время, а может быть, перенесен переселенцами, как готовое название их родного села. В большинстве же случаев тот или иной языковой факт распространен в топонимии на гораздо меньшей территории, чем вне топонимии: языковое средство, употребленное в топонимии, может и не быть ре-

³ В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М. 1962, стр. 2.

гиональным, а регионален отбор определенных средств для топонимии. Слово *благодатне* «благодатное» известно на всей территории украинского языка, а все многочисленные топонимы *Благодатне* сосредоточены лишь на юге и юго-востоке — в степной полосе Украины. И есть топонимические ареалы, которые не соответствуют никакому языковому или диалектному ареалу, например, густое гнездо *-ята* в Залушье (Ивановская обл.).

Несовпадение топонимического ареала с не-топонимическим не должно поражать. Ведь общеизвестно, что не совпадают между собой территориальные границы разных признаков одного диалекта (например, граница аканья ь оканья проходит иначе, чем граница фрикативного и взрывного г, хотя это главные межги, отделяющие южно-русское наречие). Почему же обязаны совпасть с диалектными ареалами топонимические, не говоря уж об этнографических или археологических? Их совпадения возможны, как сливаются в «пучок» границы территориального распространения многих диалектных черт на рубежах, глубоко и устойчиво препятствовавших общению. Понятно, такому совпадению радуются топонимист и этнограф или топонимист и археолог, топонимист и диалектолог, как подтверждению правильности своих наблюдений: например, если удастся установить, что топонимическая граница между *-овцы* и *-ичи* на Украине совпадает с границей между разными формами свитки (вид одежды). Однако все-таки лучше бы тот и другой предпочитали расхождение обеих карт (конечно, если они достигнут совершенства по полноте и точности). Совпадение подкрепляет известное, несовпадение открывает неизвестное. Соответствие границ — все же только иллюстрация уже добытого другими путями. А там, где топонимические данные разойдутся с диалектологическими, этнографическими или археологическими — и таится главное для науки⁴. Синтез наук — не простое сложение выводов отдельных наук, у каждой из которых свой предмет и свои методы. Он не менее сложен, чем каждая отрасль науки. К сожалению, сами закономерности соответствий и несоответствий, как и методы сопоставления, до сих пор не разработаны научно.

⁴ Подробнее об этом см.: В. А. Никонов. Топонимика в историко-географической этнографии. М., 1964; Он же. Диалектология и топонимика. «Балканско езиковедение», София, 1961, III; Он же. Toponymie et dialectologie. «Revue Internationale d'Onomastique», Paris, 1961, № 3.

Из литературы по топонимике

Литература по топонимике необъятна. Одних только русских книг и статей в картотеке автора несколько тысяч. Из этой массы здесь помещено только представляющее общий или учебный интерес в соответствии с задачей книги. Раздел «Библиография» открывает интересующимся возможность углубленной заняться топонимикой. Заглавия расположены в порядке двух алфавитов: 1) русского (и алфавитов на русской основе), 2) латинского.

Популярная литература

- Бендер Н. А. Имена русских людей на карте мира. М., 1948, 159 с.
Горбачевич К. С. Русские географические названия. М.—Л., 1965, 64 с.
Мурзаев Э. М. Географические названия. «География в школе», 1962, № 4, стр. 21—26.
Мурзаев Э. М. Непроторенными путями. Изд. 2. М., 1950 (глава «Загадка географических названий»)
Поспелов Е. М. Названо именем Ленина. «Природа», 1961, № 4, стр. 43—48.
Сергеев И. В. Тайна географических названий. М., 1963, 238 с.
Узин С. В. О чем молчит карта. М., 1959, 95 с.
Узин С. В. Тайны географических названий. М., 1961, 103 с.

Основная литература

- Энгельс Ф. Франкский диалект. М., 1935.
«Географические названия». М., 1962, 183 с.
Георгиев В. И. Българска етимология и ономастика. София, 1960, 180 с.
Дульзон А. П. Вопросы этимологического анализа русских топонимов субстратного происхождения. «Вопросы языкознания», 1959, № 4, стр. 35—46.
Карпенко Ю. О. Топоніміка і її місце в лексичному складі мови. Чернівці, 1962, 23 с.
Матвеев А. К. Историко-филологические разыскания. «Ученые записки Уральского ун-та», вып. 36: Свердловск, 1960, стр. 85—126.

- Мурзаев Э. М. Топонимика и география. «Вестник МГУ». Серия географическая, 1963, № 3, стр. 11—16.
Никонов В. А. Диалектология и топонимика. «Балканско езикознание», III. София, 1961, стр. 11—24.
Никонов В. А. Неизвестные языки Поочья. «Вопросы языкознания», 1960, № 5, стр. 89—95.
«Питання ономастики». Київ, 1965, 308 с.
Попов А. И. К вопросу о мордовской топонимике. «Филологические доклады на конференции по вопросам финно-угорской филологии», т. 2. Саранск, 1948.
Попов А. И. Топонимическое изучение Восточной Европы. «Ученые записки ЛГУ». Серия востоковедческих наук, 1948, вып. 2, стр. 103—113.
«Принципы топонимики». М., 1964, 148 с.
Селищев А. М. Из старой и новой топонимики. «Труды Московского ин-та философии, литературы и истории», 1939, т. 5, стр. 124—174.
Серебрянников Б. А. О методах изучения топонимических названий. «Вопросы языкознания», 1959, № 6, стр. 36—50.
Соболевский А. И. Как исследовать местные названия. «Известия Отделения русского языка и словесности АН», 1919, т. 23, кн. I, II, стр. 183—186.
Ташицкий В. Место ономастики среди других гуманитарных наук. «Вопросы языкознания», 1961, № 2, стр. 3—11.
Топоров В. Н., Трубачев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962, 269 с.
Vach A. Deutsche Namenkunde, Bd II, H. 2 (Deutsche Ortsnamen). Heidelberg, 1954, 613 с.
Dauzat A. La toponymie française, 2e ed. Paris, 1946, 329 с.
Rospond St. Klasyfikacja strukturalno-gramatyczna słowiańskich nazw geograficznych. Wrocław, 1957, 75 с.
«Slawische Namenforschung». Berlin, 1963, 285 с.
Smilauer V. Uvod do toponomastiky. Praha, 1963, 220 с.
Taszycki W. Rozprawy i studia polonistyczne, I. Onomastyka. Wrocław—Kraków, 1958, 345 с.

Дополнительная литература

- Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор I. М.—Л., 1949.
Беленькая В. Д. Некоторые особенности топонимики населенных пунктов Англии. «Известия Всесоюзного географического общества». Л., 1963, № 2, стр. 154—163.
Веселовский С. Б. Топонимика на службе у истории. «Исторические записки», вып. 17. М., 1945.
«Вопросы ономастики», вып. I. Свердловск, 1962, 49 с.
Воробьева И. А. Русская топонимика Сибири в XVII в. «Лингвистический сборник». Томск, 1964, стр. 67—73.
Воробьева И. А. Русские названия озер Западной Сибири.— Там же.
Воробьева И. А. Словообразование русской топонимии Западной Сибири в связи с историей ее заселения. «Научные доклады высшей школы. Филологические науки», 1965, № 1, стр. 152—160.

- Гумецька Л. Л. Нарис словотворчої системи української актової мови XIV—XV ст. Київ, 1958.
- Гумецька Л. Л. Ономастичний формант -яг- в українській мові. «Слов'янське мовознавство», IV. Київ, 1962, стр. 17—32.
- Дамбе В. Ф. Исследования по вопросам топонимики Латвийской ССР. Рига, 1962, 38 с.
- Дуриданов И. За някою редки словообразователни типове в българската топонимия с успосредици от другите славянски езици. «Славистичен сборник», II. София, 1958, стр. 207—250.
- Казакевич В. А. Современная монгольская топонимика. Л., 1934, 29 с.
- Калинина Л. И. Ареалы распространения хантыйских топонимов Западной Сибири. «Ученые записки Томского пед. ин-та», 1961, т. 19, вып. 2, стр. 211—215.
- Капанцян Г. А. Суффиксы и суффиксированные слова в топонимике древней Малой Азии (их генезис, языковая принадлежность и территориальное распространение). Ереван, 1948, 56 с.
- Карпенко Ю. О. Давньоруська основа словотвору української топоніміки. «Питання історичного розвитку української мови». Харків, 1962, стр. 290—297.
- Карпенко Ю. О. Слов'яно-романські взаємини у буковинській топоніміці. «Славистичний збірник», 1963, стр. 158—170.
- Киекбаев Д. Г. Вопросы башкирской топонимики. «Ученые записки Башкирского пед. ин-та», вып. 8, № 2. Уфа, 1956, стр. 230—247.
- Ковалик І. І. Словотворча будова української топоніміки. «Питання українського мовознавства», кн. 4. Львів, 1960, стр. 137—143.
- Конкашпаев Г. К. Казахские народные географические термины. «Известия АН Казахской ССР», № 99. Серия географическая, вып. 3. Алма-Ата, 1951, стр. 3—47.
- Лебедева А. И. Географические названия, образованные от личных имен и прозвищ. «Вестник ЛГУ», 1959, № 14, вып. 3, стр. 99—106.
- Лебедева А. И. Значение топонимии для областного словаря.—Сб. «Слово в говорах русского Севера». Л., 1962, стр. 26—39.
- Матвеев А. К. Топонимические типы Верхнего и Среднего Прикамья. «Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции», вып. 2. М., 1961, стр. 319—330.
- Меновщиков Г. А. Палеоэскимосские топонимы северо-востока Сибири. «Вопросы языкознания», 1963, № 6, стр. 121—125.
- «Микротопонимия». М., 1964, 36 с.
- Мурзаев Э. М. К географической терминологии туркмен. «Известия Всесоюзного географического об-ва». Л., 1939, вып. 6, стр. 879—886.
- Мурзаев Э. М. К географической терминологии и номенклатуре киргизов Тянь-Шаня. «Известия Всесоюзного географического об-ва». Л., 1940, вып. 3, стр. 315—327.
- Мурзаев Э. М. Монгольская Народная Республика. Изд. 2. М., 1952 (гл. 2. «Система монгольских географических названий»).
- Мурзаев Э. М. Северо-Восточный Китай. М., 1955 (гл. «Система географических терминов», стр. 32—37; «Словарик географических терминов», стр. 240—243).

- Никонов В. А. История освоения Среднего Поволжья, по материалам топонимии. «Историческая география». М., 1960, стр. 172—194.
- Никонов В. А. Ручей—ключ—колодезь—криница—родник. «Материалы и исследования по русской диалектологии», т. 2. М., 1961, стр. 180—198.
- Никонов В. А. Топонимика в сравнительно-исторической лексикологии. «Лексикографический сборник», т. 6. М., 1963, стр. 17—23.
- Никонов В. А. Топонимика в историко-географической этнографии. М., 1964, 14 с.
- Никulina З. П. Историко-этимологический анализ топонимов Рязанского околородного стана XVI—XVII вв. «Ученые записки Рязанского пед. ин-та», 1958, т. 21, стр. 25—71.
- Петрович Э. Славяно-болгарская топонимика на территории РНР. «Romanoslavica», I. București, 1958, стр. 9—26.
- Петрович Э. Географическое распределение славянских топонимов на территории Румынии. «Romanoslavica», X. București, 1963, стр. 5—12.
- Пиотровский Р. Г. Опыт статистического анализа галлороманской топонимики. «Научные доклады высшей школы. Филологические науки», 1959, № 3, стр. 148—158.
- «Питання топоніміки та ономастики». Київ, 1962, 239 стр.
- Подольская Н. В. Исследование топонимики в связи с данными этнографии. «Материалы и исследования по русской диалектологии», т. 2. М., 1961, стр. 169—179.
- Попов А. И. Топонимика Белоозерского края. «Советское финно-угроведение», вып. 2. Л., 1948, стр. 164—174.
- Попов А. И. Материалы к топонимике Карелии. «Советское финно-угроведение», вып. 5. Петрозаводск, 1949, стр. 46—66.
- Поспелов Е. М. О балтийской гипотезе в северорусской топонимике. «Вопросы языкознания», 1965, № 2, стр. 29—38.
- Реформатский А. А. Топономастика как лингвистический факт. «Топономастика и транскрипция». М., 1964, стр. 9—34.
- Ріпецька О. Ф. Слов'янські елементи в топонімії Мекленбургу. «Слов'янське мовознавство», IV. Київ, 1962, стр. 233—249.
- Розенфельд А. З. Топонимика Нижнего Каратегина в связи с некоторыми вопросами его истории. «Известия Отд. обществ. наук АН Таджикской ССР», 1956, 10—11, стр. 85—93.
- Семенова М. Ф. Из топонимики Латгали. «Ученые записки Латвийского ун-та», XI. Рига, 1956, стр. 215—233.
- Сергиевский М. В. Топонимика Бессарабии и ее свидетельства о процессе заселения территории. «Известия АН СССР, ОЛЯ», 1946, № 4, стр. 333—350.
- Соболевский А. И. Лингвистические и археологические наблюдения. «Русский филологический вестник». Варшава, 1910, № 3 и № 4.
- Соболевский А. И. Названия рек и озер русского Севера. «Известия II отд. АН», т. 32, Л., 1927, стр. 1—42.
- Субаева Р. Х. О названиях рек и озер Среднего Поволжья. «Известия Казанского филиала АН СССР». Секция энергетики и водного хозяйства, вып. 3. Казань, 1961, стр. 299—307.

- Суперанская А. В. Типы и структура географических названий «Лингвистическая терминология и прикладная топонимика». М., 1964, стр. 59—118.
- Суперанская А. В. Применение метода лингвистической статистики к изучению топонимической системы г. Москвы.— Там же, стр. 119—143.
- «Топонимика Востока» (Труды совещания). М., 1962, 211 с.
- «Топонимика Востока. Новые исследования». М., 1964, 228 с.
- Трубачев О. Н. О племенном названии *Уличи*. «Вопросы славянского языкознания», 1961, т. 5, стр. 186—190.
- Франко І. Причинки до української ономастики. «Науковий збірник, присвячений М. Грушевському». Львів, 1906.
- Хайдаков С. М. Место топонимических названий в лексике лакского языка, их структура и познавательная ценность. «Известия АН СССР, ОЛЯ», 1960, № 6, стр. 462—470.
- Цагаева А. Д. Топонимические названия Осетии и их структура. «Известия Сев.-Осет. НИИ», т. 21, вып. 1. Орджоникидзе, 1964, стр. 74—83.
- Цілуйко К. К. Про роботу діалектолога з топоніміки. «Діалектологічний бюлетень», 2. Київ, 1950, стр. 3—14.
- Черняхівська Е. М. Словотворча структура топонімічних назв Львівщини. «Питання українського мовознавства», кн. 4. Львів, 1960, стр. 144—149.
- Шостакович В. Г. Историко-этнографическое значение названий рек Сибири. «Известия Восточно-Сибирского отдела Русского географического об-ва». Иркутск, 1926, стр. 115—130.
- Ященко А. И. О некоторых народных названиях поселений Курской области. «Ученые записки Курского пед. ин-та», 1959, вып. 9, стр. 172—185.
- «Contributions onomastiques». Bucarest, 1958, 184 с.
- Iordan I. Toponimia Românească. București, 1963, 582 с.
- «Leipziger Abhandlungen zur Namenforschung und Siedlungsgeschichte». «Wissenschaftliche Zeitschrift der Karl-Marx-Universität». Leipzig, I—1962, № 2, стр. 273—405; II—1964, № 2, стр. 346—409; III—1965, № 1, стр. 103—165.
- Karaś M. Nazwy miejscowe typu *Podgóra, Zalas* w języku polskim i w innych językach słowiańskich. Wrocław, 1955, 145 с.
- Kniezsa I. Chronologie der slovakische Ortsnamentypen. «Studia Slavica», 5. Budapest, 1959, № 1—2, стр. 173—180.
- Krahe H. Unsere ältesten Flussnamen. Wiesbaden, 1964.
- Moog E. Ungarische Flussnamen. «Ungarische Jahrbücher», 1926, VI, N 4, стр. 434—447.
- Nikonov V. A. Paradoxes toponymique. «Revue Internationale d'Onomastique». Paris, 1959, № 3, стр. 161—173.
- Otrębski J. La formations des noms de lieux en lithuanien. «Lingua Posnaniensis», 2. Poznań, 1950, стр. 4—43.
- Reanneu P. H. The Origin of English Place Names. London, 1961, 277 с.
- Ripecka O. Klassifikationsprinzipien der deutschen Toponyme slawischer Herkunft. «Onomastica Slavogermanica». Berlin, 1965, стр. 23—28.
- Rolfs G. Studien zur romanische Namenkunde. München, 1956, 230 с.
- Rospond St. Południowo-słowiańskie nazwy miejscowe z sufiksem *-itj-*. Kraków, 1937, 254 с.
- Rospond St. Stratygrafia toponimiczna. «Z polskich studiów slawistycznych». Warszawa, 1958, стр. 159—186.
- Rozwadowski J. Studia nad nazwami wód słowiańskich. Kraków, 1948, 344 с.
- Safarewiczowa H. Nazwy miejscowe typu *Mroczkowizna, Klimontowszczyzna*. Wrocław, 1956, 352 с.
- Savukinas B. Kilmininkiniai lietuvių vietovardžiai. «Lietuvių kalbotyros klausimai», VI. Vilnius, 1964, стр. 235—246.
- Schmittlein R. Voies et impasses de la toponymie lituanienne. «Revue Internationale d'Onomastique». Paris, 1958, № 2, стр. 107—138.
- Schwarz E. Deutsche Namenforschungen, 2. Orts- und Flurnamen. Göttingen, 1950, 322 с.
- Smith A. H. English place-names elements, I—II. Cambridge, 1956, 305 + 417 с.
- Smoczyński P. Słowiańskie imiona pospolite i własne z podstawowym *-ch* w części sufiksальной. Łódź, 1963, 112 с.
- Sperber W. Die Bedeutung der Plurals bei sorbischen Flurnamen. «Zeitschrift für Slawistik». Berlin, 1958, № 2—4, стр. 310—322.
- Sperber W. Zum Verhältnis zwischen sorbischen und deutschen Flurnamen in der zweisprachigen Lausitz. «Zeitschrift für Slawistik», VIII. Berlin, 1963, № 4, стр. 515—524.
- Stanislav J. Slovenský Juh v stredoveku, I—III. Turč. Martin, 1948.
- Smilauer VI. Osídlení Čech ve světle místních jmen. Praha, 1960, 392 с.
- Unbegaun B. Les noms des villes russes. «Revue des études slaves». Paris, 1936, № 1—2, стр. 65—75; № 3—4, стр. 214—235.
- Vasmer M. Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven, I. Iranien in Südrussland, Leipzig, 1932.
- Witkowski T. Grundbegriffe der Namenkunde. Berlin, 1964, 92 с.
- Zwoliński P. Nazwy tony rybackich jeziora Sniardwy. «Język Polski», 1954, № 4, стр. 286—304.

Словари

- Дуриданов И. Местните названия от Ломско. София, 1962, 204 с.
- Дуриданов И. Топонимията на Първомайска околия. София, 1958, 200 с.
- Займов Й. Местните имена в Пирдопско. София, 1959, 300 с.
- Карпенко Ю. О. Топонимика гірських районів Чернівецької області. Чернівці, 1964, 80 с.
- Конкашпаев Г. К. Словарь казахских географических названий. Алма-Ата, 1963, 186 с.
- Мурзаевы Э. и В. Словарь местных географических терминов. М., 1959, 303 с.
- Стрижак О. С. Назви річок Полтавщини. Київ, 1963, 112 с.
- Bezljaj F. Slovenska vodna imena, I—II. Ljubljana, 1956—1963, 365 + 354 с.
- Dauzat A. Les noms de lieux. Paris, 1951, 264 с.
- «Deutsch-slawische Forschungen zur Namenkunde und Siedlungsgeschichte», I—XVII (изд. продолжается). Halle (Saale), с 1956 г.

- Ekwall E. The Concise Oxford dictionary of English Place-names, 4e ed. London, 1960, 546 с.
- Endzelins J. Latvian PSR vietvārdi. Riga, I—1956, 424 с.; II—1961, 506 с.
- «Namen deutscher Städte». R. Fischer, E. Eichler, H. Naumann, H. Walter. Berlin, 1963, 137 с.
- Profous A. Místní jména v Cechách, I—V. Praha, 1947—1960 (издание довели до конца Я. Свобода и В. Шмилауэр).
- Stieber Z. Toponomastyka Lemkowszczyzny. Łódź, I—1949, 79 с.; II—1949, 115 с.
- Zaimov J. Bulgarische Gewässernamen. «Zeitschrift für Slawistik», VI. Berlin, 1961, № 1, стр. 43—60; № 2, стр. 217—250.

Топонимические журналы

- Beiträge zur Namenforschung. Heidelberg. С 1949 г.
- Names. Berklay — Los Angeles. С 1953 г.
- Namn och Bygd. Uppsala. С 1913 г.
- Onoma. Louvain (Орган ЮНЕСКО). С 1950 г.
- Onomastica. Wrocław — Kraków — Warszawa. С 1955 г.
- Revue Internationale d'Onomastique. Paris. С 1949 г.
- Zpravodaj Místopisné Komise ČSAV. Praha. С 1960 г.

Библиография топонимики

- «Иностранная литература по топонимике». М., 1965, 40 с. (В. Д. Беленькая. Топонимическая литература Англии; Е. М. Поспелов. Топонимическая литературы США; Л. С. Матвеева. Французская топонимическая литература; Н. И. Толстой. Основная литература по топонимике Югославии; А. К. Кошелев. Топонимическая литература Болгарии).
- Кукушкина Е. И., Симонова А. Г., Степанова А. Г., Хотимская Н. З. Литература по топонимике зарубежного Востока. «Топонимика Востока». М., 1962, стр. 202—209.
- Никонов В. А. Послевоенные работы по топонимике в славянских странах. «Краткие сообщения Ин-та славяноведения АН СССР», 1960, вып. 28, стр. 75—105.
- Никонов В. А. Топонимическая серия в ГДР.— Там же, 1961, вып. 30, стр. 100—109.
- Никонов В. А. Ономастика на V Международном съезде славистов и славянский топонимический атлас. «Вопросы языкознания», 1964, № 2, стр. 141—146.
- «Топонимический минимум». М., 1964, 24 с.
- Eichler E. Wegweiser zur Namenforschung von F. Engels bis in die Gegenwart. Halle (Saale), 1962, 113 с.
- Eichler E., Hengst K. Bibliographie der Namenforschung in DDR. Leipzig, 1963, 116 с.
- Taszycki W. Bibliografia onomastyki polskiej. Kraków, 1960, 337 с.

Приложения

Об упорядочении дела присвоения имен государственных и общественных деятелей краям, областям, районам, а также городам и другим населенным пунктам, предприятиям, колхозам, учреждениям и организациям

(Из Указа Президиума Верховного Совета СССР от 11 сентября 1957 г.)

1. Признать необходимым прекратить в дальнейшем присвоение краям, областям, районам, а также городам и другим населенным пунктам, предприятиям, железнодорожным станциям, колхозам, учреждениям, учебным заведениям и организациям имен государственных, общественно-политических деятелей, деятелей науки и культуры при их жизни.
2. Установить, что впредь присвоение имен в соответствии со статьей первой настоящего Указа может производиться только посмертно в целях увековечения памяти особо выдающихся государственных, общественно-политических деятелей, защитников Родины, героев труда, деятелей науки и культуры и лишь в исключительных случаях по ходатайствам трудящихся, а также советских и общественных организаций в следующем порядке:
 - а) краям, областям, районам, а также городам и другим населенным пунктам присвоение имен производится Президиумами Верховных Советов союзных республик;
 - б) государственным предприятиям, железнодорожным станциям, учреждениям и другим объектам и организациям общесоюзного подчинения присвоение имен производится Советом Министров СССР;
 - в) государственным предприятиям, учреждениям и другим объектам и организациям союзно-республиканского, республиканского и местного подчинения присвоение имен производится Советами Министров союзных республик;
 - г) колхозам, предприятиям и артелям промышленной кооперации и другим кооперативным организациям присвоение имен производится по ходатайству общих собраний членов этих организаций исполкомами соответствующих краевых, областных Советов депутатов трудящихся, Советами Министров АССР, а в республиках, не имеющих областного деления, — Советами Министров союзных республик.

Об упорядочении регистрации, наименования и учета населенных пунктов в РСФСР

(Из Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 28 мая 1962 г.)

1. Регистрации и наименованию подлежат все вновь возникшие населенные пункты, имеющие закрепленную за ними территорию и постоянно проживающее в них население.

Населенные пункты, имеющие временное значение и непостоянный состав населения (лесные кордоны, полевые станы и пр.) или имеющие служебное значение в системе какой-либо отрасли хозяйства (железнодорожные будки, дома бакепщиков и другие поселения, связанные с обслуживанием транспорта или охраной путей сообщения, метеостанции и пр.), регистрации не подлежат.

2. Регистрация и наименование вновь возникших населенных пунктов производится соответственно Президиумом Верховного Совета автономной республики, исполнительным комитетом краевого, областного Совета депутатов трудящихся по ходатайствам исполнительных комитетов районных, городских (городов республиканского (АССР), краевого и областного подчинения) Советов депутатов трудящихся.

В ходатайствах о регистрации и наименовании вновь возникших населенных пунктов указывается: месторасположение вновь возникшего населенного пункта (расстояние до центра сельсовета, района, ближайшей железнодорожной станции, почтового отделения); причины его возникновения; когда и кем отведено место для населенного пункта и утвержден план его застройки; количество населения и его состав по преобладающему роду занятий; преобладающая национальность населения; предлагаемое наименование населенного пункта и обоснование этого наименования.

3. Наименования вновь возникшим населенным пунктам устанавливаются, исходя из географических, исторических, национальных, местных природных и прочих условий с учетом пожелания населения. При этом присвоение населенным пунктам уже имеющихся в крае, области, АССР наименований не допускается.

Присвоение вновь возникшим населенным пунктам имен государственных, общественно-политических деятелей, деятелей науки и культуры производится в порядке, предусмотренном Указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 сентября 1957 года «Об упорядочении дела присвоения имен государственных и общественных деятелей краям, областям, районам, а также городам и другим населенным пунктам, предприятиям, колхозам, учреждениям и организациям».

4. Переименование краев, областей, национальных округов, районов, городов, курортных поселков и других населенных пунктов производится Президиумом Верховного Совета РСФСР по ходатайствам исполнительных комитетов краевых, областных Советов депутатов трудящихся и представлениям Президиумов Верховных Советов АССР.

О порядке наименования и переименования краев, областей, районов, а также городов и других населенных пунктов, предприятий, учреждений и организаций

(Из Постановления Президиума Верховного Совета СССР от 25 сентября 1964 г.)

В целях наведения надлежащего порядка в наименовании и переименовании административно-территориальных единиц, населенных пунктов, железнодорожных станций, предприятий, колхозов, учреждений, организаций, физико-географических и иных объектов Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

1. Рекомендовать Президиумам Верховных Советов союзных республик рассмотреть сложившуюся практику наименований и переименований краев, областей, районов, сельсоветов, а также городов и других населенных пунктов, улиц, предприятий, колхозов, учреждений, организаций и иных объектов союзно-республиканского, республиканского и местного подчинения и установить порядок разрешения этих вопросов в соответствии с принципами, установленными в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 11 сентября 1957 г. «Об упорядочении дела присвоения имен государственных и общественных деятелей краям, областям, районам, а также городам и другим населенным пунктам, предприятиям, колхозам, учреждениям и организациям», предусмотрев при этом, что:

а) наименование и переименование краев, областей, районов, а также городов, поселков, сел и других населенных пунктов производится Президиумами Верховных Советов союзных республик.

Переименование населенных пунктов, в которых расположены почтово-телеграфные учреждения или железнодорожные станции, производится с предварительным уведомлением соответственно Министерства связи СССР либо Министерства путей сообщения СССР;

б) наименование и переименование государственных предприятий, учреждений, организаций и других объектов союзно-республиканского и республиканского подчинения производится Советами Министров союзных республик, а местного подчинения — исполнительными комитетами соответствующих краевых, областных Советов депутатов трудящихся, Советами Министров автономных республик, в республиках, не имеющих областного деления, — Советами Министров союзных республик;

в) наименование и переименование колхозов и других кооперативных организаций производится по ходатайству общих собраний членов этих организаций исполнительными комитетами соответствующих краевых, областных Советов депутатов трудящихся, Советами Министров автономных республик, в республиках, не име-

ющих областного деления,— Советами Министров союзных республик;

г) при наименовании и переименовании административно-территориальных единиц и населенных пунктов не должно допускаться присвоение уже имеющихся наименований.

2. Совет Министров СССР устанавливает порядок наименования и переименования государственных предприятий, железнодорожных станций, морских портов, аэропортов, учреждений, организаций и других объектов общесоюзного значения, а также физико-географических объектов.

СОДЕРЖАНИЕ

Предварительные замечания	3
Зачем нужна топонимика	8
Значения названий	16
Все ли названо?	16
Случайны ли названия?	20
Основной закон топонимики	23
Исторические пласты	28
Закон ряда	33
Относительная негативность названий	38
Подразделения топонимии по видам объектов	42
Основа подлинная и мнимая	51
Три плана значений, три функции значений	57
Формы названий	64
Словообразование	64
Суффиксация	68
География суффиксов	77
Приставки и предлоги	85
Составные названия	90
Отношения форм и значений	95
Фонетика топонима	100
Специфичность топонимов в языке	107
Судьба названия	112
Топоним меняет объект	112
Кальки	121
Переосмысления	129
Хаос изменений	134
Закономерности изменений	141
Сосуществование названий	147
Смена названий	152
Топонимика и смежные науки	164
<i>Из литературы по топонимике</i>	<i>168</i>
<i>Приложения</i>	<i>175</i>

Об авторе

Владимир Андреевич НИКОНОВ

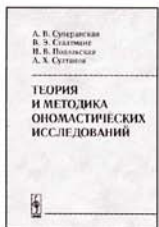
(1904–1988)

В. А. Никонов — один из выдающихся отечественных исследователей ономастики — «науки об именах». Его многочисленные научные труды — книги («Введение в топонимику» (1965), «Краткий топонимический словарь» (1966; 2-е изд. М.: URSS, 2010), «Имя и общество» (1974), «Ищем имя» (1988), «География фамилий» (1988; 4-е изд. М.: URSS, 2008), «Словарь русских фамилий» (1993)), статьи, заметки — были посвящены различным направлениям ономастики. За заслуги в развитии советской ономастической науки В. А. Никонов в 1972 г. был избран почетным членом Международного комитета ономастических наук при ЮНЕСКО.

Одним из направлений ономастики, которому В. А. Никонов посвятил многие годы жизни, было изучение фамилий. Им исследовались русские фамилии, формы славянских фамилий, хорватские, мордовские, среднеазиатские и грузинские фамилии.

Разработанный В. А. Никоновым географический подход в изучении фамилий привел его к научному открытию. Среди русского населения Европейской части России он впервые выделил четыре основных района, в каждом из которых господствует одна фамилия. Так, на Севере преобладает Попов, в Северном Поволжье — Смирнов, в огромной полосе южнее и восточнее Москвы — Кузнецов, а на северо-западе Европейской части России — Иванов. По мнению В. А. Никонова, эти четыре массива, каждый из которых охватывает миллионы людей, — четыре историко-географических слагаемых России: земли суздальско-владимирские, псковско-новгородские, северные и, наконец, земли нового освоения.

Наше издательство предлагает следующие книги:

6131 ID 117846

Любые отзывы о настоящем издании, а также обнаруженные опечатки присылайте по адресу URSS@URSS.ru. Ваши замечания и предложения будут учтены и отражены на веб-странице этой книги в нашем интернет-магазине <http://URSS.ru>

URSS

E-mail: URSS@URSS.ru
Каталог изданий в Интернете: <http://URSS.ru>

URSS НАШИ НОВЫЕ
КООРДИНАТЫ

ТЕЛЕФОН/ФАКС (многоканальный) **+7(499)724-25-45**
117335, Москва, Нахимовский пр-т, 56